

K 563

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В.А.БУРОВ

"А погост Жабна пуст..."

Москва 1994

На первой странице обложки приведено местоположение современной деревни Жабны.

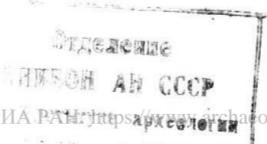
Буров В.А.

"А погост Жабна пуст...". — 137 с., 16 ил.

Новгородские писцовые книги XV—XVI вв. являются ценнейшим историческим источником по изучению средневековой деревни Северо-Запада России. Однако до сих пор они оставались предметом изучения лишь кабинетных историков. Автор книги — сотрудник Института археологии РАН, канд. ист. наук — поставил перед собой задачу на примере погоста Жабна, расположавшегося в XII—XVII вв. на Валдае, дать археологический комментарий к Новгородской писцовой книге Деревской пятини 1495—1501 гг. Жабенская волость привлекла его внимание прежде всего тем, что, подобно Новгороду, она имела деление на концы. Удалось ли раскрыть тайну происхождения концов Жабенской волости? Что нового в науку может внести археолог, решивший повторить маршрут древних писцов? Ответ на эти и другие вопросы можно найти в предлагаемой книге.

Данная тема победила на конкурсе 1992—1993 гг. по гуманитарным наукам, организованном Международным Фондом "Культурная инициатива". Ее автор был удостоен стипендии Джорджа Сороса.

© Буров В.А. 1994 г.

Электронная библиотека ИА РАН <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

4757-ep

*Светлой памяти отца,
Андрона Андреевича Бурова, посвящаю*

Предисловие

События, о которых пойдет речь, произошли около 1495 года.

По лесной дороге южной окраины Новгородской земли скакал небольшой отряд вооруженных всадников. Это были писцы великого московского князя Ивана Васильевича, только что завершившие описание Посонского погоста* на реке Цне. Теперь их путь лежал в полунощную сторону, к погосту Жабна. Они подстегивали коней, чтобы скорее достичь пределов Жабенской волости и без промедления приступить к ее переписи.

17 лет назад Иван III присоединил к Москве вольный Новгород, а еще несколько лет спустя за сговор и измену вывел из него бояр, житых людей** и купцов, расселив их по многочисленным городкам и городам Московского княжества. Тем самым великий князь лишил своих противников основы их могущества — земли. Владения Великого Новгорода отошли к Москве. Это было самое крупное приобретение московского правителя.

Необъятны просторы земли Новгородской — средневекового государства IX—XV веков. На севере его владения омывались водами Студеного (Белого) моря, на юге — водами озера Селигер. На западе границей служило Варяжское (Балтийское) море, на востоке — Каменный пояс (Урал).

И эти просторы Иван III пожелал описать в 1480-х годах. Он хотел знать, какие доходы пополнят его казну. Часть земель великий князь намеревался раздать своим служилым людям.

Перепись состоялась, но, видимо, неполная. Уж слишком большую территорию предстояло обойти.

Правда, столь сложная задача облегчалась тем, что присоединенную в 1478 году к Москве Новгородскую землю административно поделили на пять частей. Части эти называли "пятинами": Шелонская — на западе и юго-западе, Водская — на северо-западе, Обонежская — на севере и северо-востоке, Бежецкая — на востоке и Деревская — на юго-востоке. Перепись можно было осуществлять по пяти частям или по половинам каждой пятины.

---

* см. словарь терминов

** см. словарь терминов

В середине 1490-х годов Иван III приказал провести повторную перепись Деревской пятины. Чтобы скорее выполнить этот указ, в каждую ее половину решено было направить по отряду. Один отряд и составляли всадники, покинувшие Посонский погост.

Посланники московского князя скакали по старой Луцкой дороге, которая вела в Луки Великие. Эта дорога после Волочки пролегала через несколько погостов, в том числе и через Жабну.

Наконец слева возникла почти внезапно небольшая деревушка Жольницы, первый пункт остановки. С нее и началось описание Жабенской волости. Далее последовала однодворная деревня Скоково, после нее — Становище, Белище и Холуи. Последняя являлась центром Яковлевской волостки, некогда принадлежавшей новгородскому боярину Якову Ивановичу Скомантову.

После Холуев писцам пришлось свернуть с Луцкой дороги и путями, известными лишь местным жителям, переезжать от деревни к деревне. Только две недели спустя писцы подъехали к Жабенскому погосту, который раскинулся на берегу небольшого озерка. Он включал 14 дворов, церковь и кладбище. Строения стояли у воды. А в отдалении от изб на вершине гряды тянулась к небу высокая, стройная, сложенная из крупных бревен церковь. Икона над входом изображала святого Николу.

Всадники въехали на обширный церковный двор. По соседним дворам забегали ребятишки, мужики, бабы. Вскоре перед приехавшими представили два правителя Жабенской волости — тиуны*, два попа с одинаковым именем Семен, дьяк Сенька. Пришел из соседней деревеньки Бухалово и волостной староста Захар Пантелейков. Столпившийся народ ждал, что последует дальше. Самый статный, одетый в дорогую одежду всадник важно поправил свисавшую сбоку саблю, достал свиток и громко зачитал великорусский указ из Москвы о переписи всех волостей Новгородской земли. Теперь присутствующие внимательнее посмотрели на выючных лошадей с рундучками. При словах же о бараньих тушках, курях, сырах, необходимых для пищи писцов, люди завздыхали. Опять налог. Но по знаку старосты все замолчали.

Приезжих определили на постой тиуны.

На следующий день писцы приступили к работе. Прежде всего они описали сам погост, указав количество дворов, дворовладельцев. Но запись о погосте начали с указания на владение волостью великим князем. Отметили и бывшего владельца — новгородского владыку. Первой постройкой была названа церковь: "Погост Жабенской. Великого князя волость Жабна, что бывала владычня. На погосте цер-

* см. словарь терминов

ковь велики Никола. На погосте ж: во дворе поп Семен, во дворе поп Семен же, во дворе дьяк Сенка, во дворе сторож церковный Гридя, во дворе сторож Гридя ж, пашут землю церковную, в обжи * не положены. А христиан тяглых на погосте: во дворе Ондрейко Чепел, во дворе Ортемко, во дворе Онфимко Степановы, во дворе Огафоник Ивашков, во дворе дьяк Михаль, сеют ржи 12 коробей **, а сена косят 80 копен, 5 обеж. На погосте ж люди непашенные: во дворе Митрошка Перфуров, во дворе Онфимко Ларивоников, во дворе Палка Онисимков, во дворе Дмитрок Гридин. На погосте же два двора волостелины, а в них живут тиуны".

Затем началась перепись деревень, тянувшихся к погосту. Писцы обезжали все дворы, записывали имена дворовладельцев, выясняли, сколько они сеют ржи, сколько косят сена, размеры пашни. Свои записи они сверяли со старой книгой. Представителей великого князя сопровождали волостной староста или тиуны. Быстро расходовались чистые листы пергамина, заполнявшиеся убористой скорописью: "А деревень к погосту: д.Дорища: во дворе Аристик Исачков, во дворе Игнатко Овдейков, во дворе Конаник Окулов, во дворе Офонасько Дятлов, во дворе Васюк Конаник, во дворе Лукьянник Трофимов, во дворе Андрейко Сидков, во дворе Игнатко Степанков, во дворе Макарик Карпиков, во дворе Окиш Ивашков, во дворе Ларивоник Ивашков, сеют ржи пол-30*** коробей, а сена косят пол-200 копен, 11 обеж....". Так описывалась каждая деревня — Бухалово, Бухалова Гора, Пустки, Песеи Конец, Суша, Березье, Песчян, Вельцо, Мартюшино, Юрькина Горка, Черньцово, Копытово, Каменец.

На Каменце деревни, тянувшиеся непосредственно к погосту, неожиданно закончились. Это удивило писцов, привыкших к тому, что в других волостях к погосту тянули абсолютно все деревни, если они не входили в состав более мелких единиц типа волостки, принадлежавшей какому-либо землевладельцу, включая монастыри. Староста ответил, что деревни в Жабенском погосте исстари объединяются по концам. Есть Луцкий конец, Жаровский конец, Гранитцкий конец, Чигаревский конец, Повиткинский конец, Клуборьский конец. Есть обширная территория, носящая наименование Вятичи. Имеются также деревни, входящие в состав волосток — частных владений. Например, одна волостка за Ивашком. По несколько деревень принадлежало новгородским монастырям — Спасо-Хутынскому, Шиловскому. К погосту Жабна приписана и целая волость Березовец на Селигере, ранее принадлежавшая Марфе Борецкой.

* см. словарь терминов

** см. словарь терминов

*** см. словарь терминов

Писцы не стали возражать, тем более, что о концах волости сообщала прежняя писцовая книга. Слова старосты подтвердили и тиуны. Так по концам и описали Жабенский погост. Время не ждало. Всего погostов в первой половине Деревской пятини ровно тридцать. Успеть бы их описать.

Концы Жабенского погоста московские писцы восприняли, вероятнее всего, как местную особенность, с которой следует считаться. Позднее нигде в волостях никаких концов им не попадалось.

Писцовая книга, привезенная из Деревской пятини в Москву, долгое время служила основой для подсчета налогов, шедших в пользу великого князя. Книгу эту листали и в XVI, и в XVII столетиях. С ней сверяли поздние записи. Так получилось, что и начальные, и конечные листы ее порвались, затерялись. В таком виде она была обнаружена в середине XIX века исследователями. Несмотря на утраты, ей повезло: ее предшественница — писцовая книга 1480-х годов канула в вечность. В 1859 году Новгородская писцовая книга Деревской пятини была опубликована в двух томах. Любителям старины была предоставлена уникальная возможность совершить удивительное путешествие по юго-востоку Новгородской земли в год 1495-й, однако мало кто из историков воспользовался этой услугой.

Прошло полвека. Книга попала в руки молодого талантливого историка Б.Д. Грекова. Он готовил крупную работу "Дом Святой Софии" и, обратившись к материалам писцовых книг, искал сведения о землевладении новгородской церкви. Так Б.Д. Греков вышел на погост Жабна.

Исследователь был взволнован. Погост Жабна состоял из концов. Но и древний Новгород делился на концы, сведения о которых содержат летописи. Концы Жабны и Новгорода. Здесь должна быть какая-то связь. Возможно, именно тут и лежит ключ к проблеме деления самого Новгорода на концы! Вновь и вновь Б.Д. Греков вчитывался в текст книги. Размышлял. Но четыре столетия непреодолимой стеной отгородили от историка истину. Прорваться сквозь толщу вскоков и понять смысл концов Жабенской волости было невозможно. Мучительно невозможно. Исследователю оставалось лишь выдвинуть гипотезу: "Что такое концы, в каких отношениях они стоят к главному селению погосту и к живущей в нем администрации, мы ничего точно сказать не можем, кроме бросающегося в глаза факта какой-то разницы в положении концов по сравнению с той группой деревень, которые тянут непосредственно к погосту ... Концы не сливаются с деревнями, тянувшими к погосту. Семь концов и погост со своими деревнями составляют одну большую волость. Не был ли когда-нибудь и сам Новгород Великий в подобном же положении?".

Идея представить Новгород в виде города-волости с кончанской структурой* поражала своей смелостью. Красивая гипотеза. Она увлекала. Недаром крупнейший специалист по истории и археологии Новгорода А.В.Арциховский в работе 1945 года подчеркнул основательность данной мысли.

Другой исследователь Руси — Н.Н.Воронин — пытался развить тезис Б.Д.Грекова. В волости Жабна он увидел модель, по которой образовался Новгород. "... Новгородский поселок — погост Жабна — в XV веке был окружен концами, еще не успевшими слиться с погостом в один город", — предполагал историк.

И уже совсем недавно концы Жабенской волости обратили на себя внимание историка Л.А.Фадеева, предположившего, что термин "конец" на Руси сменил термин "погост". Концы рассматривались им как погостские общинны. А личные имена в названиях ряда деревень дали основание исследователю сделать вывод, что концы восходили к эпохе родовых отношений, периоду большесемейных общин.

Гипотезы, гипотезы, гипотезы ... Конечно, историческая наука, как, впрочем, и любая другая, не может жить без идей, рожденных зачастую умозрительно из-за отсутствия реальных фактов. Но без гипотез обойтись никак нельзя. Их можно ругать, высмеивать, можно пренебрегать ими. Однако вряд ли стоит отрицать, что заманчивая теория — это внутренний движитель науки, обеспечивающий прогресс. Она будит воображение, заставляет предпринимать поиск доказательств появившейся мысли, словом, толкает исследователя к активным действиям.

Если бы не было работ Б.Д.Грекова, А.В.Арциховского, Н.Н.Воронина, Л.А.Фадеева, не думаю, что читатель прочел бы настоящую книгу. Она просто не родилась бы, потому что сама тема Жабенской волости не была бы высвечена яркими научными идеями.

Итак, историки обратили внимание на важную научную проблему. Но решить ее, имея под рукой только одну Новгородскую писцовую книгу 1495 года, оказалось явно невозможным. Данный исторический источник сам себя исчерпал. Выход был один — расширить источниковедческую базу.

Что необходимо было сделать? Прежде всего требовался археологический комментарий к самой писцовой книге. Не ясно было, где располагались деревни, упомянутые в книге. Не известно также, когда они возникли и что из себя представляли. Если были деревни, то от них должны были сохраниться археологические памятники — селища, датирующиеся по крайней мере концом XV столетия. На дату укажет керамика — фрагменты глиняной посуды. Важно раз-

* см. словарь терминов

ыскать эти селища. Иными словами, ответить на три знаменательных вопроса: ЧТО? ГДЕ? КОГДА? Это исследование представляло огромный научный интерес, поскольку археологи деревнями писцовых книг не занимались.

Мысль заняться пристальным изучением Жабенской волости вынашивалась несколько лет. Только в 1985 году благодаря поддержке зав. сектором славяно-русской археологии Института археологии Светланы Александровны Плетневой мечты мои стали реальностью. Был образован Деревский отряд, приступивший в том же году к исследованиям.

Опыт показывает, что современный археолог должен быть историком, иначе все его раскопки будут сведены к вещеведению. Но быть историком — это прежде всего означает ориентироваться в круге исторических источников, которые следует привлечь к своей работе. А таких источников множество: исторические и современные карты, всевозможные рукописные книги XVI—XVIII веков, материалы знаменитого Генерального межевания эпохи Екатерины II. Все это хранится в многочисленных архивах нашей страны — в Москве, Петербурге, Новгороде. Их надо выявить, собрать сведения, касающиеся темы, систематизировать, проанализировать. Полученные исторические сведения важно сопоставить с данными археологического обследования местности. Только такой сплав способен выдержать нагрузку последующих исторических выводов.

Для меня было ясно, что начинать надо с карты. Прежде всего я обратился к "Карте пятин новгородских в XVI веке с показанием в них городов и погостов", составленной в 1853 году историком К.Неволиным. Она была опубликована им в том же году, ярко свидетельствуя о прогрессе печатного дела в эпоху крепостнической России.

На карте К.Неволина погост Жабну было найти нетрудно. Он располагался северо-восточнее озера Селигер. Там же указывались река Шлина, озеро Шлино — четкие ориентиры, размещавшиеся к северу и северо-западу от Жабен. Ближайший крупный город — Вышний Волочек — отстоял от погоста на расстоянии около 55 верст к востоку. Локализация Жабны К.Неволиным была безупречна: карты XVIII—XX веков отмечают здесь деревню Жабны, картографические источники определяют Жабны как погост и в XVIII, и в XIX веках.

Стало также известно, что Жабенский погост в XVIII—XIX веках, вплоть до 1917 года относился к Валдайскому уезду Новгородской губернии. Сейчас это деревня Жабны, она значится в Тверской (бывшей Калининской) области, в Фировском районе. Надо изучать карты Новгородской губернии. Основная задача — найти те деревни, которые с XV столетия дожили до наших дней. Это позволит пример-

но наметить территории отдельных единиц древней волости (концов, волосток, округи погоста).

Самыми доступными картами оказались одноверстка Генштаба Русской армии начала века и карта 1788 года. Конечно, им далеко до современных карт, много схематизма. Но главное — на них обозначены все деревни, существовавшие еще до революционного смерча.

Помощницей мне служит обширная картотека деревень. Пока я еще путаюсь в названиях. Прочитав на карте название, сверяю его с карточкой. Сразу становится ясно, что возраст многих деревень весьма преклонный. Они известны по книге 1495 года. Это по книге, а археологически?

Из 14 деревень, располагавшихся рядом с самим погостом, сразу нашел три: Бухалово, Вельцо, Мартюшино. Ясно, что территория погоста выходила к озеру Шлино и реке Шлине. Не представляло труда примерно локализовать и Луцкий конец на речке Рабеже, впадавшей в озеро Шлино с юго-запада. Здесь располагались деревни Мошек, Рабежа. На самом же южном берегу озера находжу Домажирово и Луку.

Восточнее Жабен в междуречье Шлины и Граничной четко локализуется Жаровский конец. Из 12 деревень, упомянутых в писцовой книге 1495 года, здесь сохранились Иваньково, Поддубье, Жары.

Границкий конец отыскать не составило труда. Его центр — озеро Гранишно, из которого вытекает река Гранишна, ныне Граничная. В названиях Гребенева, Озерева, Святыцы проглядывают изначальные — Гребень, Святыца. Из 40 деревень это все.

Чигаревский конец берет свое название явно от Чигарихи, известной по современным картам. Он размещался южнее Границкого конца у озера Тихмень. Одна из деревень значится в писцовой книге "Тихмино у озера Тихменя". Нахожу деревни Букино, Раменье. А где остальные 33?

Повиткинский конец, включавший 32 деревни, надо искать западнее Чигаревского, около озера Серемо, поскольку в книге 1495 года отмечена деревня "Пукарево у озера у Серема". На карте Генштаба не удается найти рядом с этим озером ни одной близкой по звучанию деревни.

Как быть с Клуборьским концом, не знаю. Было 11 деревень, но где их искать?

Территория Вятчи напоминает название древнерусского племени, обитавшего на Оке. Случайность? Еще одна тайна Жабенской волости. Локализовать Вятчи примерно можно. Это обширное пространство на левобережье реки Шлины с притоком Шлинкой, северным побережьем озера Шлино. Здесь мелькают названия из писцовых книг: Шлинка, Градобит, Светково, Красилово. А где остальные 70?

Яковлевская волостка — также часть волости Жабны. Местоположение ее 14 деревень определить можно. Скорее всего они располагались на правобережье Граничной в нижнем течении. Именно там значатся Скоково, Ермолино, Годыши. Последнее название трансформировалось из "Годышов брод".

Для начала неплохо. Структура погоста в целом ясна. Только с чего начать? Знакомство с памятниками археологии, изучавшимися на реке Шлине, показало, что на территории волости Жабна археологи побывали, причем не раз. Но, оторванные от письменных источников, они и не подозревали, что изучаемые ими памятники имеют отношение к Жабенской волости. Так, в 1968 году разведки и раскопки средневековых памятников на озере Шлино и в верховье реки Шлины вел Р.Л.Розенфельдт. В 1978 году поиски на Шлине продолжил В.М.Воробьев. В 1983 году на озерах Серemo, Тихмень, Граничное, Шлино, на реке Шлине работали сотрудники Историко-археологической экспедиции Калининского университета В.М.Воробьев, А.П.Ланцев, А.Д.Максимов, П.Д.Малыгин, И.Н.Черных. Основной задачей этого "десанта" было выявление археологических памятников всех эпох для подготовки документации к Своду памятников археологии Калининской области. Тогда на карту легли десятки курганных групп, одиночных курганных насыпей, поселений. Для меня эти материалы стали огромным подспорьем. Они позволили выбрать направление исследования на первом этапе изучения волости Жабна.

Скопление памятников оказалось на реке Шлине, к которому тяготел Жаровский конец. С него и началась многолетняя работа.

ЧАСТЬ I. В ПОИСКАХ ДЕРЕВЕНЬ ПИСЦОВЫХ КНИГ

Глава 1. По Жаровскому концу

Где же ты затерялась, деревенька?

Столько раз читал отрывок Новгородской писцовой книги 1495 года, где описывается Жаровский конец, что, кажется, выучил его назубок: "В Жаровском конце: д. Скачки: во дворе Панка Олексейников, во дворе Самойлик Климов, во дворе Сысоико Васков, во дворе Ивашко Пришва, во дворе Захарко, во дворе Петрушка Олексейков, сеют ржи 13 коробей, а сена косят 80 копен, 6 обеж. д. Запрудье: во дворе Гридка Петрушин, сеют ржи 2 коробьи, а сена косит 15 копен, обжа. д. Иванково: во дворе Федко Оньфимков, во дворе Климко, во дворе Софронко Назаровы, во дворе Олферко Петрушкин, сеют ржи 10 коробей, а сена косят 60 копен, 4 обжи. д. Поддубье: во дворе Кипреянко Дмитроков, во дворе Олешко Гридин, во дворе Михаль Денисов, во дворе Михаль Левонов, во дворе Демешко Филитов, во дворе Сенка Осташев, во дворе Микитка Филатков, во дворе Ивашко Дубина, сеют ржи 22 короб, а сена косят пол-200 копен, 9 обеж. д. Еросимово: во дворе Офонаско Степанков, во дворе Дениско Якимков, сеют ржи 7 коробей, а сена косят 40 копен, 2 обжи. д. Машково: во дворе Федко Насонков, во дворе Осташко Максимков, во дворе Захарко Ивашков, во дворе Федоско Харитоников, сеют ржи 9 коробей, а сена косят 50 копен, 4 обжи. д. Грязовица: во дворе Ивашко Максимков, во дворе Михайко Онтипкин, во дворе Огафонко Михалев, во дворе свояк его Омоско, сеют ржи 13 коробей, а сена косят 100 копен, 4 обжи. д. Кисляково: во дворе Онцифорик Кондратов, во дворе Костя Петрушин, во дворе Данилко Костин, сеют ржи 9 коробей, а сена косят 50 копен, 4 обжи. д. Попирачево на реце на Границе: во дворе Ивашко, во дворе Нестерик Софониковы, во дворе Овсевко, во дворе Перфурко Трофимковы, во дворе Логинко Сенкин, во дворе Куземка Ермаков, во дворе Онанка Климов, во дворе вдова Овдотка, во дворе Васко Микулкин, во дворе Ортемко Овсевков, во дворе Якимко, во дворе Софонко Мануйликов, сеют ржи 27 коробей, а сена косят 200 копен, 12 обеж. д. Жары: во дворе Михаил Ивашков, во дворе Кондратик Фалелеев, во дворе Ивашко, во дворе Федко Ивашковы, во дворе Сенька Тимошкин, во дворе Гридка Палкин, во дворе Нефедко Пахнов, во дворе Федко Куземкин, во дворе Ивонко Федков, во дворе Спирка Самойликов, во дворе Еска Спиров, во дворе Зиновко Онтушов, во дворе Исачко Омелин, во дворе Михаль Сидоров, сеют ржи 30 коробей, а сена косят 220 копен, 14 обеж. д. Жары: во дворе Лучка Степанков, во дворе Петрушка Королев, сеют ржи

5 коробей, а сена косят пол-30 копен, 2 обжи. Д. Михалково: во дворе Якуш Тимохин, во дворе Нестерко Ермаков, во дворе Феодоско Гридин, во дворе Овдейко Якимов, во дворе Устинко Васков, сеют ржи 12 коробей, а сена косят 80 копен, 5 обеж".

Что скрывается за данными строками? Где перечисленные деревни? Когда они возникли? Почему из 12 деревень до ХХ века дожили лишь три? Текст молчит. Но тайну его во многом позволила раскрыть археология. Что же удалось узнать?

Иваньково

Именно с этой деревни и началось мое изучение Жаровского конца в конце июля 1985 года. Момент ответственный. Очень важно найти в этой сохранившейся деревне остатки древнего поселения. Это будет точка отсчета. Оттого, как пойдут наши дела здесь, зависит успех или неудача всего поиска.

Иваньково находится в глубине водораздела Граничной и Шлины. От ближайшего села Рождество до деревни километра три. Дорога лесная. Высокие стройные сосны то подступают к ней вплотную, то убегают, уступая место кустам. Уже через километр становится заметен подъем в гору. Наполовину разбитая колея дорожины выходит на возвышенность. Лес раздвигается, как занавес, и впереди распахивается простор поля. Дорога теперь сползает под уклон. До самого горизонта — лесные дали. Невольно вспоминаются слова художника Шишкина, бродившего по северу Тверской земли: "Картины, картины ... Это же для художника земля обетованная".

В конце поля показались шиферные крыши изб. Обычная русская деревня с почерневшими срубами и домами, обшитыми тесом, выкрашенными в красный и желтый цвет. Пыльная центральная улочка, по которой бегают куры. Палисадники без цветов и со слегка покосившимися заборами.

Древние поселения обычно располагались у воды. Колодцы появились только в XVI веке. Поэтому логика подсказывала, что селище следует искать на берегу ручья Гремячего, к которому западным краем выходила деревня. Ручей здесь образовывал два небольших пруда, на их берегах стояли сараи и баньки. Женщина на мостках стирала белье. Разговорились. Оказывается, ручей берет начало от Жаров и здесь, у деревни Иваньково, уходит под землю. Вытекает он якобы у Рождества, впадая в Граничную.

Я был абсолютно уверен, что на самом берегу пруда мы найдем древнее поселение Иваньково, упомянутое в писцовой книге 1495 года. Лопата вонзается в дерн лужайки неподалеку от банек и ... обычна земля. Почва. Результат удивляет. Следов культурного слоя, который остается на месте старых поселений, и в помине нет.

Да и цвет свидетельствует об отсутствии концентрации ставившей органики. Но отчаяваться не следует.

С разрешения молодой хозяйки осмотрели огород, крайний от пруда. Результат — 10 фрагментов керамики, притом исключительно поздней.

В соседнем доме старушка также доброжелательна. Но и на ее грядках — современные осколки горшков. Третьего дома в ряду не было. Пустырь. Хозяин продал дом. Уехал. Слоя на пустыре нет. Это уже начинает беспокоить. Надо попробовать заложить несколько шурфов вдоль центральной улицы.

За красивым названием шурф скрывается яма четкой прямоугольной или квадратной формы с прямыми стенками, ориентированная, как правило, по сторонам света. Археологам шурфы помогают получить представление о характере слоя, составе находок, прежде всего керамики. Особенно важны венчики — завершения горшков. По их изгибу можно определить дату. Разработаны так называемые керамические шкалы для Торжка — П.Д.Малыгиным, для Новгорода — Г.П.Смирновой.

Решение шурфовать на центральной улице принял с некоторыми колебаниями. Надо преодолеть в себе психологический барьер. Археологи в современной деревне раскопки не ведут. Даже во время проведения разведок стремятся обойти стороной, так как иногда возникают конфликты с местным населением, ревниво относящимся к огородной земле. Да и расспросы угнетают. Обычно спрашивают, уж не золото ли ищем? Такова психология и уровень представлений современных жителей деревни. Но копать надо.

Один шурф заложили неподалеку от колодца на пустыре. Другой на противоположной стороне метрах в двухстах. Пока снимали дерн, деревня была пустынна. Затем у ближайшего дома появилась одна старушка, другая. Потом занятymi оказались все ближние и дальние скамеечки. Театр начался. До нас доносились обрывки фраз:

— И что они там делают?... Клад, что-ли, ищут?

Почему-то надеялся, что мои беседы с владельцами огородов должны были объяснить наши действия: мы занимаемся древней Жабенской волостью; сейчас нам надо найти то древнее поселение, которое располагалось на месте их деревни. Но, видимо, деревенский телеграф еще не сработал.

Спустя час скамеечки и крылечки опустели. Все разошлись по своим делам. Праздное любопытство не свойственно деревенской жизни.

Слой в обоих шурфах оказался довольно мощным — 35 сантиметров, но по керамике его дата XIX—XX века. Отчетливо проследились угли, зола — следы пожара, беды чьей-то семьи. Фрагментов средне-

вековой посуды, если не считать двух венчиков XVII века, практически нет. Но два фрагмента — тоже неплохо. Значит, старая деревня где-то рядом. Только почему она так далеко от воды?

В Иванькове мы проработали в общей сложности три дня. Я не мог уйти отсюда, не выявив деревню 1495 года. Нужно было понять принцип топографии поселений писцовых книг. Заложил еще пять шурфов. И только в последних двух, когда мы уже отчаялись и вышли за пределы деревни на северную окраину, где размещались покосы, наконец-то обнаружились фрагменты глиняной посуды XIV—XVI веков. Вот оно — поселение. Здесь в 1495 году стояло четыре крестьянских двора : Федки Онфимкова, Климки и Сафонки Назаровых, Олферки Петрушкина. Они накашивали по 15 стогов сена, высевали 15 коробей, то есть 105 пудов ржи. Размер пашни составлял 4 обжи.

Слой, явно гумусированный, достигал мощности 20—35 сантиметров. Поверхность селища была сильно задернована. Размеры его из-за этого можно было определить лишь весьма приблизительно — около одной тысячи квадратных метров, а возможно, и больше. Особенно тревожить луг не хотелось. Местные жители в основном старики. Им трудно ходить далеко от деревни. Вот и косят сено у себя под боком. Два шурфа на лугу площадью 2x2 метра мы старательно заложили дерном. Где же брали воду?

Рядом с лугом имелись странные чашеобразные заглубления, похожие на следы старых водоемов. Здесь низина, напоминающая русло ручья. Скорее всего, столетия назад он протекал именно здесь, а под землю ушел позднее. Следов селения у места исчезновения Греческого в карстовом провале нет. Проверено. Не ходили же жители Иванькова за водой на ручей в такую даль. Они бы и основали там свою деревню. Окончательное заключение могут дать только гидрологи.

Итак, Иваньково 1495 года найдено. Керамика указывает на дату возникновения — XIV столетие. То есть жители современной деревни могут с гордостью утверждать, что их деревня возникла 600 лет назад. Мы живем и не подозреваем, насколько глубоко уходят наши исторические корни.

Впоследствии, работая в архивах, я собрал сведения об Иванькове за XVI—XX века. История этой деревушки на Валдае прошла передо мною.

Московские князья раздавали землю своим служилым людям. В конце XVI века Иваньково принадлежало Палицыным и Шалимову. После Шалимова часть деревни перешла Федору Десничкову. Обыскная книга 1572—1573 годов отмечает при этих владельцах начавшееся запустение: "Да у Вондрея у Микитина сына Палицына в деревне Иванкове обжа, пуста и не пахана и не кошена, запустила от

великого князя подати да от худобы 9 лет". Перечисляются еще две обжи, одна из которых запустила "от опричной 5 лет", а другая "от худобы 3 годы". Обжа, значившаяся за Третьком Палицыным, также "пуста, не пахана и не кошена, запустила от мору 53 лета". Наконец, последняя обжа, бывшая первоначально за Ошеметком Шматовым сыном Шалимова, а потом за Федором Десничковым, перешла вскоре в запустение "от худобы да от великого князя подати 52 лета".

Выходит, в момент составления Обыскной книги деревня Иваньково была пуста. Народ вымер, разбежался. Причиной тому — великие подати князя и опричнина. Вот она, неприглядная правда опричнин в русской деревне, измordованной жесткой налоговой политикой Ивана Грозного. Голод. Мор. Русская деревня, согласно этому документу, платила налоги великому князю да еще служилым людям. Такой степени эксплуатации новгородский смерд не знал в эпоху независимости Новгорода. Присоединение его к Москве обернулось спустя столетие разорением цветущей земли.

А вот и подтверждение тому. Писцовая книга 1583 года отмечает: "... в Іванькове пашни лесом поросло". На месте деревни стоял лес. Через восемь лет Дозорная книга называет Иваньково "пустошью".

В XVII столетии "пустошь", видимо, оставалась незаселенной. В конце XVIII века деревня возродилась. В Центральном государственном архиве древних актов, что на Большой Пироговской улице в Москве, хранится план этой деревушки 1781 года. Деревня окружена полями.

Особенно бурный рост населения отмечен в XIX столетии. Ведомость по Рождественской волости Валдайского уезда 1884 года указывает на количество душ, проживавших в Иванькове — 42 мужчины и 40 женщин. Первая Всероссийская перепись населения 1897 года зарегистрировала в Иванькове 24 двора, 56 лиц мужского пола и 79 — женского. Накануне первой мировой войны в 1914 году, как отмечает Реестр церквей Валдайского уезда, в Иванькове было 25 дворов, проживали 68 мужчин и 86 женщин.

Грустно читать эти строки переписи, особенно в сопоставлении с современным состоянием дел. Сейчас жители Иваньково — старики-пенсионеры. Неужели снова вырастет лес?

Сачки

Название этой деревни не значилось ни на одной карте XVIII—XIX веков. И тем не менее уже в 1985 году ее местоположение удалось установить. Один из жителей Иванькова, Николай Иванович Зверев, сообщил о местных названиях уроцищ, расположавшихся за ручьем: Львенково, Горбыли, Горбатое, Сачки. У деревни в 1930-ые годы было, по его словам, 340 гектаров земли, 150 из них составляли

покосы. Был обширный покос Сачки в 3—4 километрах к западу от деревни по лесной дороге. А в двух километрах в ту же сторону есть местечко под названием Оселок, старики говорили, что на Оселке когда-то располагалась деревня. Там есть ключ. В ключе был спрятан колокол. Сейчас на месте деревни лесопосадки 1930-х годов. Напротив Оселка находится могильник, там были камни. Плиты находили.

Эту информацию подтвердили многие жители деревни, например, Петр Васильевич Николаев, 1911 года рождения. А Соловьева Раиса Михайловна, 1925 года рождения (с 1954 года она живет в Ленинграде), рассказала об Оселке и Сачках более подробно:

— Мама говорила, что Оселок — бывшая деревня Иваньково. Там была церковь, кладбище. Когда девчонкой была, помню, что плиты там были каменные с надписями. Колокол от церкви помещался в яме, вроде колодца. Там жижа. Колотили по нему палками. Почему деревня переехала? Не знаю. Мама не говорила. Наверное, из-за полей. Раньше там косили. Ныне один сосняк.

Во всех этих рассказах меня поразила глубина исторической памяти. Помнят и о какой-то деревне, о кладбище, церкви (если она только действительно была), хотя прошло несколько столетий.

Но особенно мне запомнился рассказ Александра Николаевича Николаева. Он говорил так, словно сам был непосредственным очевидцем событий. В прошлом веке эта земля принадлежала помещику, а крестьяне взяли да и распахали Оселок, не спросив барина. Там рос раньше лес. Они его выкорчевали и сожгли. И вдруг едет сам барин в тарантасе. Стоят все чумазые, дым поднимается над новым полем. Барин рассердился, но барыня смягчила его гнев, рассудив по-житейски просто: раскорчевали лес — теперь его не вернуть, и пусть пашут, но не забывают и об оброке. На том и порешили.

Правда, и возраст Николаева был соответствующий — он 1906 года рождения. Но этот рассказ он услышал от матери, когда был мальчишкой.

Только соединив всю эту информацию, начинаешь понимать, сколько же мы потеряли. Это наша история, никем не записанная, взятая с мест событий. И с каждым годом с уходом из жизни старичков мы ее лишаемся. Молодежь уже, как правило, ничего не знает.

Забавное название — Сачки! Почему-то вызывает улыбку в связи с современным представлением о "сачках" — бездельниках. Но раньше это название явно означало что-то другое. Что? В словаре такого слова нет.

Первая версия относительно деревни Сачки, упомянутой в Новгородской писцовой книге 1495 года, сводилась к тому, что ее следует искать на месте покосов. Но там кругом болота. Место обширное.

попробуй найти. Но все встало на свои места, когда было открыто селище в урочище Оселок.

Мы пересекли мосток через ручей Гремячий, миновали полуза-рошенное строение, рядом с которым паслись две стреноженные ло-шади, и вышли на поле с названием Роговик. Оно действительно походило на Рог. Поле пшеницы с голубыми васильками. Со всех сторон его сторожили зубчатые ели, как частокол ограды. Затем дорожина свернула влево, и мы вышли в густой мрачный лес. С утра шел дождь, вскоре вся одежда промокла, в сапогах захлюпала вода. Но путешествие по сырому туманному лесу скрашивала ярко-крас-ная земляника по обочинам дороги.

Примерно через два с половиной километра появился и главный ориентир — "лужа" в болотистой низинке. Значит, кладбище справа. Поворачиваем направо и минут двадцать бродим в тщательных поисках среди кустарника. Выходим снова на дорогу. Надо взять выше. Пригород, а на нем какие-то камни. Кругом на полянке высокая густая трава. Камни небольшие, колотые, уплощенные, уложены вокруг продолговатых холмиков. Очень все это напоминает совре-менное кладбище, только без крестов. Могилы явно поздние. Достаю компас и проверяю ориентировку. Все верно. Каменные оградки точ-но вытянуты по линии запад-восток. Какого времени? На этот вопрос должно ответить поселение, располагающееся по другую сторону "лужи".

Переходим низину, сильно подтопленную водой, и поднимаемся по дороге вверх по слегка покатому склону. Сворачиваем направо метров на 50. Вероятнее всего, старая деревня располагалась напро-тив кладбища. Кругом растут стройные высокие сосны. Но здесь же и березы. Полумрак. Деревья стоят скученно. Место для шурфов вы-брать трудно. Комариное царство. Жала отточены, впиваются с упо-ением. Но не хочется обращать на них внимание. Главное — что же дадут раскопки?

Для начала делаем небольшой пробный зондаж — 50x50 санти-метров. Следов поселения нет. Под тонким слоем почвы — желтый песок. Второй зондаж закладываем через 10 метров в сторону дороги. Опять та же картина. Но на этот раз из песка извлекаем шесть мелких фрагментов керамики. Венчик всего лишь один, датируется XVI ве-ком. Горячо! Действительно, рядом селище.

Еще через 10 метров закладываем шурф. Слой! Земля темно-ко-ричневая, гумусированная, с включением пережженных камней, ко-мочеков глины "кирпичного" цвета — явно обмазка от печки. Главные находки — фрагменты керамики. Верхний первый пласт толщиной 10 сантиметров содержит четыре фрагмента посуды XIV—XVII веков и два фрагмента XVII—XVIII веков. Это обнадеживает. Слой ниже

должен быть еще древнее. Керамика с предматериала датируется XIV—XV, XIV—XVI веками. Один фрагмент венчика относится к XIII—XIV столетиям. В двух других шурфах также получены керамические материалы XIV—XVI веков.

Когда приходит открытие, то испытываешь подъем сил и радость. Не страшны холодные капли дождя и укусы комаров. Руки грязные, куртки мокрые, лица все в кровяных капельках. Но мы довольны. Нами найдено селище XIV—XVI веков; незначительное количество горшков XIII и XVII веков не исключает того, что жизнь на нем затеплилась в XIII столетии, а прекратилась не в XVI, а в XVII-м. Наблюдения за характером слоя позволили установить размеры деревни — 70x130 метров. Тянулась она не вдоль "лужи", а вдоль дороги, вплзая на возвышенность. Зачерчиваем план, делаем привязку. Но что это за деревня?

Хотя нам довелось слышать версию, что в Оселке находилось бывшее Иваньково, поверить в это невозможно. Слишком большая площадь для четырех дворов. По той же причине это не может быть Запрудье, состоявшее из одного двора. Остается только деревня Сачки. Более подробный расспрос Н.И.Зверева подтвердил этот вывод: Сачки начинались сразу за Оселком. Следовательно, Оселок — название пашни в урочище Сачки.

Позднее это вывод нашел полное подтверждение в планах Генерального межевания 1781 года. На одном из них начертан план местности Сачки с какой-то пашней. Используя современную карту, установили, что Оселок размещается от Иванькова на расстоянии 2,2 километра. По плану 1781 года пашня в урочище Сачки отстоит ровно на такой же дистанции, если перевести сажени в метры.

Датировка времени захирения Сачков подтверждается письменными источниками. Уже в 1572—1573 годах, когда деревня принадлежала трем сыновьям Микиты Палицына — Федору, Тимофею и Третьяку, — она сильно запустела. Традиционная запись об обжах, которые "пусты, не паханы и не кошены, запустили от великого князя подати да от опричной". Лишь одна обжа "запустила от мору 20 лет и два лета". Отнимем от 1572 года 22 года. Получим 1560 год.

Дозорная книга 1595 года отмечает только две с половиной обжи за Федором. Об остальных долях сказано "кустарем поросло". Видимо, от кустарника и началось окончательное запустение Сачков.

Михалково

Местоположение этой деревни было установлено совершенно неожиданно около Иваньково. Правда, к XVI веку она сменила свое название на Михалкино. Во время опроса о названиях полей, урочищ Р.М.Соловьева указала на поле к северу от деревни и сообщила, что

Михалкино — участок поля около пятака кустарника и деревьев. Действительно, посреди поля находился небольшой зеленый островок. Его присутствие Соловьева объяснила тем, что ранее там был ключ, брал начало ручей.

Однако Н.И.Зверев указал на поле Михалкино в двух километрах к северу от деревни Иваньково: "Поля у болота Долгий Мост. Была там задняя нива в Михалкине". По его словам, с полей там собирали камни и выделяли наделы. Через болото Долгий Мост шла дорога в Городок к реке Шлине.

Совершенно неожиданным было сообщение, что имеется еще и болото Михалкино в 1,2 километра северо-западнее Иваньково.

Получилось так, что проверка версий началась с сообщения Зверева. Он начал было объяснять, как добраться до поля, потом махнул рукой и повел нас сразу к полю в Михалкине, так как на пути было множество дорожек, тропинок, и мы вряд ли сумели бы добраться туда сами. Выведя нас на основную дорогу к болоту Долгий Мост, Зверев вернулся домой.

Часа два мы тщетно пытались найти селище на старых заброшенных полях, уже заросших леском. Были ряды камней, выгораживавшие полосы. Но культурный слой отсутствовал. Наконец, поняв всю бесперспективность поисков деревни Михалково на этом месте, мы повернули в Иваньково. Оставалось проверить поле и болото.

Вот и крыши домов Иваньково. До кустарника и деревьев на поле рукой подать. Мы брели по пашне, всматриваясь в землю под ногами. Земля слегка гумусированная, серая. Но вот попался один белоглиняный черепок, рядом другой. Еще один, еще... Есть керамика! Она лежала на пашне, как семена, посевные историей: 45 "семян" XIV—XVII веков.

Шурф показал, что слой практически полностью разрушен. Это было заметно и визуально. На всю толщину в 20 сантиметров до желтого песчаного материка земля была потревожена. Деревня Михалково, выходит, размещалась около ключа. Среди кустарника и деревьев на необработанном пятаке поля находилась большая яма. Заглох родник, заглохла жизнь. Впрочем, письменные источники по этому поводу ничего не сообщают.

В 1572—1573 годах деревня принадлежала Палицыным "Да у Богдана, да у Ратмана, да у Неклюда, у Вугримовых детей Палицына... в вопчей деревне в Михалкине Рамени обжа... деревня в Михалкине Рамени полобжи да в тои ж деревне за полем в Михалкине Рамени полторы обжи...".

В 1583 году это была пустошь, где располагалась пашня и сенокосные угодья. О пашне в пустоши Михалкине говорит и Дозорная книга 1595 года. Более поздние письменные источники ничего о ней не

сообщают. На плане 1781 года поле Михалкино входило в состав деревни Иваньково, без указания своего названия.

Так сочетание данных о местных названиях (микротопонимии) и археологии позволило решить еще одну загадку Жаровского конца.

Жары

Это была самая крупная деревня в конце. Насчитывалось в ней 14 дворов. Видимо, закономерно, что источники XIV века называют ее Большиими Жарами. Впрочем, они упоминают и Жары Малые. Следовательно, в районе Жаров необходимо искать две деревни.

В настоящее время деревни Жары как административной единицы не существует. Она упразднена в ходе кампании по борьбе с неперспективными селениями. Ее жителей расселили по соседним деревням. Но не всех. В Иванькове мы узнали, что в Жарах продолжает обитать "дурачок", который никуда не уехал, так как считает, что эта земля — его. Местные ребята бегали его дразнить.

Крайне неприятно повстречать в заброшенной деревне сумасшедшего. Но после некоторых раздумий я понял, что это, наверное, самый здравомыслящий человек.

Люди забросили свою землю. Запустели хутора, откуда все были согнаны в колхозы. Теперь запустеваются деревни.

Когда копали шурфы в Иванькове, я все время представлял себя как бы со стороны: явились какие-то парни, что-то ищут в центре деревни. Копают без спроса (а кого спрашивать?). Да за это в 20-ые годы нас бы мужики забили кольями.

Весьма показателен эпизод, который произошел в Великом Новгороде в начале XV века. Староста Готского двора решил переставить косяки ворот. Он пригласил с Михалковой улицы плотника, и тот, вставляя стойки в землю, подтесал на несколько вершков бревна мостовой. Это вызвало гнев новгородцев. Они собрали вече улицы, послали своих представителей к посаднику, владыке с требованием повесить на перекладине новых ворот приказчика двора за то, что он "посягнул на их землю".

Вот как наши предки ценили каждую пядь земли! А сейчас? Нет, в Жарах остался не сумасшедший.

Деревня Жары, которую мы посетили в 1985 году представляла собой печальное зрелище. Вроде бы и стоит она, и в то же время ее нет. Несколько покривившихся покосившихся домов, дырявый, готовый вот-вот рухнуть сарай. Высокий колодезный журавль. И тишина, утонувшая в буряне. Только один дом, запертый на замок, свидетельствовал о еще теплившейся жизни.

Жары располагались вдоль песчаной дороги, соединявшей деревни Горшково и Заморино. Дорога эта идет лесом. Вблизи Жаров она

вырываетя на простор полей, уходящих до горизонта. Вот это освоенность земли! Сколько труда было вложено, чтобы свести здесь лес и сделать пашню.

Дорога под углом подходит к ручью. Топографическая ситуация, как и в Иванькове. Селище, упомянутое в Новгородской писцовой книге 1495 года, надо искать на берегу. Кстати, название ручья — Жаровский. Оно засвидетельствовано картами, планами XVIII — начала XX веков. Сейчас же этот ручей, начинающийся у Жаров и впадающий через десять километров в реку Граничную, почему-то разбит на три разноименных ручья. У деревни он носит название Курганский, в среднем течении — Задний, в нижнем — Перечевский. Кому понадобилось менять исконное название на современной карте?

Рядом с Жарами ручей заметно расширяется и образует пруд. На его левом берегу на бывших огородах деревни мы и приступили к сбору керамики и закладке шурфов. И снова в наших руках фрагменты белоглиняной посуды XIV—XVI веков. Селище оказалось вытянутым вдоль Жаровского ручья на протяжении около 500 метров при ширине 40 метров. Это почти 2 гектара. Теперь понятно, почему в XVI столетии деревня именовалась Большими Жарами. Письменные источники дополняют археологические материалы.

В конце XVI века Жары принадлежали помещикам Шишмаревым и Палицыным. Обыскная книга 1572—1573 годов называет имена Андрея и Тимофея Микитиничей, Григория и Федора Некрасовичей, Петра Васильевича Палицыных, а также Молчана, Замятну, Постника, сыновей Александра, и Иштуту, сына Ширяя, — Шишмаревых. К этому времени в Жарах многие пашни были "пусты, не паханы и не кошены". Среди причин названы тягло великого князя, опричнина, худоба, подать великого князя, дорога.

В 1583 году это уже пустошь, где многие участки пашни поросли лесом. Деревня возродилась в XVIII в. В 1864—1865 годах в Жарах насчитывалось 18 дворов, население 121 человек. В 1897 году эти цифры составили соответственно 30 и 141. В 1914 году — 29 и 167. Ныне — один непрописанный человек.

"Жары ж"

Под этой деревней, включавшей в 1495 году всего два двора, следовало понимать Малые Жары книг 1570—1590-ых годов. Помещиками здесь были Рунец и Дмитрий Шишмаревы, Русин Стромилов. Запустение "от худобы да великого князя подати" конца XVI в. коснулось и этого населенного пункта.

Древнее поселение удалось выявить напротив Жаров Больших по другую сторону пруда и Жаровского ручья. На пашне отчетливо

просматривалось черное пятно гумусированного слоя, охватывающее площадь 60x270 метров. Собранная здесь керамика датировалась XIV—XVII веками.

Поддубье

На первый взгляд, найти старую деревню с таким названием не представляло особого труда. Она стоит на своем месте. Здесь протекает ручей, заканчивающийся прудом, из которого уходит под землю. Очень похоже на расположение Иваньково и Жаров. Но понадобились поиски, хотя и не столь большие. Селище XIV—XVI вв. было выявлено на восточном склоне у пруда на месте современной луговины и огородов. На археологическую карту нанесен еще один памятник — Поддубье 1.

Названия открытым поселениям обычно дают от ближайших деревень, сел. Поэтому деревня Иваньково получила "маркировку" Иваньково 1, Сачки — Иваньково 2, Михалково — Иваньково 3. Такой принцип довольно удобен. Знаешь, рядом с каким населенным пунктом следует искать тот или иной археологический объект. Вместе с тем в науке случаются и курьезы, если населенный пункт имеет какое-то новое название. Представьте себе ситуацию, когда рядом с поселком, именуемым Мебельная фабрика №1, выявлен древний могильник. Такое было на Северном Кавказе. Так вот исследователь В.А.Кузнецов в весьма авторитетном академическом издании написал: "Погребальный обряд населения могильника Мебельной фабрики №1 по своим чертам близок христианскому". Хорошо, что в Фировском районе Тверской области все названия в основном древние.

В конце XVI века Поддубье принадлежало Богдану, Ратману, Неклюду — Вугримовым, детям Палицына. Опять запустение. Нет деревни Поддубье, есть пустошь Поддубье. Но даже она впоследствии исчезает. Вновь деревня Поддубье всплывает в материалах Генерального межевания эпохи Екатерины II. В 1864—1865 годах население Поддубья составляло 234 человека, дворов насчитывалось 39. В 1914 году здесь было 82 двора, 511 человек. С тех пор и сохранилось в деревне две улицы.

Еросимово

Поиски этой деревни напоминают детективное расследование. Впервые о Еросимове я услышал из уст одного из старейших жителей Поддубья Василия Николаевича Григорьева. Он сообщил, что место с таким названием есть по старой дороге на Городок через ручей Овсянник, примерно в полутора километрах. По этой дороге, ныне почти заросшей, ходили в гости в Городок, ездили по "дорожине" и на тракторах к покосам. "Высокая роща, на горке, Еросимова роща", —

закончил свой рассказ Григорьев. На вопрос, есть ли там вода, он ответил вполне утвердительно: "Там везде вода". Это сообщение меня сильно обрадовало и обнадежило.

"Роща" действительно располагалась на горушке, у подножья которой протекал небольшой ручеек. Воды мало, но ее мало и в современном ручье в Поддубье. А в нем, по словам Григорьева, в 1920—1930-ые годы лошадей купали. Раньше ручьи были полноводнее. Склон рощицы пологий, вполне пригоден для поселения. Но дальше события развивались совершенно не так, как представлялось.

Мы копали небольшие шурфы, просматривали тщательнейшим образом землю в поисках керамики, но безрезультатно. Никакого поселения здесь не было. И все же уж слишком темной и жирной на ощупь была земля. Она производила впечатление хорошо подготовленной пашни. Ее нельзя было перепутать с почвой в обычном лесу — серым подзолом. Возможно, здесь был когда-то хутор, но не более. Жаль. Так хотелось найти здесь деревню Еросимово. Место живописное, рядом луга, всюду горки, лес смешанный.

Смущало и другое обстоятельство. Прочие жители Поддубья при названии "Еросимова роща" только пожимали плечами: "Есть роща, но чтобы ее называли Еросимова...". Такое сомнение с их стороны также настораживало. Когда в Иванькове задавал вопрос о Сачках, там все единодушно указывали на покосы. А здесь ... Григорьев мог и ошибиться. Или он помнил о Еросимове, но само местечко с таким названием было в другом месте.

Поскольку не было уверенности, что местоположение деревни Еросимово определено правильно, пришлось на плане расположения деревень Жаровского конца поставить условный значок — местное название, но не памятник археологии. Это было в 1987 году.

Надежды найти Еросимово уже не оставалось. Но все же думалось, что селище где-то в районе рощи. Искать в столь сильно залесенной местности крохотную деревушку из двух дворов XV века — это почище поиска иголки в копне сена. Впрочем, судьба готовила мне сюрприз.

Археологическое обследование местности и выявление письменных документов по Жабенской волости велось параллельно. Однако в то время мне не были известны материалы Генерального межевания по Валдайскому уезду Новгородской губернии. Но вот подошла и их очередь.

Один из планов принадлежал пустоши, о которой я раньше вообще не слышал — Герасимовой. "Что за пустошь?". Но в то же время название Герасимова пустошь мне не давало покоя. В нем звучало что-то уже знакомое: Герасимово... Герасимово... Стоп! На плане земли села Холуи (ныне Рождество) на реке Граничной в качестве

соседней указана та же пустошь, но под названием Геросимово. Сначала я ничего не понял. Только название Геросимово сверлило мозг. Изменена всего одна буква -а на -о. А уже совершенно иное звучание. Что-то напоминает. Что? И тут меня осенило. Если отбросить первую букву, то получится Еросимово! Нашел!!! Вот как ты замаскировалось, Еросимово=Геросимово=Герасимово!

Я ликовал. Но профессионал, сидевший в крови, подал скептический голос: "Все логично. Но... нужны более конкретные доказательства, сударь!". Испортил настроение этот скептик. Надо продолжить поиск.

Искать — так искать. Помимо планов межевщики в XVIII веке составляли описание границ — меж. Там перечислялись все пограничные пустоши, с которыми соприкасались все земельные владения. Если Геросимово упомянуто на плане земельного владения села Холуи, то почему бы не заглянуть в описание, составленное межевщиком?

Заказываю в архиве дело. Оно датируется 1780 годом. Приносят тоненькую папочку со слегка пожелтевшими листами, испещренными скорописью. Вы проклинали кого-нибудь за отвратительный почерк? Я тоже проклинал. Только человек этот мне был лично не знаком. Он жил свыше двухсот лет назад. Разбираю его закорючки. Постепенно начинаю понимать отдельные буквы. Выписывают их, составляю алфавит. Постепенно начинаю понимать почерк, читаю. Дохожу до описания границ села Холуи. Перечислены пустоши Марково, Ефремцево и... Еросимово! Труд вознаграждается удачей. Я ждал повторения Геросимово, а здесь старое название, исконное.

Итак, пустошь Герасимова — действительно Еросимово. Теперь это не гипотеза, а факт. И находилась она не к северу от Поддубья, а восточнее его на левом берегу Граничной. Из Поддубья и сейчас сюда ведет дорога.

Надо внимательно изучить план межевания. К сожалению, по длинник XVIII века не сохранился. В архиве лишь копия 1867 года. На ней отчетливо видна пашня на левобережье Граничной. Вот протекает сама река. С севера показаны пустоши Ефремова и Ефремцева на берегу озера Глыби. Где могла находиться деревня Еросимово?

По опыту поиска деревень писцовых книг я знал, что селища всегда располагались рядом с древними полями. Эти древние поля после исчезновения самих деревень оставались под надзором. Писцы внимательно следили за ними, помечая в книгах XVI—XVII веков состояние старых пашен: заросли ли они кустарем, лесом. Пашня в средневековые ценилась. О земле не забывали. И когда наступала пора, лес или кустарник сводили, запашку восстанавливали. Следовательно, на месте старых пашен и надо искать селище.

Привязка старой пашни к местности облегчалась тем, что сама пашня примыкала к реке, к ее характерному П-образному выступу. Этот изгиб имеется и сейчас. Здесь и оказалось селище с керамикой XIV-XV веков. Но возникло оно в X столетии, просуществовав пятьсот лет. Впрочем, книга 1572—1573 годов дает поправку: Еросимово было и в XVI веке. Деревня принадлежала Русину Ивановичу Вытовскому: "Д. Еросимово, 2 обжи... пусты, не паханы и не кошены, запустили от великого князя подати да от опричной 5 лет". В последующие века деревня не возродилась.

Попирачёво

Это единственная деревня в Жаровском конце, для которой Новгородская писцовая книга 1495 года дает точную привязку: "на реце на Границе".

Река Граничная — правый приток реки Шлины. Вытекает она из озера Граничного. Общая протяженность ее почти 50 километров. Река указана на ряде исторических карт Новгородской губернии: 1788, 1808, 1847, 1895 годов. Но, естественно, ни на одной из них нет упоминания о Попирачеве.

Начиная поиск древней деревни, я не располагал иными данными. Правда, была еще современная карта. На ней-то и прочитал созвучное название — ручей Перечевский. Местные крестьяне указали на поле Перечёво на стрелке этого ручья при впадении в Граничную. Перечёво — Попирачёво? Стоило проверить эту версию.

Через урочище Перечёво проходит асфальтовая дорога. По обе стороны от нее распаханное поле. Ходи и собирай белоглинянную керамику, если она имеется. И вот мы на поле.

Покатый склон холма, как сцена, обращена к Граничной. На противоположном берегу также поля. Земля серая, слегка гумусированная. Впечатление, что это не культурный слой. Но многочисленные находки фрагментов глиняной посуды заставляют отбросить первоначальный скептический настрой. Опять XIV—XVI, а также XVII—XVIII века.

Шурф, заложенный на берегу Граничной, вскрывает слой мощностью 50—60 сантиметров. Множество пережженных камней, гумус несомненный. Черепки. Один из них относится даже к XIII веку. нашлось Попирачёво на реке Граничной. Установлена и его транскрипция, ударение в названии на букву -ё. А до этого, разыскивая деревню и опрашивая местных жителей, на какой только слог я ни ставил ударение. А все оказалось проще.

Селище по границе разброса фрагментов посуды определено в 1,5 гектара (75x125 метров). Приличная площадь. Но и дворов здесь

было в 1495 году значительное количество — 12, на два меньше, чем в самой большой деревне Жаровского конца — Больших Жарах.

В XVI веке Попирачёво принадлежало Казаку Палицыну, затем Оболнянинову Рогачу. Это была уже пустошь, возникшая в 1565—1566 годах "от опричной". Пустошь "Попирачёво" была известна и в XVIII веке. Трансформация в Перечёво произошла, очевидно, в XIX веке.

Грязовица

Данное название невольно ассоциировалось с современной деревней Черная Грязь, располагавшейся на левом берегу реки Граничной напротив села Рождество. В начале 1980-ых годов эта деревня в один день внезапно исчезла. Нет, дома остались, жители никуда не уехали. Одним росчерком пера она оказалась частью села Рождество. Возможно, в административном плане это и удобно, только жаль старинное название. Повод для переименования мне неизвестен. Своеобразно воспринимается въезд в эту деревню со стороны районного центра Фирово. Только кончается асфальт, как начинаются рытвины и ухабы деревни Черная Грязь. Весьма символично.

Наименованию Черная Грязь примерно 130 лет. До этого деревенька называлась иначе — просто Грязь. Грязь указана на карте 1786 года, известна она и по книгам XVI века, называющим владельцами Федора и Тимофея Палицыных. В конце того же столетия — это пустошь, поросшая лесом.

На поиски Грязовицы=Грязи 1495 года у нас ушло два дня. Первоначально ее искали ближе к берегу Граничной. Однако осмотр огородов и шурфы не принесли желанных результатов. Только на вторые сутки круг поисков сомкнулся на огороде дома 12 по улице Заречной. Там-то и была зафиксирована керамика XV столетия на площади 50x60 метров. Мощность слоя достигала 60 сантиметров.

Наименования, связанные с грязью, встречаются довольно часто. Вспомним хотя бы Черногрязский ручей в Москве, подмосковную Черную Грязь на старинном Петербургском тракте. В словаре древнерусского языка слово "грязь" имеет три значения: размокшая земля, нечистота, топь и болота. Размокшей землей никого на Руси не удивишь, как и нечистотой. Поэтому вряд ли происхождение наименования данного населенного пункта брало свои истоки от этих двух значений. Другое дело — топи и болота. Житель села Рождество Николай Степанович Ефремов указал мне на местечко в 200—400 метрах севернее центральной улицы бывшей Черной Грязи, где при вспашке раньше появлялась черная земля. Теперь там луг и кустарник.

Первоначально я даже предполагал, что черная земля — это культурный слой, и выдвинул версию о нахождении старой деревни именно в том месте. Но обследование показало, что эта черная грязь связана с болотистой почвой, топью. Она была обильно насыщена влагой, что свидетельствовало о выходе на поверхность водоносных слоев. При копке земля мгновенно размокала и превращалась в черную жижу. Нетрудно представить, что на фоне соседних распаханных участков склон холма представлял собой не пашню, а скопление болотистой почвы, или грязи на древнерусском языке. По-видимому, так и возникло название деревни.

Машково

Перед нами расстипалось огромное поле, примыкавшее вдали к Черной Грязи. За черногрязскими крышами виднелся правобережный склон Граничной с возвышающимися силуэтами колокольни и Рождественской церкви. То, что предстало перед глазами, вошло в местную поговорку: "Дошел до Машкова — Рождество видать". Это и было поле Машково, раскинувшееся слева и справа от дороги между Черной Грязью и Поддубьем.

Самой деревни не сохранилось. Ее четыре двора были описаны в книге 1495 года. Затем в Обыскной книге 1572—1573 годов сообщалось, что пашни, значившиеся за Богданом, Ратманом, Неклюдом Палицыными, "пусты, не паханы и не кошены, запустели от великого князя подати да худобы 11 лет". Неожиданно под 1583 годом появляется упоминание о существовании в Машкове помещичьего двора Василия Палицына. Дальнейших сведений об этой деревне нет.

С Машково нам повезло меньше, чем с прочими вышеперечисленными деревнями. Мы ее так и не нашли. Но она где-то рядом. И когда я еду по дороге в сторону Поддубья, то вглядываюсь в поле Машково и постоянно задаю себе вопрос: "Куда же ты запропастилась, деревенька?"

Кисляково

Еще одна загадка для меня. Судьба этой деревни схожа с судьбой Машкова. Вроде бы и знаешь, что она была где-то здесь, совсем рядом, а следы затеряны. Но все же маленькая ниточка уже в руках. Я тяну ее и все боюсь, что она выскользнет из рук или оборвется.

В 1495 здесь было три двора. В конце XVI века деревня принадлежала Палицыным Богдану, Неклюду. От великолукского тягla она запустела еще в 1565 году. Книга 1583 года содержит одну примечательную запись, которая дает маленькую зацепку для локализации этой деревеньки: "Казаковское поместье Саврасова сына Палицына... пустошь, что была деревня Кислякова, пашни перелогом 4

коробы с четью коробы, да лесом поросло 4 коробы с четью коробы в поле, а в дву по тому ж, сена 60 копен, в пусте перелогом две обжи да лесом поросло 2 обжи". Суть зацепки состоит в упоминании Казака Саврасова. Уже под 1595 год появляется следующая запись о "пустоши Кисляковой с выставочною Казаковою Горою". Это бывшее "Казаковское поместье Саврасова сына Палицына", перешедшее Рогачу Оболнянинову.

Казакова Гора? Но она известна по материалам 1780 года, находилась на реке Граничной. Позднее появилась и деревенька Казаково. Она стоит на своем месте до сих пор, крохотная, из двух-трех домов. Здесь была в XVI столетии выставка — отдельный двор или поселок, вынесенный за пределы основного поселения, обособившегося однодворное хозяйство. Скорее всего, речь идет о дворе Казака Саврасова сына Палицына, построившего свой двор не в деревне, а отдельно. Деревня Кисляково где-то рядом. Но где?

Запрудье

Запрудье — однодворная деревенька. В 1572—1573 годах ее владелец — Андрей Палицын, точнее, ему принадлежит пустошь, обозавшаяся в 1567 году "от опричной" — из-за опричны. В 1583 году упоминается пустошь Пруд, спустя 12 лет — пустошь Пруды. Сказано также, что на месте деревни растет уже лес.

Локализовать эту деревню помогло одно наблюдение. Если составить план расположения деревень Жаровского конца, то окажется, что они упоминаются не хаотично, а весьма последовательно. Порядок их перечисления был явно обусловлен порядком прохождения писцов через них. Все 12 населенных пунктов окажутся, словно черные бисеренки, нанизанными на нитку-дорогу, образовав ожерелье. Бусинка к бусинке, деревня к деревне.

Начав со Скачков, писцы пошли в сторону Иванькова, затем в Поддубье. Из Поддубья они направились в Еросимово, оттуда в Машково, из Машкова в Грязь. Далее их маршрут лег левым берегом реки Граничной через Кисляково до устья Жаровского ручья, где стояла деревня Попирачёво. Она размещалась прямо у воды. Этот факт дал писцам основание особо отметить: "Попирачево на реце на Границе". Затем они поднялись по Жаровскому ручью до Жаров Больших и Жаров Малых. Только Михалково по какой-то причине оказалось в самом конце списка.

Опираясь на выявленную закономерность, можно примерно локализовать и деревню Запрудье=Пруд=Пруды. Она должна лежать между Сачками и Иваньково. Но здесь действительно есть два пруда на ручье Гремячем — на самой окраине Иванькова. Выявить один двор оказалось археологически сложно.

Любопытное совпадение. Поиски деревень Жаровского конца мы начали от этих прудов и пришли к ним вновь. Круг замкнулся. Итак, получены редкие материалы по истории конкретных новгородских деревень. Археология указала на время их появления — не ранее XIV века (исключение составляет Еросимово, появившееся еще в X столетии). Археология и письменные источники указали и на дату их запустения — конец XVI века.

Деревенская община XIV—XVI столетий

Когда идет накопление материалов, важно не пропустить ни одного лишнего сведения. Часто бывает так. Возникнет какой-то, на первый взгляд, незначительный факт, противоречащий сложившимся у исследователя представлениям об изучаемом предмете. Его хочется отбросить, посчитать исключением из правил, проигнорировать как мелочь. Но будьте настороже. Не проходите мимо таких фактов. Они ломают наше стереотипное догматическое мышление. Именно через их мучительное осознание можно совершить прорыв в непознанное, получить нетрадиционное объяснение тому или иному явлению.

В ходе поисков деревни Михалково-Михалкино я был весьма раздосадован, когда возникла путаница с тремя топонимами "Михалкино", закрепленными сразу за тремя объектами: полем у деревни Иваньково, полем у болота Долгий Мост и болотом. В тот момент мне было важно найти селище. А здесь препятствие, какая-то путаница. Но вот поселение нашлось. И тогда встал вопрос, а почему болото и поле у болота Долгий мост носят название деревни? Все это не нравилось, поскольку мешало окончательной формулировке принципа поиска деревень писцовых книг: название местности совпадает с бывшей деревней. Должно совпадать. И вдруг меня осенило: название деревни закреплялось не только за тем местом, где она стояла, но и за окружавшей ее территорией. Вспомнились расспросы местных жителей об урочище Сачки. Н.И.Зверев сообщил, что все это покосы на несколько гектаров. А взять Машково. Это огромное поле — все Машково. Да и планы Генерального межевания эпохи Екатерины II указывают пустоши, расположенные на месте бывших деревень, с четкими границами. Следовательно, деревни XIV—XVI веков имели свою территорию, на которую распространялись их названия. У территории деревни были свои границы, называвшиеся межой. Деревни исчезли, но названия остались, где целым массивом, где в "лоскутах".

Для меня это было открытие, позволившее сделать затем новый шаг в изучении деревень писцовых книг — восстановить границы земли бывших сельских поселений. И здесь мне во многом помог

Владимир Ильич Ленин. Нет, это не оговорка. После революции 1917 года, когда народ получил землю, отняв ее у помещиков, возникло желание уничтожить все планы землепользования, хранившиеся в архивах, чтобы в народной памяти не осталось ничего, что могло напоминать о гнете. Да и чтобы не было документов, по которым можно было вновь вернуть землю прежним землевладельцам. Планы земельных угодий, составленные с конца XVIII века по начало XX века для всей территории России, намеревались сжечь. Их спасла случайность. Об этом узнал глава правительства, и по телефонному звонку Ленина была предотвращена расправа с тысячами бесценных для отечественной истории документов. На этих планах для каждой деревни, села указывались его границы, промеры в саженях, отмечались лесные угодья, болота, ручьи, реки, пустоши, пашни. Когда держишь в руках эти многоцветные чертежи, то возникает ощущение зависания над просторами России. Сверху ты разглядываешь изгибы рек, массивы лесов, полосы пашен, контуры деревень. Почти подробная карта.

Четкие линии на планах указывают границы землевладения деревень, пустошей. Самое поразительное, что межи XVIII века восходят в своей основе к XVI веку. На это указывает целый ряд свидетельств. Накануне Генерального межевания для урегулирования возможных споров были сделаны копии писцовых и межевых книг конца XVI века. Более того, когда межевщики выезжали на местность для проведения границ, где они встречались с представителями землевладельцев, то эти "проверенные" письменно давали межевщикам обязательство отводить земли и угодья "по самой сущей справедливости, где есть по прежним писцовым и межевым [книгам], живых только уроцищам и по владению, происходящему до 1765 года". Материалы старых книг и показания землевладельцев и легли в основу проведения меж в конце XVIII столетия. Но в 1583 и 1595 годы, когда составлялись книги, отделяет от 1495 года всего столетие. Московские дворяне не занимались перекройкой границ деревень. Следовательно, они унаследовали деревни в границах конца XV века. Так проследилась традиция землевладения с 1495 года по 1780—1781 годы, когда было осуществлено межевание Жабенской волости.

Конечно, прошедшие два века не могли не внести коррективы в землевладение. Деревни переходили от одного помещика к другому. Массивы земли тосливались, то разъединялись. К 1780-ым годам многие межи XVI века исчезли, но многие и остались. Именно последние, которые располагались на стыке владений между разными деревнями, и оказались самыми древними. Понадобилась кропотливая работа, чтобы проанализировать границы деревень, выяснить те из них, которые не вызывают сомнений, и восстановить утраченные,

а затем все это перенести на современную карту. Деревня XIV—XVI веков оказалась не простой точкой на местности, а территорией, обнесенной межой.

Полученные выводы полностью вписались в те представления о территориальности русской деревни XV—XVI веков, которые существуют у историков, изучающих многочисленные актовые документы того же периода. Еще 150 лет назад об этом написала А.Я.Ефименко. Для нее русская средневековая деревня — это "обособленная земельная единица, в центре которой стоит двор или небольшая сумма дворов... к которым тяготеет известная совокупность земельных угодий, притянутых к этому центру трудовым захватом". Б.Н.Чичерин называл деревню "поземельным участком", границы которого "определялись большею частью не искусственным размежеванием, а стариным обычаем; на это указывают выражения, которые так часто встречаются в грамотах: "Куда топор, соха, и коса ходили" или "Что к этой деревне из истары потягло". Об однодворных деревнях—"участках", наиболее часто упоминаемых в книгах XVI века, историк писал, что они составляли "нечто цельное, в нераздельном составе переходившее из рук в руки". Но такая же характеристика распространялась и на поселения из 2, 3, 4 и более дворов. В.И.Сергеевич отмечал, что многодворные деревни возникли в результате деления на части первоначальной однодворной деревни — однодворного хозяйства.

Наличие границы между отдельными сельскими поселениями подтверждает Двинская уставная грамота 1397 года. В ней предусматривается штраф в размере 30 денежных единиц (бел) за нарушение межи между селами.

Исследователи отмечают структурность деревенской территории с ее угодьями. Всякий раз она была неповторима, поскольку целиком зависела от конкретных местных почвенно-ландшафтных условий. Расположение лесов, пашен, лугов было обусловлено самой природой. Свою хозяйственную деятельность человек лишь вписывал в окружавший его ландшафт, приспосабливая под свои нужды, постепенно преображая его.

К любой деревне примыкала пашня. Но удобные под посев поля находились и в других местах, удаленных от деревни. Точно также вразброс размещались и сенокосные угодья. Универсальной формой земельного владения была чересполосность. Каждое поле состояло из участков, принадлежавших отдельным крестьянским хозяйствам. Эти участки имели свои межи, за нарушение которых взимался штраф. По Двинской грамоте 1397 года брали барана: "А друг у друга между переорет (перепашет — В.Б.) или перекосит на одном поле, вины боран". Делились таким же образом и сенокосы — пожни.

Чересполосность владений требовала регламентации хозяйственной деятельности — проведения в определенные сроки сельскохозяйственных работ для всех дворохозяев. Для пашен это был так называемый принудительный севооборот. Одновременно косили и сено. Сохранился удивительный документ XVI века, в котором крестьяне Вознесенского прихода Емецкого стана на Двине договорились об одновременном сенокошении: "А косити нам и ездити на те пожни всем вдруг за неделю до Ильина дни... а кто поедет ранее того срока сильно, не свестяся, и нам на того стояти всем заодно".

В новгородской деревне XV—XVI веков существовало два вида собственности: "частная" и общественная. Отдельный крестьянин владел участками полей, покосами. Он имел право их продать, завещать, заложить и т.д. Сохранившиеся грамоты прямо указывают на движение земельной собственности. Эта же земля считалась тяглой. С нее взимался налог, вводились повинности.

К общедеревенской земле, находившейся в пользовании всей деревни, всех дворохозяев, относились леса, луга, реки и т.д. По грамотам, это все угодья, "что к той деревне из старины потягло" или "и с ловищи лесными, и водяными, и со всеми угодьями, что к тем землям истари потягло". Данные угодья без ведома всех хозяйств не отчуждались. Ими пользовался тот, кто платил тягло. Все крестьяне были связаны круговой порукой.

Историки совершенно справедливо называют новгородскую многодворную деревню XV—XVI веков общиной. В деревне-общине не-трудно найти все черты классической германской марки. По своему содержанию это и была марка, то есть совокупность индивидуальных крестьянских участков и общинных угодий — альменды. Для России XV—XVI веков ее лучше называть деревенской общиной. В таком случае мы должны совершенно другими глазами посмотреть на текст Новгородской писцовой книги 1495 года, где дается состав дворовладельцев деревень Жаровского конца Жабенской волости. Крестьяне данного документа — общинники, члены деревенских общин. Источник наполняется новым социальным содержанием:

Деревенская община	Дворовладельцы — члены общины
Сачки	Панка Олексейников, Самойлик Климов, Сысойко Ваксов, Ивашка Пришва, Захарко, Петрушка Олексейков
Иваньково	Федко Оньфимков, Климко и Софонко Назаровы, Олферко Петрушкин
Поддубье	Кипреянко Дмитроков, Олешко Гридин, Михаль Денисов, Михаль Левонов, Демешко Филитов, Сенка Осташев, Микитка Филатков, Ивашка Дубина
Еросимово	Офонаско Степанков, Дениско Якимков

Машково	Федко Насонков, Осташко Максимков, Захарко Ивашиков, Федоско Харитоников
Грязовица	Ивашико Максимков, Михайло Онтипкин, Огафонко Михалев и свояк его Омоско
Кисляково	Онцифорик Кондратов, Костя Петрушин, Данилко Ко-стин
Попиравчёво	Ивашико, Нестерик Сафоновы, Овсевко, Перфурко, Трофимковы, Логинко Сенкин, Куземка Ермаков, Онанка Климков, вдова Овдотка, Васко Микулкин, Ортемко Овсевков, Якимко, Софонко Мануйликов
Жары ж	Лучка Степанов, Петрушка Королев
Михалково	Якуш Тимохин, Нестерка Ермаков, Федоско Гридин, Овдейко Якимов, Устинко Васков

Чуть было не внес в таблицу деревню Запрудье и ее жителя Гридку Петрушкина. Это не община-деревня, а основа будущей общины, которая так и не развилась. Нахождение Запрудья рядом с Иваньково наводит на мысль, что эта земля иваньковская, переданная Гридке Петрушкову. Очевидно, он обосновался на общедеревенской территории. Перед нами четкая модель образования новой деревни. Совершенно ясно, что точно также появились и Жары Малые, расположившиеся напротив Жаров Больших по другую сторону ручья.

Если деревни были общинами, то все вместе они образовывали более крупную общину — Жаровский конец. Любопытно, что в 2 километрах к северо-востоку от Поддубья расположен курганно-жальничный могильник, в котором можно предполагать общинное кладбище Жаровского конца XIV—XVI веков. Иного кладбища на территории Жаровского конца этого времени выявлено не было. Гипотезу стоило проверить.

"Жалиться" — значит печалиться

Деревни Жаровского конца возникли в то время, когда на всей Руси практически сошел на нет курганный погребальный обряд. Мало где насыпали курганы. Все чаще хоронили в обычных могилах, только могилы на Северо-Западе сверху обкладывали камнями. Археологи называют такие памятники жальниками — термином, взятым в народе. Слово "жальник" означало кладбище, могильник. В одном из документов середины XVI столетия — Стоглаве — сказано: "В Троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам умерших с великим воплем". Далее приводится описание магических поминальных обрядов, в которых принимали участие скоморохи: "И егда скомрахи учнут играть во всякие бесовские игры, и они от плача преставше, начнут скакати

и плясати, и в долони (ладони — В.Б.) бити, и песни сатанинские пети".

Слово "жальник" этимологически связано со словом "жаль" — горе, печаль, родственно глаголу "жалиться" — печалиться. "Сатанинские" песни, пляски скорее всего были связаны с какими-то магическими действиями, иначе плач мужей и жен можно расценить как кощунственное отношение к памяти предков. Какая же тут "жаль", если поют и пляшут у гробов? Церковные деятели, боровшиеся с языческими пережитками, этого понять не могли. Они осуждали подобное поведение, имевшее вековые корни.

О существовании жальника близ Поддубья я узнал от В.Н.Григорьева, жителя той же деревни. Он сообщил о расположении могильника в бору, указал на примерные его размеры 200x300 метров. "Как человек положен, так и камнями выложен", — сказал Григорьев. Впоследствии камни куда-то вывезли. Ныне их мало, почти не видно.

С трудом и только с помощью знатока округи Н.С.Ефремова из села Рождество удалось выяснить нахождение могильника. Действительно, постарались потомки, чтобы стереть с лица земли память о своих предках (по одной из версий камни забрали на щебень). А ведь еще А.С.Пушкин писал:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

Археологи в таких местах не ходят. Глухой лес. До воды далеко. Я был поражен, когда увидел здесь небольшую курганный группу из 22 насыпей. Она располагалась на слегка покатом склоне возвышенности в сосновом бору. У ее подножья разместился жальник. Вся территория могильника покрыта сплошным ковром мха. Лишь в некоторых местах выступают макушки крупных камней. Но их немногого.

Решено было раскопать один курган, а на жальнике заложить небольшой раскоп. Выбор пал на небольшую насыпь круглой формы диаметром 4,5 и высотой 0,4 метра. Привлекли малые размеры кургана и отсутствие на нем деревьев. Сначала сделали разметку по сторонам света, оставив четыре контрольные бровки для наблюдения за составом насыпи. Затем приступили к раскопкам по секторам. Здесь важно не пропустить малейшие детали: пятнышки, изменение

цвета земли, находки керамики. Все это по завершении раскопок позволит восстановить погребальный обряд.

Вот и первый фрагмент горшка, затем второй, третий... Они разбросаны по поверхности насыпи, но пошли фрагменты и из самой насыпи в толще песка. Все фиксируется на чертеже. С помощью нивелира берутся отметки. Судя по составу и цвету глины, черепки — от одного сосуда. Вот и два фрагмента горлышка соединились вместе, а вот стенка подошла к стенке. В насыпи оказался сосуд, разбитый и разбросанный скорее всего с поминальной целью. Еще находка — раздавленный горшок. Он собирается почти целиком. Снова фиксация: рисую и фотографирую. Но что это? Мы снимаем курган горизонтальными срезами, а по краям вместо песка идет слой серой земли — бывший дерн. Значит, насыпь была обложена дерном. Все. Выходим на уровень погребенной почвы, в котором виднеется абрис ямы. Ее длина 3,3, ширина 1,3 метра. Размеры озадачивают: что за гигант здесь похоронен? Керамики больше нет. Та, что найдена, вполне уверенно датируется концом XIII — началом XIV веков. Такие поздние — курганы редкость. К этому времени относится и само погребение.

После выборки из ямы песка на дне ее расчищаем скелет мужчины, похороненного по христианскому обряду. Уложен он на спине, руки на животе. Никаких предметов в могилу положено не было за исключением двух искореженных, свернутых в комок полосок из светлого металла, возможно, пластиначатого перстня. Они лежали возле пальцев правой руки. Погребенный был положен головой на северо-запад (азимут 295), а не строго на запад. Как потом определила антрополог Татьяна Томашевич, возраст мужчины был 55—60 лет.

Какая-то странная диспропорция существовала между небольшим ростом умершего (1,65 метра) и размерами гробовины длиной 2,3 метра. Возможно, это не гробовина, а носилки или "подставка", поскольку скелет был уложен на бересту, которая отчетливо проследилась на дне ямы.

На жальнике близ курганов, то есть в его древнейшей части, был заложен небольшой раскоп 2x6 метров. Но вскоре мы вынуждены были сделать прирезку. Его общая площадь достигла 15 квадратных метров. После снятия дерна показываются камни. В основном они разбросаны хаотично. Только два ряда указывают на обкладку могил. Камни явно потревожены, некоторых недостает. На земле — первые долгожданные фрагменты керамики. На них следы огня — горшок явно побывал в печи. Горшки предназначались для поминальной пищи. Но есть несколько удивительно чистых фрагментов. Они выполнены из белой глины. Точно такие же куски сосудов я находил на

селицах — бывших деревнях Жаровского конца. Вот и венчик с характерным профилем XIV столетия! Захоронения на данном участке совершили явно после упразднения курганного обряда.

На исследуемой площади было вскрыто 11 погребений: три мужских и восемь детских. Возраст умерших взрослых 35—40, 40—45, 50—55 лет, детей — от полутора до 6 лет. Один совсем младенец. До чего же была высока детская смертность. Да и возраст мужчин по нашим меркам средний, время расцвета. Все погребены по христианскому обряду, как и в кургане, только нет насыпи поверх могилы. Создается такое впечатление, что камни, отмеченные только над двумя взрослыми захоронениями, заменяли собой насыпь, являясь ее эквивалентом.

Раскопки курганно-жальничного могильника позволили установить время его основания — рубеж XIII—XIV веков. Но к этому периоду относится и появление деревень Жаровского конца. Вряд ли это простое совпадение. Поэтому вполне уверенно можно утверждать, что это единственное кладбище для всех деревень было общим, точнее, общинным, а сама община — Жаровский конец — сформировалась именно в конце XIII — начале XIV веков.

Жаровский конец как община

Итак, Жаровский конец — это община, включавшая более мелкие общины-деревни. Но перед нами не простая совокупность деревень, а определенный тип общинной организации, знакомой историкам Русского Севера XV—XVI веков. Деревни объединялись в волость под главенством погоста. Исследователи называют такую общину погостской, или волостной. Этот тип общины хорошо изучен благодаря сохранившимся грамотам. Все черты общины-волости документируются в протоколе истории.

Волостная (погостская) община была самоуправляющейся организацией сельского населения. Во главе ее стоял выборный староста, пользовавшийся общим авторитетом. Он был призван защищать интересы общины, поскольку являлся посредником между крестьянами и властями. Староста ведал раскладкой податей и их сбором.

В жизни общины большую роль играли мирские сходы. На них выбирался староста, обсуждались важнейшие дела. Обычно они проходили на погосте перед церковью. В некоторых местах для сходов строили специальные избы. "Да на погосте изба схожая, а сходятся в ней крестьяне по воскресеньям", — говорится в одном документе. Но чаще собрания проходили на открытом воздухе или в трапезных при церквях. Община для своих нужд могла иметь свои деньги ("стольница", то есть мирская касса), которые шли на общие нужды. Так

строились церкви на погостах. Община была одновременно и церковной и светской. Общинников так и называли — христиане=крестьяне.

Волость-община имела важные судебные права, то есть была судебным округом. Мелкие имущественные споры решались полюбовно, а крупные и уголовные дела вершились с представителями государственных учреждений (наместника, волостеля и пр.), но обязательно с представителями общины. Волость-община располагала территорией с четкими границами. В их пределах находились не только территории деревень, но и общие для всей волости угодья. Здесь повторялась модель деревни-общины. "Леса старые, и зверина, и птичья, и рыбная ловля", — таков перечень общинных владений волостей Емецкого стана на Двине. В источниках фигурирует иногда термин "волостной лес".

Таким образом, волостные общины являлись административно-территориальными единицами, церковными, судебными и податными округами с выборной властью и общинным землевладением. Их универсальный характер позволяет видеть и в Жаровском конце XIV—XV веков этот же тип общины, хотя документов, дающих подобную характеристику для междуречья Шлины и Граничной, нет. Становится очевидным, что площадь Жаровского конца была больше, чем простая совокупность территорий 12 деревень. Следует также учитывать наличие общинных — кончанских — земель.

И действительно к северу от территорий 12 деревень расположилось незаселенное в XV веке пространство. Это достаточно большая территория под названием пустошь Тимошкина. Здесь же — две малые пустоши: Ефремково и Ефремцево. Тимошкина пустошь приымкала к озеру Глыби с севера и юга, а на востоке в пределах ее находился жальник — общее кладбище Жаровского конца. Даже в XVIII столетии Тимошкино было тесно связано с деревней Поддубье, чуть ли не отмежевано от нее. Именно в данной пустоши мы и видим общинное владение Жаровского конца. Это позволяет оценить общую площадь самого конца в пределах 90 квадратных километров.

Жаровский конец как археологический комплекс XIV—XV веков оказался "гнездом" (скоплением) памятников, состоящим из 12 селищ и одного курганно-жальничного могильника.

Глава 2. Яковлевская волостка

Нить нашего поиска удаляется от Жаровского конца и ведет через реку Граничную в Яковлевскую волостку — боярское владение второй половины XV века. В ее состав входило 13 деревень: Жольницы, Скоково, Белища, Становище, Биссерова Горка, Ермолино, Лядины, Отыхалово, Марково, Пепельниково, Гадышов Брод, Нивки, Хо-

луи. Название волостке сообщило имя ее владельца — Якова Ивановича Скомантова.

Яков Иванович Скомантов и Ивашка Сухой

Новгородская писцовая книга, составленная в конце XV столетия, называет Яковлевскую волостку боярщинкой. Из этого следует, что землевладелец отнесен к боярскому сословию. Подтверждение этому мы находим в других источниках, где упоминается некая Федора Ильинична — жена Игната Скомантова, боярыня, отдавшая волость Забрусье Хутынскому монастырю "на поминок по душе".

Редкое прозвище Скомантов не вызывает сомнения, что муж Федоры Ильиничны — Игнат — близкий родственник Якова Скомантова, скорее всего его брат. Таким образом, перед нами целая боярская семья новгородских бояр Скомантовых. По своему происхождению это, видимо, выходцы из Прибалтики, так как имя Скомант — западнонебалтское (ударение на первом слоге). Мы знаем, что среди новгородских бояр действительно были представители боярской знати, пришедшей из земли пруссов. Они жили в Новгороде на отдельной улице — Прусской.

Новгородское боярство было неоднородным по своему составу. В него входили как мелкие, так и крупные землевладельцы. Историк А.М.Гневушев составил список новгородских бояр, насчитывающий 1632 человека. Он расположил их по порядку в зависимости от количества земельных владений. В этом списке Яков Скомантов занял 28-е место. Это был крупный боярин. Его вотчины находились в разных частях Новгородской земли, в том числе на Валдае.

Летописи Якова Скомантова не упоминают. Следовательно, он не являлся политическим деятелем в Новгородской республике и не занимал ведущие посты.

После присоединения Новгорода к Москве Яков, как и сотни прочих бояр и житых, был лишен Иваном III своей волостки и выслан в Москвию, где вдали на чужбине скоротал свои последние годы. Великий московский князь отписал конфискованные владения на себя или раздал своим верным слугам — дворянам. В Новгородскую землю устремились новые землевладельцы, приступившие к освоению нажитого чужим трудом. Здесь они застали обработанные пашни, процветающие деревни, широкие боярские дворы с хоромами, амбарами. В одном из таких дворов на реке Граничной и поселился пришлый из Москвы Ивашко Сухой. Ему все досталось сразу: и боярский двор, и дворы слуг, и деревни. Что же это был за новый владелец, кому Иван III за службу сделал столь щедрый подарок?

Писцовая книга 1490-х годов называет Ивашку Сухого подьячим великого князя московского, относит его к разряду "детей боярских".

Последние, как известно, являлись вольными слугами князя, феодалами знатного происхождения. Ивашка, несмотря на свое уничижительное имя, был вовсе не безызвестным человеком в Москве. В суде он рассматривал дело о тяжбе великого князя с митрополитом. Историк А.А.Зимин составил его послужной список на основании актовых грамот: в 1468—1472 годы — подьячий, в апреле 1480 года Ивана Сухого предполагали послать к волошскому воеводе, около 1473—1489 годовон разбирал в суде земельное дело. Зимин обрывает биографию Ивашки 1480-ми годами. Далее след теряется. Теперь мы можем внести маленький штрих в биографию этого человека: в 1490-е годы Ивашка Сухой жил в своей волостке на реке Граничной. Прибывшие в центр волостки, в деревню Холуи, писцы отметили: "... а в ней двор Ивашков, в нем сам живет". Здесь, наверное, Ивашко Сухой и закончил свой земной путь, будучи одним из первых помещиков Новгородской земли.

Какой доход имел Яков Скомантов?

Эта небольшая феодальная вотчина приносила ее владельцу средний по размеру натурально-денежный "доход", по терминологии конца XV столетия. Состав оброка назван в писцовой книге 1495 года: 10,5 гривен, 14 полных коробей и полторы четверти ржи, столько же овса, две полных коробиши пшеницы, полторы коробиши и полчетверти ячменя, две курицы, пять сыров, две бараньих лопатки, 3,5 овчины, пять "горстей" льна.

Коробья и четверть были мерами сыпучих тел, а не веса. Новгородская коробья состояла из двух московских четвертей. Исследователи пришли к выводу, что коробья примерно соответствовало 7 пудов веса. Происхождение слова "коробья" вполне ясно. Оно обозначало короб, плетеный или выгнутый из луба, сундук или большую корзину округлой формы с крышкой. В коробьях хранили зерно.

Коробья была также и мерой пахотной площади. Принято считать, что одна коробья высевалась на одной десятине (2400 квадратных саженей), то есть, по нашим исчислениям, на одном гектаре.

Состав натурального оброка указывает на высеваемые в конце XV века сельскохозяйственные культуры на Валдае. В основном это рожь и овес. Пшеницы сеялось раз в семь меньше. Белый хлеб не был крестьянской пищей. Мало высевалось и ячменя. Крестьяне держали кур, овец, коров. Из технических культур выращивали лен.

Управлял вотчиной Яков Скомантов с помощью своего слуги — ключника, за что тот получал долю дохода в виде 1,5 и получетверти ржи, коробиши и 1,5 четверти овса, 6 сыров, 2 бараньих лопаток, 2 ковриг, 6 горстей льна.

Доход поступал с 13 деревень.

Холуи

Эта деревня стоит первой в списке населенных пунктов Яковлевской волостки. Писцовая книга, составленная около 1495 года, сообщает, что здесь находился двор землевладельца, два двора зависимых от боярина людей (Михаила и Фрола) и три двора крестьян: Федотки Степанкова, Федотки Сенкина и Сеньки.

Источник XV века не дает географической привязки деревни Холуи. Но ее название указывает на то, что она должна располагаться вблизи реки или озера. В самом деле, слово "холуй" — это множественное число от слова "холуй", обозначающего рыболовный плетень, снаряд, яз (см. словарь Владимира Даля).

Впрочем, уже писцовая книга 1648 года дает пояснение: "... село Холуи... на реке на Граничне". Полную ясность для кабинетного историка вносят материалы Генерального межевания эпохи Екатерины II. В деле 1780 года об обмежевании села Холуи сказано: "Село Холуй, что ныне Рождество". Заголовок того же дела имеет надпись: "Дело об обмежевании села Холуй, Рождество то ж". Двойное название мы находим также на плане села 1780 года, карте Валдайского уезда 1808 года. На последующих картах встречается только название Рождество. Карты 1845, 1895 годов указывают его местонахождение на правобережье реки Граничной. Впрочем, местные жители прекрасно знают, что первоначальным названием Рождества было Холуи. Устная традиция также сохранила для нас это старинное наименование села.

Происхождение этого названия, как и в других местах на Руси, связывается с именем храма. В Холуях первоначально была деревянная церковь Рождества Христова. Но рядом стояла вторая церковь в честь первых русских святых Бориса и Глеба. Об этом поведала писцовая книга 1583 года. Однако книга фиксирует стоявшие храмы, не называя время их сооружения. Зато Обысковая книга 1572—1573 годов упоминает "рождественского попа". Иными словами, в начале 1570-х годов в Холуях уже была деревянная Рождественская церковь.

Переписная книга 1648 года отмечает "в селе храм во имя Рождество Христово деревянный". В царствование Екатерины II этот храм продолжал существовать. Документ 1780 года упоминает "церковь деревянная во имя Рождества Христова с пределом Рождества Богородицы". Она простояла до начала XIX века.

Согласно Реестру церквей Валдайского уезда 1914 года, который мне удалось найти в Новгородском областном архиве, в 1820 году была возведена существующая, ныне действующая церковь Рождества Богородицы: "Здание каменное крепкое, колокольня каменная

крепкая". Слово "каменная" здесь подразумевает кирпичную постройку.

Любопытно, что из храма, посвященного Рождеству Христову, церковь превратилась в памятник Рождеству Богородицы. Почему это произошло, для нас во многом остается загадкой. Ответ, возможно, содержится в популярной книжечке, изданной в 1913 году краеведом К.С.Лебедевым. Он сообщает, что церковь была возведена в 1820 году, и приводил легенду о "явлении" чудотворной иконы Рождества Богородицы на источнике — левом берегу реки Граничной. Видимо, в честь этой явленной иконы и был построен новый кирпичный храм, благо в прежнем деревянном уже был придел во имя Рождества Богородицы. Не трудно представить, что за более чем два с половиной века своей жизни деревянная постройка обветшала и потребовала или капитального ремонта, или замены. Археологу, занимающемуся изучением древних поселений, важно знать историю церковного строительства. Церкви указывают, как правило, на нахождение поблизости ядра древнего поселения.

Существующая Рождественская церковь стоит на спланированной площадке. В шурфе у северного фасада проследились следы подсыпки. Селения на вершине холма не было, да и не могло быть: уж слишком далеко оно располагалось от реки. Надо искать его ближе к Граничной.

Свои поиски начали с огорода Николая Степановича Ефремова, моего старого знакомого, бывшего председателя колхоза, хорошо знающего все местные названия, уроцища. Не один раз он помогал установить местонахождения той или иной пустоши.

Уже первый осмотр грядок огорода, расположенного у подножья церковного холма, показал, что следов древней деревни здесь нет. Встречались только черепки более позднего периода XVIII—XIX веков. Пришлось перебазироваться на соседние огорода Н.А.Забегаловой; белоглинная керамика появилась довольно резко, обозначая границу своего распространения. Край деревни нашелся! Но через 30 метров к северу находок фрагментов этой посуды не последовало.

Такое расположение старой деревни поставило в тупик. Я привык, что деревни XV века стояли рядом с водой. Здесь же до реки было несколько десятков метров. Деревня Холуи странно располагалась перед затапливаемым в половодье лугом. Слой XV—XVI веков неожиданно стал идти вверх, в гору полосой 30—40 метров. Любой археолог, которому показать план селища, вытянутого перпендикулярно луговине в длину 160 метров, на склоне, поставит такое "открытие" под сомнение.

Между тем, слой с керамикой совершенно отчетливо расположился севернее церковной каменной ограды до небольшой улочки. Сама улочка находилась в понижении. Никаких следов слоя на ней не было. Оставалось осмотреть другую ее сторону. Это чисто формальный осмотр: я был убежден, что селище полностью выявлено. Мы ходим вдоль грядок, вглядываясь в землю. И вдруг я замечаю один знакомый черепок XIV—XVI веков, другой... Игорь Воробьев, частый спутник моих поездок, находит еще один, еще... Фиксируем пятно культурного слоя 30 на 40 метров. Любопытная картина! Деревня Холуи состояла из двух частей, разделенных улочкой. И тут я начинаю понимать, в чем дело:

— Не было ли ручья на месте улочки? — задаю вопрос местным жителям. И в ответ слышу то, что хочу услышать:

— Был, конечно. Но проложили водопровод и ручей засыпали. Весной вода все равно течет здесь.

Я вздыхаю облегченно. Теперь наконец-то все стало на свои места. Деревня Холуи располагалась не на берегу реки Граничной, а по обоим берегам ручья, впадающего в реку. Осталось только объяснить, почему один двор стоял отдельно от основной территории деревни через ручей.

Первое объяснение, которое наиболее вероятно: перед нами обособленный двор землевладельца Якова Скомантова. Такой гипотезе не противоречит более поздний материал. На планах XVII века большие дворы владельцев поместий всегда стояли обособленно от деревенской застройки. Был ли это двор Скомантова? Ответ могут дать лишь раскопки.

Теперь образ деревни Холуи, описанной в книге 1490-х годов, становится более определенным и конкретным, хотя до полной ясности далеко: "Деревня Холуи, а в ней двор Ивашков, а в нем сам живет, а людей его: во дворе Михаль, во дворе Фролко, сеют ржи на Ивашка 10 коробей, а сена косят 30 копен, 2 обжи. А христиан: во дворе Федотко Степанков, во дворе Федотко Сенкин, во дворе Сенка, сеют ржи 3 коробью, а сена косят 10 копен, обжа. Старого дохода 7 денег, коробья ржи, коробья овса, полчетвертки пшеницы, полчетвертки ячменя, сыр, овчина, горсть льна".

Данные строки вводят нас в мир XV века. Сквозь пелену эпохи проступают смутные очертания и двора Ивашки Сухого, и пяти дворов сельских жителей. Рядом располагаются обработанные поля, сенокосные угодья, приречные луга. И совсем близко к пятидворной деревеньке подходит стена леса. Все такая же неширокая Граничная, в долине которой стоят стога сена. Все такой же сырой молочно-белый туман в ее пойме по утру.

Жольницы

Название этой деревни меня давно интриговало. Оно удивительным образом было созвучно слову "Жальник", обозначавшему могильник, кладбище. И этот интерес был подогрет сообщением знатока местных уроцищ Н.С.Ефремова, который сказал, что в Жольницах — пустынной лесной местности, расположенной по старой дороге на реку Цну, — есть какие-то сооружения из камней. Это было еще в 1987 году. На экспедиционной машине мы сравнительно скоро оказались на месте.

Вместо бывших колхозных полей в старом уроцище стеной стоял молодой лес, возникший на прежней пашне, брошенной из-за нехватки рабочих рук. Последний раз здесь в 1963 году собирали лен. Быстро же природа уничтожает следы жизнедеятельности человека, когда тот перестает быть на земле хозяином.

Небольшая полянка, усеянная удивительным растением — медвежьим ухом, лечащим от многих болезней. Рядом холмик весь в кустарнике и деревьях. Из-под растительности торчат крупные валуны, которые человеку сдвинуть с места не по силам. Но оказывается, что кто-то уже их сдвинул. Камни разбросаны. И разбрасывали их отнюдь не руками, а используя современную мощную технику. Вот и следы гусениц. Наверное, цепляли тросом. Варварство!

Хожу и осматриваю холм. Похоже на могильник. Но чтобы такие валуны-гиганты где-то еще были?! Уникальный объект! Увы, во многом уже уничтоженный. Вот так местное население чтит память предков. Грустная картина. Неужели наши исторические корни превратились в прах? Их отсечение мне как археологу приходится наблюдать все чаще и чаще. Ямы на памятниках, курганах. Никто не останавливает варваров. Все сходит с рук. А вот и кости на дне разрытой ямы. Это могильник.

Наличие жальника в этой местности позволяло еще до раскопок предполагать, что средневековая деревня Жольницы, получившая свое название именно от жальника, возникла позднее его.

Деревня Жольницы должна располагаться где-то рядом. Она была небольшой — всего из трех дворов Парfenки Харитонова, Ивашки Жилина, и Захарки. Правда, в 1583 году дворов было уже пять. Далее о судьбе этой деревни ничего неизвестно. Зато на современной карте неподалеку от жальника находится поле с названием "Жольницы".

Спустя несколько лет я вернулся на это место. Раскопки каменистого холма подтвердили предположение, что это кладбище. Были выявлены безынвентарные погребения крестьян XIV—XV веков. И селище удалось найти, причем довольно быстро: пришел на поле, заложил шурф и сразу нашел остатки старой деревни. Такая быстрая сама озадачила. Впрочем, сказался накопленный за эти годы

опыт. Селище оказалось там, где его не предполагалось обнаружить, вдали от видимых источников воды. Оказывается в XV веке были и такие деревни.

Скоково

В 1495 году деревня состояла из одного крестьянского двора Ивашки Лукина. Один двор, только помещичий, сохранялся и в конце XVI века. А в 1648 году в Скокове насчитывалось семь дворов; Переписная книга дает и географическую привязку этого населенного пункта: "... сельцо Скоково на реке Границе".

В 1781 году документ сообщал о селе Скокове с пустошами. В нем было 20 дворов, население составляло 122 человека. О топографии села сказано: "... на суходоле при колодезях". Карты XVIII—XIX веков изображают село на правобережье Граничной.

До революции Скоково — крупное село. В 1864—1865 годах в нем насчитывалось 39 дворов с населением 247 человек. В 1884 годах население составляло уже 300 человек. В 1914 дворов было 86, населения — 480 человек.

Скоково дожило до наших дней. Довольно значительное село. А это уже затрудняет поиски первоначальной деревни XV века. Но есть ориентир — деревянная часовня. Она является главной постройкой села, стоит в центре Скокова, там, где сходятся три улицы. Кольцом ее окружает разоренная стена из валунов. Да и сама часовня в руинированном состоянии. Крыша рухнула. Значит дождь, снег попадают внутрь помещения, ускоряя гибель этого памятника истории Фировского района. При таком отношении сколько осталось ей жить?

Скоковская часовня рублена из крупных бревен диаметром 30 сантиметров. Концы их несут следы работы топора. Пилу не использовали. Она мочалит бревно и способствует в итоге быстрому проникновению влаги в дерево и его ускоренному гниению. Мастера знали свое дело. Некоторые нижние венцы несут седой (в буквальном смысле слова) налет старины: бревна серые, словно окаменели. Это выдает их почтенный возраст. Сохранилось 15 венцов. Снаружи имеется обшивка из теса. Алтарь явно поздний из более молодого дерева. Явно прирублен.

Разрушаться постройка стала в последние десятилетия. Будет большой ошибкой упустить данный уникальный памятник деревянного зодчества Фировского района. Необходима срочная консервация его. Хотя бы сделать временную кровлю. Он молит о спасении.

Ведь всего пятьдесят лет назад часовня выглядела совершенно иначе. Облик ее того времени донесла фотография, которую удалось добыть неутомимому краеведу Евгению Александровичу Иванову.

Для будущих реставраторов этот снимок бесценен. Он воссоздает первоначальный облик памятника.

Постройка имела три яруса. Первый ярус — простой сруб, покрытый двускатной кровлей. Над ним возвышался четверик, увенчанный еще одним четвериком с кровлей на два ската, поверх которой возвышалась луковичная главка.

Я вглядываюсь в фотографию 1930 года, кануна великого разорения русской деревни, переношуясь в иной мир, безвозвратно ушедший от нас.

Солнечный летний день. Группа ребятишек и взрослых расположилась у побеленной каменной церковной ограды, тогда еще существовавшей. Четким ритмом возвышаются над оградой квадратные в плане столбики, завершающиеся металлическими крышечками, предотвращающими проникновение влаги внутрь кладки. Сама же ограда на участках между столбами имеет двухскатную деревянную кровлю. Фотоснимок запечатлел северный фасад часовни, участок каменной стены с арочным проемом. Проем закрыт деревянной дверью, обитой узкими дощечками, набранными "в косую". Верх ворот завершает двухскатная железная кровля.

Я все всматриваюсь и всматриваюсь в эту фотографию, пытаясь не пропустить ни одной детали. Это — отпечаток жизни 63-летней давности. И начинаю постигать сотканный из неуловимого духа покоя и безмятежности, окружающий памятник старины. Белая ограда, черное угасшее дерево часовни, яркое голубое небо и зелень листвы берез. Все гармонично, как строка или мелодия бессмертного произведения. Это целостный природно-архитектурный ансамбль в миниатюре: часовня, ограда, береза и столб с колоколом.

Что нам известно об этой часовне? К сожалению, очень мало. К.С.Лебедев в популярной книжечке 1913 года сообщает, что старинная деревянная церковь в Скокове во имя Покрова Богоматери была построена в 1680 году и упразднена во второй половине XVIII века "Деревянная церковь" упомянута в сводке археологических памятников Новгородской губернии, вышедшей в 1911 году (автор — И.С.Романцев). В архивных материалах мне удалось найти лишь указание на "часовню деревянную" в переписи 1897 года.

Расспросы местных жителей позволили установить, что судьба часовни была долго милостива. В ней шла служба своими попами. И только в 1950—1960-ые годы ее окончательно отобрали у верующих и превратили в склад. О.В.Басильева сообщила, что престольным праздником была Троица. В Твери в Управлении культуры я неожиданно для себя нашел паспорт на этот памятник. Оказывается, часовня стоит на учете и охране. Архитектор С.А.Никольский отнес "церковь в Скокове" к первой половине XIX столетия.

Я решил установить дату сооружения. Это можно сделать с помощью обыкновенного спила. Сейчас археологи датируют древесину по кольцам. Составлены графики расположения древесных колец для отдельных регионов. В итоге в распоряжении ученых имеется непрерывная шкала от XVIII века до наших дней для Восточной Европы. Датируются срубы, мостовые древнего Новгорода и других городов с точностью до одного года.

Было взято несколько спилов с нижних венцов. Их я отнес в лабораторию Института археологии и отдал на исследование А.Ф.Урьевой и Н.Б.Черных, главным специалистам в области дендрохронологии нашей страны. Ответа ждал с нетерпением. Казалось, пройдет неделя, месяц, и загадка скоковской часовни, наконец, будет решена.

Но время шло, были составлены графики соотношения толщины колец древесины, но их дешифровка оказалась чрезвычайно сложным делом. Графики имели явно местные особенности и не сопрягались с новгородской шкалой. Надежда на четкость датировки не оправдалась. Было лишь установлено, что возраст самих деревьев 249, 235 и 146 лет. Но вернемся к поиску древнего поселения на месте Скокова. К сожалению, вынужден констатировать, что и его пока не удалось найти. Правда, еще не все возможности использованы. Осмотрены лишь участки на берегу реки Граничной и вдоль луговины, поймы реки. Это наиболее подходящие для селища места. Но фрагментов керамики XV—XVI веков там не встречено. Старое Скоково, его древнейшая часть должна располагаться где-то рядом с деревянной часовней. Но где?

Становище

В конце XV века в деревне насчитывалось всего два двора. Она явно размещалась где-то поблизости от Скокова, поскольку писцовая книга сообщает, что налог брался с обеих деревень вместе. В 1583 году количество дворов достигло 11. Для этих мест деревня Становище была значительной. В XVIII веке появилось второе название — Акимово. Деревня захирела, в ней остался всего один двор. XVIII век знал только пустошь Якимово, располагавшуюся на территории земельных владений деревни Скоково.

Мне довелось опросить многих жителей Скокова, но ни один из них так и не указал на местность с названием Акимово или Якимово и Становище. Быстро же забылось это название. Осмотр пашен возле самого Скокова ничего не дал.

Белище

Книга 1495 года указывает, что дворов в этой деревне было 4. Спустя столетие их стало восемь, но половина из них запустела.

Далее сведения о Белище в письменных источниках обрываются. Но пустошь Белище указана на планах Генерального межевания 1781 и 1788 годов на правобережье Граничной севернее Скокова. Поиск этой деревни оказался долгим и запутанным.

Впервые местность с данным названием мне указал знаток уро-чищ из Рождества Н.С.Ефремов. На экспедиционной машине в 1987 году мы выехали из села Рождество и, свернув влево от современно-го кладбища на южной окраине села, вышли на старую Бурлацкую дорогу. Дорога была заброшена. Приходилось то и дело тормозить, чтобы расчищать путь от поваленных деревьев. Наконец, мы вползли на вершину возвышенности, поросшей лесом, и остановились. Николай Степанович развел вокруг руками и сказал, что это и есть Бели-ще. Раньше было поле, но теперь оно заросло. В тот момент мне подумалось, что деревню Белище найти в таких зарослях никогда не удастся. Это же не европейский лес, а джунгли.

Такое расположение Белища совпадало с локализацией данной местности на планах Генерального межевания. Но вскоре у меня возникли сомнения.

Дело в том, что для жителей Скокова местность Белище находи-лась гораздо ближе. Она начиналась сразу за Романовым ручьем на его правобережье, к югу от пустоши, указанной в планах XVIII века. Рассматривая план сельца Скокова 1861 года, хранящийся в музее Фировской средней школы и любезно предоставленный мне Э.И.Ру-сановой, я неожиданно заметил на нем старинную карандашную пометку "Белище" на правом берегу того же ручья. Выходит, пустошь исторически занимала более обширное пространство, нежели ее изо-бражает план эпохи Екатерины II. Именно на берегах Романова ручья и располагаются современные поля.

Летом 1992 года пришлось обследовать весь ручей. Остатки посе-ления, как тогда показалось, были зафиксированы на поле, на правом берегу ручья, в 500 м от его устья. Поле было засеяно овсом, что затрудняло поиск. Какие-то невыразительные фрагменты посуды на-ились, но полной ясности не было. Пришлось отложить поисковые работы на сентябрь.

И вот снова то же поле, убранное, но не распаханное. Влажная темная земля на одном участке заметно выделялась по своему цвету. Снова хожу по полю и вглядываюсь в землю, ищу черепки. Я уверен, что селище у меня в руках, только надо набрать доказательства. Однако обломков битых горшков XV века нет. И это обескураживает. Время идет. Вся керамика — XX столетия. Наконец, после неудачно-го пустого шурфа (жаль потраченное драгоценное время!) я послед-ний раз обхожу поле и вслух самому себе говорю: "Это не Белище". Где искать, полная неясность.

Но ноги уже сами несут меня к реке Граничной. Осматриваю еще раз устье ручья. Результат отрицательный. Иду берегом реки ниже по течению и выхожу на луговину, спускающуюся к реке. Копнул лопатой землю, снял небольшой участок дерна. Под ним чернел слой! Тщательно просматриваю жирную, насыщенную органикой землю. И вот награда — в руке знакомый фрагмент горшка XV—XVI веков. Нашел!

Закладываю шурф метр на метр, затем делаю прирезку. Керамика идет, не оставляя уже никаких сомнений, что древнее поселение найдено. Все больше и больше осколков старинной посуды извлекается на свет. Погода, как на зло, испортилась. Моросят дождь, мокнет куртка на сентябрьском ветру. Промок и свитер. Земля холодная и пристает к рукам. Но уходить не хочется. Продолжаю работать весь световой день и на вторые сутки. В итоге набираю пакет керамики — той, которую искал и, торжествуя, составляю план местности с привязкой поселения.

Собственно нашел я два поселения: Белище и Андреев хутор. От последнего остались в земле кирпичная крошка, фаянсовые осколки посуды и кусочки стекол; дата его — 1920-е годы.

Местоположение Белища довольно удачно, у брода через Граничную.

Бисерова Горка

По писцовой книге в 1495 года в ней насчитывалось 3 двора. Книга 1583 года сообщает о запустении четырех дворов. Перепись 1620 года застает на этом месте сельцо с помещичьим двором и двором крестьянина. Во второй половине XVII столетия относится известие о запустевших четырех крестьянских дворах.

Пустошь Бисерова Горка указана на плане 1788 года. Она расположилась к востоку от Рождества на ручье Ольховец (ныне Карпов). Об этом сообщают и Экономические примечания к планам межевания XVIII века: "... на правой стороне ручья Ольховца".

Название Бисерова Горка дожило до наших дней. Оно закреплено за небольшой возвышенностью в 1.3 км восточнее села Рождества по дороге на станцию Баталино.

Мы свернули и оказались на небольшом поле, расположившемся на склоне холма. Где-то в низине протекал ручей. На краю поля размещался загон для скота. Как потом выяснилось, в полдень на дойку пригоняли коров. К загону явно подъезжала машина за молоком, оставившая глубокую колею в земле.

Осматривая местность и прикидывая, где же могло здесь располагаться селище, я обратил внимание на эту колею. В ней просматривался темный слой. В обнажении почвы заметил мелкий фрагмент

керамики. Приглядевшись внимательно, увидел небольшое возвышение, на которое мог обратить внимание лишь археолог. Все это походило на остатки дома, некогда стоявшего на данном месте. Если есть керамика, то надо закладывать шурф.

После дерна пошел темный песок с галькой. Вот и долгожданные фрагменты средневековой посуды. Темный слой был мощностью от 18 до 45 сантиметров. Шурф пришелся на часть подпечной ямы. В ней обнаружились камни — остатки печки и точильный камень.

Поселение оказалось вытянутым вдоль ручья. Размеры 25 на 110 метров.

Ермолино

В конце XV века в ней было всего два двора. В 1583 году количество дворов достигло восьми. В XVII веке это — пустошь. В 1781 году на нее был составлен план. Она размещалась по соседству с Бисеровой Горкой. В то время здесь находилась обширная пашня.

В следующем столетии на краю пашни возвели деревню, которая получила свое прежнее название — Ермолино. В 1864—1865 годах здесь стояло три двора. По данным переписи 1881 года, в Ермолине проживали 21 человек. Перепись 1897 года фиксирует уже пять дворов. Накануне первой мировой войны численность населения составила 41 человек.

Деревня Ермолино дожила до наших дней. Несколько десятилетий назад она была довольно крупной. Ныне сохранились всего три или четыре двора. Остальная территория распахана, словно и не было здесь никакой крестьянской застройки.

Не вызывало сомнений, что деревня должна быть приурочена к безымянному ручью, от которого современные строения оказались удаленными на десятки метров. Ближе к ручью я и начал поиск. Что можно было найти в июле на засеянном поле? Всего несколько фрагментов керамики. Но их оказалось достаточно для первого раза, чтобы установить нахождение средневековой деревни. В сентябре заложил шурф, и тогда был получен более представительный материал. Деревня занимала примерную площадь 45x75 метров. Селище вытянуто вдоль современной дороги. Отсюда следовало, что направление дороги осталось неизмененным на данном участке с XV века.

Лядино

В самом конце XV века в деревне было 4 двора. В 1583 году это уже пустошь. Пустошь Лядины указана на плане 1788 года. Она приходится на территорию, ныне занимаемую поселком Труд. Недаром протекающий по окраине поселка ручей называется Полятинский, т.е. текущим по Лядине. Буква "д" перешла в "т". Первоначально

ручей, скорее всего назывался Полядинский. Селище найти не удалось.

Отыхалово

История этой деревни абсолютно аналогична предыдущей: те же четыре крестьянских двора в XV столетии и запустение в конце следующего века. Известен и план пустоши Отыхаловой 1788 года. Она размещалась к северу от Ермолино. Было и второе наименование этой пустоши — Копова. Последнее название сохранилось за небольшой луговиной на правом берегу безымянного ручья, протекающего восточнее деревни Ермолино. Данный ручей — приток речки Крупицы. Где-то в ее верхнем течении в районе бывшей деревни Крупицы и надо искать средневековое поселение. Ныне здесь фермерское хозяйство. Осмотр полей на данном участке ничего не дал, хотя удалось зафиксировать поля XVIII века, ныне заброшенные. На них указывает гумусированный слой — бывшая унавоженная почва. Может быть, эти данные и пригодятся начинающему фермеру, но для археологии они пользы не принесли.

Пепельниково

В 1495 году здесь было два двора, в 1583 году — пустошь. Название Пепельниково сохранялось еще в XVIII веке. Оно закреплялось за пустошью, входившей в состав земель села Рождества. По книге 1572—1573 годов известно, что в это время из деревни Пепельниково был выставлен двор Бортниково. Пустошь Бортникова указана на плане 1788 года к северу от Холуев на правом берегу Граничной. Следовательно, и сама деревня Пепельниково размещалась к северу от Холуев.

Археологические поиски средневековой деревни удачи не принесли. Я предполагал найти ее возле Пальцевского болота на поле. Но шурфовка не вывявила следы черного культурного слоя.

Больше повезло с Бортниковым. В пределах этой старой пустоши удалось обнаружить выставочный двор размером 20x35 метров. Это — участок темно-серого слоя, содержащий керамику позднего средневековья. Нашел эту "иголку в стоге сена" совершенно случайно. Мы возвращались в Рождество с очередного маршрута. Рядом с тропинкой на некотором отдалении от реки Граничной я обратил внимание на несколько необычную темную почву на лужайке, изрытой кротами. Цвет ее меня сразу смутил. Но первые попытки найти керамические фрагменты оказались безрезультатными. Однако через день, заложив небольшой шурф, обнаружил керамику, которую искал. Это была несомненная удача. Кроты оказались на службе у археологии.

Марково

В 1495 году здесь было два двора. К 1583 году их было уже восемь. После смутного времени деревня заметно опустела. Даже в конце XVII века она не стала больше. В 1669 году здесь проживали две крестьянские семьи. Тогда же появилось и второе название деревни — Родуткино. Оба наименования соседствовали, дополняя друг друга. Потому письменные источники называют эти деревни "Марково и Родуткино то ж".

Двойное название встречается и на планах Генерального межевания 1780-х годов. Так называлась значительная по размерам пустошь, располагавшаяся в нижнем течении реки Граничной, захватывавшая даже сосновый бор в междуречье Граничной и Шлины.

Трудность поиска средневекового поселения заключалась в том, что название Марково-Родуткино исчезло из устной народной традиции. Его никто не помнит. Не помог и план Генерального межевания, на котором изображены старые поля. Мой опыт показывал, что деревни стояли на окраине этих полей. Мы обследовали все поля планов Генерального межевания пустоши Марково, но ничего так и не нашли. Эти поля уже покрыты лесом, заброшены, но кроме гумусированной бывшей унавоженной почвы на них так и не удалось найти фрагменты горшков. Большое поле тянется вдоль Граничной на правом ее берегу в районе известкового карьера. Частично поле уничтожено этим карьером, частично распахано, и на нем высажены молоденькие сосновые саженцы. Остальная часть покрыта сосновым бором. Но где была сама деревня, пока неизвестно.

Гадышов Брод

Новгородская писцовая книга 1495 года отмечает, что это была новая деревня, только-только образованная. В ней насчитывалось четыре двора. Последующие книги, документы однозначно указывают на то, что Гадыши (или Гадышов Брод) продолжали существовать непрерывно на своем месте вплоть до наших дней, когда изменили название на поселок Комсомольский.

В археологическом плане Гадыши меня мало волновали, так как дата их возникновения — конец XV века — была определена историческими документами. Что в таком случае может вызывать интерес? Только керамика. На ее примере можно получить четкое представление, какие формы горшков тогда употреблялись, т.е. получить узкую дату для керамической шкалы. Но это не было для меня главным в изучении деревень Яковлевской волости на первом этапе исследования. Потому я и откладывал на неопределенное время посещение Гадышей.

Когда в июле 1992 года я оказался на пыльной уличке поселка, то даже растерялся: где же искать селище среди столь большого скопления дворов? И поняв всю безнадежность осмотра огородов в период спспевания картошки, оставил это занятие на осень. Но время решило даром не терять, а наметить план действий.

Предстояло вычислить примерное расположение средневекового поселения. На что здесь можно ориентироваться? Конечно, на название деревни и планы XVIII века.

Название указывало на существование через реку Шлину брода, возле которого была построена деревня. План 1780-х годов обрисовал ядро этого населенного пункта, помещавшееся на правом берегу Шлины у характерной излучины. Этот изгиб Шлины я без труда отыскал на современной карте. Река здесь разделяется на два рукава. Через остров проходила дорожная трасса. Однако карта устарела. Уже действовал новый мост, а на месте старого были перекинуты пешеходные мостки. Вблизи старого тракта и надо было искать поселение.

Осенью я его и нашел. Выйдя на берег Шлины на обширную луговину, увидел следы старого брода. От него остался накатанный спуск к воде. Брод находился ниже по течению от острова, образованного двумя речными протоками. Картошку уже убрали. Можно было, не опасаясь нареканий хозяев, осмотреть огороды. На берегу Шлины на высоте 2—3 метров от уровня воды в луговой части и на огородах выявились остатки деревни.

Первым мне попался черепок посуды из белой глины. Но далее последовали фрагменты красноглиняных черепков. Скоро стало ясно, что это поселение, просуществовавшее с X по начало XIV веков, — предшественник Гадышова Брода. Два часа тщательного осмотра позволили насобирать представительную коллекцию старой древнерусской посуды. А шурф, заложенный на другой день, выявил слой мощностью до 65 сантиметров. Вот тебе и неинтересный памятник. Как же я просчитался!

Деревня Гадышов Брод, как потом выяснилось, располагалась на верхней террасе среди современной застройки и огородов.

Выяснилась еще одна любопытная деталь. Виктор Петрович Большаков указал на старинное кладбище, существовавшее в Гадышах до 1950-х годов. С его слов, места захоронений были отмечены большими камнями. Но современная застройка разорила могильник. Камни были свинуты со своих мест. Здесь воздвигли дома. Отдельные валуны лежат до сих пор на окраине Гадышей. Точные размеры этого кладбища указать нельзя, примерно 30x40 метров. На некотором удалении от него у реки Шлины, где находится Святой омут, стояла часовня.

Расположение могильника на верхней террасе неподалеку от средневековой деревни Гадышов Брод конца XV века со всей очевидностью указывало на то, что здесь были погребены жители этой деревни, обосновавшиеся здесь около 1495 года.

Из расспросов удалось также узнать и другое. Оказалось, что в начале 1930-х годов на могильнике вел раскопки московский историк Феноменов Михаил Яковлевич. Он приезжал сюда на летний отдых на родину жены. Им было раскопано несколько могил. По дороге в столицу его обокрали. Самое печальное, что в пропавшем чемодане (нездачливые воры об этом не знали) находились черепа. Видимо, профессор вез их в Москву на определение.

Все мои попытки найти какие-либо отчеты о раскопках в Гадышах Феноменовым не увенчались успехом. В картотеках археологических учреждений России упоминания об этих работах нет.

Нивки

Подобно предыдущей деревне, Нивки также была основана в самом конце XV века. Сначала здесь было 3 двора, в 1583 году — четыре. Затем наступило запустение. На планах Генерального межевания 1780-х годов указывается пустошь Нивки к востоку от Гадышей, на правобережье Шлины. Это все, что мне известно о данной деревне.

Боярская волостка как территориальная единица

После локализации деревень Яковлевской волостки текст Новгородской писцовой книги перестал быть для нас "слепым". Это уже не абстрактные населенные пункты, расположенные ГДЕ-ТО на юге Новгородской земли, а конкретные деревни в конкретной природной среде, каждая со своей, пусть небольшой, но историей.

Все они были соединены в древности дорогами. Самое поразительное то, что эти дороги функционируют до сих пор. Трассы их остались практически без изменений. Когда начинаешь читать текст писцовой книги заново, то становится очевидно, что деревни Яковлевской волостки описаны в определенной последовательности, по маршруту писцов. Не случайно описание волостки начинается с Жольниц, расположенных на окраине, в пограничье с соседним Посонским погостом. Здесь проходила старая дорога из Волочка на Великие Луки через Жабны. Это был "Луцкой путь". Писцы и двигались старым трактом в сторону Граничной. Затем они отклонились от пути и лесными дорогами обошли всю территорию Яковлевской волостки.

Какую же площадь занимали владения Якова Скомантова? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо определить рубежи волостки. В средневековые границы земельных владений назывались "ме-

"жой". При проведении границ использовались термины " завод земли", "отвод земли", "межа", "заруб".

Ничто не исчезает бесследно, в том числе и межевые знаки. Границы деревень были устойчивы на протяжении столетий. Их самую первую фиксацию дали планы Генерального межевания XVIII века.

Я предпринял попытку локализовать эти межи, для чего пришлось проделать кропотливую работу по переносу границ деревень, изображенных на планах XVIII века, на современную карту. И выяснились поразительные вещи. Оказалось, что на значительных участках межи сохраняются до наших дней в виде лесных просек. Конечно, не все существующие просеки старые. Но те, что накладываются на планы XVIII века, безусловно восходят к XVI и даже XV векам. Выходит, просеки — тоже памятники истории, которые до настоящего времени не учитывались исследователями. Удалось найти границу Тверской и Новгородской губерний. Она сохранилась!

Остается провести на местности между Яковлевской волостки. От Холуев (Рождества) она шла по реке Граничной вниз по течению. Примерно через 1400 саженей (около 3 км) у характерного изгиба реки межа переходила на левобережье и, огибая пустошь Жаровского конца Ефремцево, через 1750 саженей (3,5 км) выходила к озеру Глыби. Здесь она пересекала озеро рядом с истоком из него Шлины и по краю непроходимых болот на удалении одной версты (более двух километров) шла вдоль Шлины. Чуть ниже места слияния Шлины и Граничной межа переходила на правый берег Шлины и шла вдоль него до устья Шлинки. Напротив этого места она резко поворачивала на юг и вдоль болотных массивов подходила к деревне Жольницы, а далее на юго-запад к реке Граничной и ниже по течению доходила до Холуев, замыкая всю территорию волостки. В переводе на современную метрическую систему площадь волостки составляла свыше 210 квадратных километров.

Община в вотчине

Что же принципиально нового внесло археологическое изучение деревень Яковлевской волостки? Что не сообщают письменные источники о ней? Для меня таким открытием явилось выявление единого для всей территории волостки жальника-кладбища XIV—XV веков в урочище Жольницы (в Гадышах жальник поздний). Группа деревень с единственным местом захоронения — это известная в археологии средневековой Руси модель общинной структуры. Выходит, и Яковлевская волостка была общиной, хотя земля, на которой она располагалась, принадлежала феодалу.

Такая община называется вотчинной, или владельческой. Она имела свое самоуправление. Перед феодалом ее представлял выбор-

ный крестьянский староста. Община отвечала на уплату денежного и натурального оброка. Ее характерной чертой была круговая порука. Но господин распоряжался землей, а крестьяне несли еще и трудовые повинности.

Как сложилась эта вотчина? Ответ пока может быть гипотетическим. Обращает на себя внимание тот факт, что территория Яковлевской волости не входила в зону активного освоения бассейна реки Шлины в конце I-го тысячелетия нашей эры, когда сюда впервые пришли славянские племена кривичей. Это была безлюдная зона. Лишь в X веке на Шлине возникло единичное поселение на месте будущей деревни Гадышов Брод. Это поселение просуществовало до начала XIV века, а затем исчезло. Одновременно фиксируется появление деревень в глубине водораздела. Самая первая деревня на рубеже XIII—XIV веков возникла на Бисеровой Горке, затем и другие — Белище, Холуи. Надо полагать, что со Шлины крестьяне ушли осваивать лесные участки, основав там новые дворы, давшие жизнь деревням. Но и в XIV—XV веках это была все же слабо освоенная территория. Деревни Ермолино, Скоково, Жольницы появились только в XV веке. Таким образом, боярское владение возникло на слабо освоенной земле. Известно, что бояре покупали земли у погостов-общин. Вполне возможно, мы имеем дело с подобным случаем, когда земля могла быть куплена феодалом у погоста Жабна, являвшегося коллективным владельцем огромного массива земель в верховьях рек Шлины и Граничной. Но был ли ее первым хозяином Яков Скомантов, это мы вряд ли когда-либо узнаем.

Яковлевская волость — незначительный эпизод в истории бескрайней Новгородской земли. Ее деревни затерялись в глухих лесах Валдая, сохранив еще много неразгаданных тайн.

Глава 3. На родине Нила Столбенского Нил Столбенский — уроженец жабенский

Осуществляя археологический поиск средневековых деревень волости Жабна, я как-то не задумывался о том, что мои исследования проходят не просто в Жабенской волости, а на родине Нила Столбенского. Осознание данного факта пришло позже и только способствовало усилению моего интереса к этой древней земле.

"Нил Столбенский — уроженец жабенский", — говорили о нем средневековые биографы. "Житие преподобного Нила Столбенского чудотворца" сообщает, что Нил действительно родился в погосте Жабна, предположительно в 1485 году. Отсюда, будучи юношей, он проделал долгий путь в Псков, где в монастыре Иоанна Богослова (Крыпцы) принял пострижение. Но, испытывая стремление удалиться в пустынное место, Нил вернулся на родину, и на берегу речки

Серемухи в глухом лесу поставил келью. Было ему в то время 30 лет. Питался он плодами своего труда, возделывая землю, и, как сказано в его житии, "душу укреплял непрестанным Богомыслием, постом, бдением и молитвами".

Жители окрестных деревень стали приходить к нему за наставлениями, молитвою. Ему снова захотелось уединенной жизни, и в 1528 году Нил ушел на озеро Селигер, где и обосновался на острове, называемом Столбное. Там он выкопал "пещеру", в которой провел зиму, а весной срубил келью. Дни и ночи он проводил в молитвах, не позволяя себе спать, а в случае крайнего изнеможения повисал на двух деревянных крюках, вбитых в стену.

Мысль о неминуемой смерти донимала Нила. Готовясь принять ее, он выкопал в часовне могилу и поставил в нее гроб, который сам вытесал. И молился он, и плакал у этого гроба каждый день.

Все его имущество составляла икона и ветхое платье — рубище. Однажды, когда на него напали разбойники, требуя сокровищ, которые он якобы прячет, Нил сказал им: "Сокровище мое в углу моей кельи". Те бросились в келью, но ничего там, кроме иконы Богородицы, не нашли.

Невзгоды испытал Нил и от окрестных жителей, которым не понравилось, что отшельник живет на их острове. Решили они устроить там пашню и выжечь лес. Вырубили все деревья, кроме одинокой сосны, росшей в келье. Нил молил их не поджигать лес, но они не послушались одинокого богомольного старца. Однако пламя погасло у кельи старца, не опалив ее.

"Получив извещение свыше о приближающемся часе смертном", Нил исповедовался у своего духовного наставника, игумена Николаевского Рожковского монастыря Сергия, и поведал тому, что по прошествии времени на Столбном острове на месте его духовных подвигов Бог воздвигнет храм, там будет обитель иноков. Нил умер 7 декабря 1555 года, произнеся свою последнюю молитву в изнеможении, опервшись на крюки, вбитые в стену кельи. Его похоронили в приготовленных им же гробе и могиле. А в 1594 году на Столбном острове на Селигере по грамоте Московского и Всея Руси патриарха Иова была учреждена иноческая обитель, получившая название Нилова пустынь.

Жизнь Нила Столбенского в его житии оценивается как духовный подвиг. Биография Нила раскрывает внутренний мир людей, живших несколько сот лет назад в суровом лесном kraю. Только здесь, среди дикой природы, мог выковаться столь твердый характер, закалиться сила духа. И все жители средневековой Жабенской волости мне начинают представляться такими же суровыми людьми, готовы-

ми перенести все невзгоды, вынести любые испытания, какие бы не преподнесла им судьба.

Народная память о Ниле жива. Оказавшись в Жабнах в июне 1987 года, первое, что я услышал от местных жителей, так это то, что нахожусь на родине Нила Столбенского.

Сколько лет Жабнам?

Современная деревня Жабны уже не является крупным административным центром. Здесь — всего лишь сельсовет. Да и автобусы ходят из районного центра Фирово не каждый день. Жабны оказались как бы в углу. Но былое величие не скрыть. И сейчас в центре деревни в окружении полукольца приземистой валунной ограды стоят два каменных храма, один из которых посвящен Нилу Столбенскому, а другой — Чудотворцу Николе, да вдоль центральной улицы белеет с десяток прочных каменных домов, возведенных дореволюционными мастерами своего дела.

Все эти строения напоминают о поре расцвета Жабен конца XIX — начала XX столетий, когда здесь, в центре волости, действовали не только храмы, но и одноклассное образцовое училище, работали фельдшерский пункт, волостное управление, две красильни, один маслобойный завод, одна кузница, одна сапожная мастерская. Три раза в год народ из окрестных деревень, сел и ближайших городов спешил в Жабны на ярмарку. Сейчас даже трудно поверить, что в то время в селе было 86 дворов, что в 1897 году население составляло 424 человека, а накануне первой мировой войны — 476 человек.

Но такими Жабны были не всегда. Горькое испытание выпало на долю этого селения в конце XVI столетия, хотя сначала ничто не предвещало беды.

После присоединения в 1478 году Новгорода к Москве экономика Новгородской земли продолжала развиваться по восходящей: появлялись новые деревни, села, возникали починки, росло количество дворов в прежних населенных пунктах. Писцовая книга 1557 года упоминает в Жабенском погосте уже не одну, а две церкви Николая Чудотворца. Но этому росту помешал мощнейший экономический кризис эпохи Ивана Грозного. В результате Дозорная книга 1595 года, словно забыв прежнее наименование Жабен, назвала эту местность "пустошь Погост".

Источники следующего столетия крайне немногословны и содержат только указания на "погост Жабенский" (Дозорные книги 1620, 1623, 1628, 1669, 1678 годов). Краткость этих сведений получает объяснение через фразу книги 1648 года: "Погост Жабенский пуст". Одним словом — ЗАПУСТЕНИЕ.

Только во второй половине XVII века в Жабнах наметились черты возрождения. По требующим дополнительного уточнения данным в 1664 году в Жабнах была возведена новая Никольская церковь. Опись 1710 года отмечает на погосте Жабна церковь во имя Чудотворца Николая и при ней 3 двора клириков. В самом начале 1780-х годов в Жабнах было засвидетельствовано 7 дворов, на которых проживали 29 человек. Вдумайтесь в эти цифры! 7 дворов против 16 дворов 1490-х годов. Насколько была сила кризиса, если даже спустя три столетия не было восстановлено количество "дворовых мест"?! И только XIX столетие стало для Жабен новым расцветом. Указатель населенных мест 1864—1865 годов отмечает здесь 37 дворов и население 259 человек.

XIX век в историю Жабен вошел как столетие непрерывного кризиса. Уехали со своей родины люди, покинув отчие дома, закрылись храмы, запустела школа. О ярмарках помнят лишь старики, составляющие большинство жителей. Крик новорожденных стал редок. Жабны стоят. И, может быть, именно знание своей истории поможет людям выстоять и в наше не столь простое время.

Наконец-то я в Жабнах. Что это для меня значит? То, что, моя мечта — увидеть своими глазами кусочек древней Новгородской земли — осуществилась. Я стоял у храмов XVIII и XIX веков, не столь древних, но имевших своего предшественника — деревянную Никольскую церковь, описанную в книге 1495 года. Я знал, что где-то под ногами истлевают или уже истлели остатки изб тиунов, "христиан", чьи дворы прибывшие московские писцы занесли в конце XV века в книгу. Здесь, в Жабенской земле, покоятся прах тех, кто своим упорным трудом обустроил этот некогда дикий край.

Где искать Жабны XV века? Вопрос не простой. Обошел деревню, осмотрел снаружи закрытые на замки храмы с облупившимися стенами, окинул взглядом проржавевшие кровли крыш и чернеющие железные луковицы глав. Первое, что приходило на ум: необходимо заложить на бывшем церковном дворе и рядом с ним несколько небольших шурфов размером 1x1 метр. Если каменные храмы воздвигли на месте прежнего деревянного, то следы по крайней мере XV века здесь выявятся обязательно.

Итак, шурф №1. Его копаем с внешней стороны. Мощность слоя на данном участке оказалась равной всего 30 см. Но, кроме нескольких кусков битого кирпича, кусков извести и редких фрагментов горшков XVIII—XX веков, ничего не обнаружено.

Исследования переносим к западному входу церкви Нила Столбенского XIX века. Шурф №2 закладываем совсем рядом с крыльцом. Прослеживается "слоеный пирог" из четырех напластований общей мощностью 60—70 см. Сверху идет строительный мусор времени

возведения храма. Это — битый кирпич, булыжный камень, куски белой извести. Ниже — три слоя темно-коричневого и черного цвета. Но вся керамика поздняя, XVIII века, хотя ее в небольшом шурфе и набралось около 300 фрагментов. Ничто не говорит о том, что где-то могли размещаться средневековые дворы. Вывод очевиден: в центре современных Жабен средневекового поселения нет.

Осмотриваем дворы, расположенные в полукруг церковного комплекса. И к северу от церкви, за покосившимся забором, на огороде, взгляду археолога улавливает более темный цвет земли. Явное пятно размером где-то 40x60 м. Это огород Геннадия Павловича Брагина.

Хозяина застала дома за самоваром. Старик почтенного возраста (1909 года рождения) смотрится молодцом. Во время беседы за чаем он сообщает мне несколько интересных местных названий: Пустки, Оселок. "Дедка говорил, что в старину за ручьем, до Бухаловского ручья, находили остатки деревянных строений, жернова. Может быть, Жабны были и там", — высказал Брагин свою догадку. Церковь он помнил еще действующей. Но к ее закрытию чуть ли не сам приложил руку: комсомольцем был. Теперь горько сожалеет. Никому церковь не мешала. Книг много было в церкви, когда ее закрывали. Куда делись? Сожгли почти все. Колокола сбросили, разбились они.

Я представляю горящие рукописи, слышу прощальный глухой, словно стонание, звон ударяющихся о землю бронзовых колоколов, но не могу вписать в эту картину Брагина. Перед глазами встают кадры из фильма Тарковского "Андрей Рублев" и лица иноземных захватчиков, жгущих дома, надругивающихся над русскими святынями.

А книги жаль! Трудно представить, что уничтожено. Особенно сожалею об одной рукописи, о которой вычитал в дореволюционной книжечке. Там была записана вся история Жабенского погоста и местной церкви.

Шурф, заложенный на огороде Брагина, внес нотку оптимизма. Прямо из слоя мы извлекли железный замок XVI—XVII веков, округлый, в виде бочонка, а на самом дне шурфа лежало несколько фрагментов горшков, характерных для XIV—XVI веков. Выходит, и пятно гумусированного слоя относится к этому времени. Но это явно не сама деревня Жабны: уж слишком малы ее в таком случае размеры — 35x60 м.

Следующий шурф, заложенный на огороде Василия Николаевича Суворова, значительно восточнее церкви, ближе к болотистой низинке, наконец-то подарил нам то, что искали — слои древней деревни Жабны. Черная земля содержала черепки XII—XX веков.

Небольшой раскоп размером 4х6 м пришелся на незастроенный участок. Здесь нам повезло еще раз, так как последовательность напластований не была нарушена и основные периоды истории Жабен предстали перед нами достаточно отчетливо. Вся керамика разделилась на две группы: XII—XVI и XVII—XX веков. На стыке XVI—XVII столетий обозначился перерыв в жизни поселения. Все это прекрасно сочеталось с данными письменных источников о полном запустении погоста Жабна, превратившем его в археологический памятник.

Раскоп наконец-то позволил ответить на вопрос, сколько лет Жабнам? Когда несколько сотен фрагментов керамики были отмыты, зашифрованы, классифицированы, подсчитаны по периодам, то выяснилась следующая картина. Ровно половину всех находок составляли черепки XIV—XVI веков, времени расцвета средневековых Жабен. 10 процентов коллекции составляла керамика XIII—XIV столетий, 12 процентов — черепки XII—XIII веков, остальные — XVII—XX веков. Отчетливо проследились осколки горошков домонгольского периода — второй половины XII столетия и до 1237 г. Следовательно, поселение Жабны появилось во второй половине XII века. Незначительность материала указывает скорее всего даже на конец этого столетия. Иными словами, Жабны всего на 30—40 лет моложе Москвы, основанной, как известно, Юрием Долгоруким в 1147 году. **ЖАБНАМ 800 ЛЕТ!** Этую дату фировчане могут смело отмечать в любой год из оставшихся до конца XX века.

Раскоп не баловал находками. Встретилась лишь короткая металлическая вязальная спица XIII—XIV веков да обломок глиняного рыболовного грузила. Такие крупные грузила использовали на больших сетях, на открытом водном пространстве. Получало объяснение нахождение поселения у болота. Значит, в древности это было озеро! И люди, пришедшие сюда, на водораздел, поставили свои дома рядом с плещущейся водой. Процесс заболачивания внутренних водоемов на северо-западе Восточной Европы известен.

Чтобы уточнить размеры древнего селища, мы внимательно осмотрели пашню на берегу болота. Средневековая керамика в основном относилась к XIV—XVI столетиям. Ее мы собрали на пространстве 140x370 м (5,2 га). Вот на каком месте стояли Жабны во время переписи 1490-х годов. Поселение же XII—XIII веков было небольшим, примерно 75x115 м (0,7 га).

Тогда пятно культурного слоя на огороде Брагина может быть трактовано как местонахождение деревянной церкви Николы. Недалеко рядом с этим пятном при рытье водопроводной траншеи, по словам местных жителей, было выворочено огромное количество костей и черепов. Это кладбище. О нем, видимо писал в 1913 году

К.С.Лебедев в книжечке о Валдае: "В селе есть древнее кладбище, где, по преданию, погребены родители Нила Столбенского, а потому 27 мая ежегодно совершается сюда крестный ход".

Таким образом, наше исследование позволило выявить трехчастную структуру Жабенского погоста, остававшуюся таковой вплоть до начала XX века: поселение, церковный двор, кладбище.

Мы установили приблизительную дату появления деревни Жабны. Но соответствует ли она времени возникновения здесь Жабенского погоста — не деревни, а административного центра сельской округи? Ответ следует искать уже за пределами самого погоста. Если это центр округи, то он мог возникнуть в окружении деревень на уже освоенной и заселенной территории. Следовательно, дата появления погоста Жабны должна соотноситься с датой возникновения ближайших к Жабнам деревень. Новгородская писцовая книга 1490-х годов перечисляет 14 таких деревень: Дорища, Бухалово, Бухалова Гора, Пустки, Песей Конец, Суша, Березье, Песчан, Вельцо, Мартюшино, Юркина Гора, Черньцово, Копытово, Каменец. Предстояло найти остатки поселений.

Дорища

В древнерусском языке слово "доръ" означало землю, расчищенную под пашню и покосы. Сuffix -ище указывает на действие, которое уже прошло. В таком случае дорище — это место, где когда-то находилась земля, освобожденная из-под леса или кустарника под хозяйствственные нужды.

В XV веке эта деревня была достаточно большой. В ней было 11 дворов. Но просуществовала она только до кризиса конца XVI века. Книга 1583 года говорит о деревне в прошедшем времени. На ее месте расположилась пустошь. Дозорная книга 1595 года сообщает о находившейся здесь небольшой пашне. Далее об этом урочище ничего не известно. И только планы Генерального межевания эпохи Екатерины II помещают пустошь Дорище по обеим сторонам Дубова.

Название "Дорище" в народной устной традиции не сохранилось. На современных картах древнее поле носит название "Совхоз". Именно здесь по всем данным и должно было находиться селище. Оно было найдено довольно легко при осмотре пашни. Размеры древней деревни составляли 70x200 м. Некоторое удивление вызывало отсутствие в этой местности воды. Впрочем, рядом располагается заболоченная низина. Стояла деревня Дорище на старой дороге, ведущей из Заморино в Жабны. Собранный керамика относится к XII—XVI векам.

Бухалово

Эта небольшая деревенька состояла всего из двух дворов. Источники XVI—XVII веков упоминают в Бухалове помещичий двор. В 1780-х годах Бухалово — сельцо, включавшее восемь дворов, на которых проживал 51 человек. Спустя столетие здесь значилось 46 дворовых мест, население — 219 человек. Ныне деревня Бухалово расположена на обеих сторонах ручья Дубова в одном километре от Жабен.

Рядом с Бухаловым обнаружено два селища: одно небольшое, размером 50x80 м, с керамикой XIV—XVI веков на правом берегу ручья, второе — крупное, 125x130 м (1,6 га), на левобережье. Последнее датируется X — началом XIII и XVI—XIX веками. Маленькое поселение — это деревня писцовой книги 1490-х годов, большое — помещичий двор и сельцо времени Генерального межевания. Выяснилось также, что начало освоения верховья ручья Дубова приходится на X столетие.

Бухалова Гора

В 1490-х годах в ней числилось четыре двора, а в 1573 году — пять хозяйств. Через 10 лет здесь была уже пустошь. Пустошь Бухалова Гора отмечена на планах 1780-х годов. В настоящий момент в ее исторических границах располагается всего одна пашня, на которой и было найдено селище XIV—XVI веков.

Пустки

Писцы московского князя зафиксировали здесь восемь дворов, а их преемники через столетие — пустошь. Дозорная книга 1595 года отмечает, что данная местность делилась на шесть частей, каждая со своим названием: Пустки, Поддубье, Двор помещичий, Горка, Рядки, Рябово. На планах Генерального межевания эти пустоши группируются в глухой лесной местности вокруг небольшого озерка Доброго. Так территория средневековой деревни Пустки распалась на отдельные единицы. Древнее поселение могло оказаться в любой из шести частей.

Поиск средневековых Пустков оказался весьма трудным и сопровождался рядом неудач. В отличие от других деревень Пустки нельзя было сразу "вычислить" из-за обилия версий, каждая из которых имела право на существование. Свою первую попытку мы предприняли вместе с жителем Жабны Дмитрием Владимировичем Федоровым, бывшим лесником. Он сообщил нам, что Пустками называются покосы в верховье ручья Доброго, который вытекает из одноименного

озерка. Это — бывший Алексеевский хутор, расположенный примерно в километрах шести-восьми от Жабен.

О Пустках рядом с озером Добрый говорили и другие жители Жабен: там все заросло прутняком, туда не ездят, там не ксят.

Когда лопата впервые вонзилась в землю на луговине этой части Пустков и вывернула черный гумусированный слой, я обрадовался удаче. Оставалось только найти фрагменты средневековой посуды. Мы расширили нашу "закопушку" — ямку, превратив ее в аккуратный небольшой шурф. По-прежнему шла черная супесь, прекрасный слой с органикой, но ни одного черепка не было. Шурф расширили. Результат — прежний. Тогда мы перешли на другой участок поляны. И снова черная земля, и снова "керамическая пустота". Все наши поиски оказались напрасными. Остатков средневековой деревни не наблюдалось.

Я обошел местность. В лесной чащобе недалеко от полянки обнаружилось несколько сложенных из камней куч — "пирамид". Каменные курганы? Это уже походило на фантасмагорию. Нет. Перед нами явно старая заброшенная пашня, при создании которой и были уложены эти камни. Здесь действительно был хутор, а черная гумусированная земля является результатом усилий труда хуторян. Такого естественного "чернозема" в этих местах просто нет. Всюду — подзолы, на фоне которых любой археологический объект выделяется чернотой слоя. Немудрено перепутать хуторскую, неоднократно уновленную землю с древним поселением.

На какое-то время мне пришлось отложить археологический поиск Пустков. Я продолжал опрос местных жителей, собирая названия урочищ, сведения о них. И однажды после беседы с Ниной Ивановной Ивановой из деревни Городок я, наконец-то, понял, где необходимо продолжить разведки. Нина Ивановна с огромной любовью и болью в сердце рассказывала о своей малой родине, где прошло ее детство, — ныне не существующей деревне Рядки.

Эта небольшая деревенька затерялась среди болот и лесов. Ее основали в начале 1920-х годов крестьяне села Мартюшино. Подъезда к ней нормального не было. Кругом болота да топи. Но жители почему-то на это не жаловались и жили, по ее словам, неплохо. Старики "держали мед". Хлеб родился дородный, пашня была хорошая, почти полностью обеспечивали себя во всем. "Деда звал: "Рядки — золотое дно""", — подвела итог Нина Ивановна.

Позже уже от других бывших жителей Рядков довелось узнать окончание этой истории. Оно было грустным. Когда при Н.С.Хрущеве пошло поветрие борьбы с неперспективными деревнями, Рядки упразднили в административном порядке. Колхоз в Рядках присоединили к колхозу в деревне Яхново. Ничто не помогло, никто не

услышал протесты рядковцев. Первое, что сделали яхновцы — забрали на свою колхозную усадьбу всю технику, которую вскоре и "угробили". Жители Рядков разъехались кто — куда. Процветавший колхоз, где были по-настоящему работающие люди, прекратил свое существование.

Во всей этой истории проглядывал весьма важный для меня как археолога момент: в Рядках была плодородная земля. Из-за нее рядковцы не хотели никуда уезжать. Они мирились с плохими дорогами. "Рядки — золотое дно" — эти слова крестьянин указывали на Рядки как на перспективный район поиска.

Ныне через Рядки проходит хорошая грунтовая дорога. Только уже деревни нет. На левом берегу притока ручья Доброго, мелководного ручейка, где когда-то стояли дома, теперь в земле виднеются оставшиеся от них западины. Поле, правда, сохранилось и даже распахивается; не дали зарасти лесом.

Именно на месте упраздненной деревни я и нашел напластования поселения XII—XVI веков. Древние Пустки оказались в Рядках.

Песей Конец

Я бы многое отдал, чтобы найти эту деревню. Но, увы, знаю лишь приблизительное ее местоположение. В 1490-х годах в ней было три двора. Через столетие она исчезла, став пустошью. Исчезла навсегда, не оставив следа ни в народной памяти, ни в планах Генерального межевания XVIII столетия. Почему какая-то малодворка для меня важна? А вы вглядитесь в ее название. С ним связана проблема кончанской структуры Жабенской волости. Время возникновения деревни должно указать на древнейший период бытования термина "конец" в волости Жабна. Хотелось бы, чтобы он был очень древним. А пока приходится довольствоваться тем, что имеется слабенькая привязка этой деревеньки.

Дело в том, что в конце XVI века из нее была устроена "выставка" ("выставлен" двор — самостоятельное хозяйство) под названием Паршуково, расположившаяся "по старой Борской дороге". Деревня с таким названием перестала существовать сравнительно недавно. Она стояла к северу от Рядков в километре от реки Шлины на берегу мелководного ручья. Мы осмотрели саму брошенную деревню Паршуково, где еще стоят срубы, ближайшую местность, но ничего не обнаружили. Песей Конец где-то близко: близок локоть — да не укусишь.

Суша, Березья, Песчан

Дворов в них было соответственно: 1, 2, 3, как расчет по порядку. Все исчезли в конце XVI века. Удалось найти лишь последнюю дере-

веньку. За прошедшие века изменилось название местности. Ныне это древнее поле именуют "Пещаница". Со всех сторон к нему подступает лес, но поле, на удивление, не зарастает, хотя и не распахивается. Может быть, это какое-то свойство именно древних окультуренных полей?

Поселение располагается рядом с дорогой на слегка покатом склоне заболоченной низинки. Размеры его 30х55 м. Извлеченная из черного культурного слоя керамика датировала время возникновения деревни XII веком.

Сначала я хотел назвать данный памятник Пещаница-1, т.е. по местности. Но в археологии принято давать название поближайшему населенному пункту, чтобы была точная картографическая привязка. Таким пунктом оказалась деревня Нескучай. Но меня смущало ее своеобразное название. А связано оно было с помещичьими нравами прошлого века. В народе бытует следующая легенда. Местная помещица никак не могла поладить со своим строптивым крестьянином. В конце концов терпение ее лопнуло, и она выслала его с глаз долой в глушь, сказав: "Живи здесь один и не скучай!". Глагол с частицей -не превратился в существительное, имя собственное: Нескучай. Наверное, это единственный случай в русском языке подобного словаобразования ("О, великий, могучий, русский язык!"). Нескучай можно найти и на современных картах. Такссора двух людей нашла топонимическое завершение.

После некоторых колебаний, я все же назвал селище Нескучай-1. А когда вслух произнес это название, то понял, что перефразировал ехидные слова помещицы: "Не скучай один!".

Вельцо

Всего один двор был здесь в 1490-х годы. Затем период странного умолчания, и, наконец, упоминание в Переписной книге 1648 года с точной географической привязкой: "Село Вельцы на озере на Вельцы". В данной книге впервые встречено упоминание в Вельце деревянного храма Воскресения Христова. Писцовые книги более раннего времени, в том числе XV столетия, об этой культовой постройке ничего не сообщают.

Переписная книга 1669 года дает более общую привязку сельца: "Сельцо Вельцо над озером над Шлином". Книга 1710 года называет Вельцо то селом, то сельцом, то усадищем. Упоминает она и церковь во имя Воскресения Христова.

На плане 1783 года Вельцо указано на восточном берегу озера Вельцо, расположенного у восточного берега озера Шлино. В это время здесь находилось 10 дворов, где проживали 49 человек и стояли два деревянных храма. В 1864—1865 годах количество дворов достиг-

ло 14, а население убавилось до 41 человека. Перепись 1897 года отмечает 40 дворовых мест и 185 человек. Здесь в это время были часовня и каменная церковь, возведенная в 1855 году.

В настоящее время населенный пункт Вельцо слит с деревней Мартюшино. Название Вельцо сохранилось только за озерком. Но о старом селе еще напоминает белый столп разрушающегося храма, воздвигнутого над озером на вершине холма.

Здесь, как и в Жабнах, я сначала пытался найти следы древнего поселения на холме, рядом с каменной церковью, но также напрасно. Потом у подножья, в шурфе на огороде, удалось зацепить слои XVIII века. Они содержали дерево на удивление хорошей сохранности. Обнаружились же искомые фрагменты керамики совершенно в ином месте — на небольшой вскопанной грядке на территории школьного двора. В этом была своя закономерность: земля на месте бывшего поселения была черная, насыщенная органикой. Это было крохотное селение в один двор, основанное на самом берегу озера Вельцо. Размер селища 30x35 м. Люди стали жить здесь с XII столетия.

Мартюшино

Пять ее дворов, существовавших во время описи XV века, не дожили до конца следующего столетия, ознаменовавшегося сильным запустением Жабенской волости. Возродилась деревня в XVII веке. Поданным Переписных и Дозорных книг 1620, 1648, 1669, 1678 годов в Мартюшино устойчиво сохранялись четыре двора. В 1710 году было уже пять дворов, а в 1788 году — 11. Мартюшино в эпоху Екатерины II располагалось в стороне от современной деревни — к востоку, на ручье, впадающем в озеро Вельцо, южнее села Вельцо, неподалеку от существующего скотного двора. Это запечатлен план 1781 года. В то время в деревне проживали 47 крестьян. В 1864—1865 годах дворов стало 14, население — 63 человека. Перепись 1897 года зафиксировало в Мартюшине 27 дворов и 122 человека. Карта 1895 года указывает на два Мартюшина: Новое и Старое.

Я побывал на месте Старого Мартюшина. Следы домов просматриваются отчетливо, но шурфовка слоя здесь не принесла желанного результата. Выходит, в XVII веке деревня возродилась на совершенно ином месте. Где стояла древняя деревенька, которую посетили и описали представители великого московского князя Ивана III, остается не ясно.

Юркина Горка и Черньцово

В одной деревне было четыре, а в другой два двора. И хотя писцовые книги XVI века дают их привязку к озеру Вельцо, обнаружить

данные средневековые населенные пункты пока не удалось. Никто
ныне не помнит эти названия.

Копытово

"Биография" ее, пожалуй, самая короткая из всех мне известных "биографий" поселений Жабенской волости. В XV столетии здесь было четыре двора. Затем пустошь. Более ничего о Копытове не ведомо.

Знакомясь с картой, я обнаружил в 1,5 км от Жабен озеро Копытиха. Естественно, возникло предположение, что именно на его берегах и следует вести поиски старой деревни. Но попасть туда оказалось не так-то просто. Озеро располагалось в глухой местности, к нему вели узкие тропки в лесной чащобе. Разобраться в их хитросплетении мог только человек, хорошо знакомый с местностью. Нам посчастливилось встретиться с Дмитрием Владимировичем Федоровым, бывшим лесником, который любезно согласился отвести нас на озеро.

Вместе с Федоровым мы сошли с дороги, ведущей из деревни Жабны в Гачки, и углубились в лес. Вскоре вышли на хутор Курово, где прошли детские годы нашего проводника. Когда Дмитрий Владимирович указал на место, где стоял дом его родителей и где прошло его детство, то можно было лишь догадываться, что творилось в его душе при виде пепелища. Кругом стоял лес, уничтоживший какие-либо следы пребывания здесь человека.

Все это навевало грустные мысли о трагической судьбе нашего крестьянства. Хутор Курово ощущался мною уже как маленькая страница или строчка из книги по отечественной истории.

Слово "хутор" здесь, на Валдае, было в почете в послереволюционные 1920-е годы. Крестьянин, уверенный в себе, мог получить землю в лесах, на росчищах, старых полях, и начать обустраивать новую жизнь. Тогда думали, что ставят дома навеки, что эта земля перейдет сыновьям, внукам и будет вечно давать урожай. Сколько пота было пролито, сколько непосильного труда было вложено в эти подзолы, чтобы буквально за несколько лет преобразить лесную глубинку. Унавоженная гумусированная земля встречалась мне неоднократно в местах прежних хуторов. Все крупные и средние камушки были выбраны крестьянскими руками и сложены в кучи. Как же разительно отличаются современные колхозные поля, особенно близ деревни Поддубье, усеянные не просто камнями, а булыжниками. И, похоже, никто их убирать не намерен, хотя постоянно ломаются плуги.

Хутора располагались часто, на незначительном расстоянии друг от друга. Впервые после кризиса конца XVI столетия была практиче-

ски полностью восстановлена прежняя система расселения. И не просто восстановлена, а значительно расширена. Если оценивать данный процесс с исторических позиций (а это можно теперь сказать), то следует говорить о новой мощной волне славянской колонизации Северо-Запада России, сопоставимой по размаху лишь с эпохой XIV — середины XVI века, периода расцвета Руси.

Начавшееся хуторское движение четко обозначило новый этап в аграрном развитии страны. Оно закладывало основы для качественного скачка вперед. И он бы неминуемо последовал, если бы не поголовная насильтственная коллективизация. Процветающие хуторские хозяйства скандинавских стран, находящиеся в худших природных условиях по сравнению с Русской равниной, — прямой укор инициаторам первых пятилеток. Но историю не изменить, не переписать.

Мы гуськом движемся за нашим проводником в лесной чаще по узкой тропке. Впереди проводник, за ним я, замыкает шествие Игорь Воробьев, частый спутник моих археологических путешествий по Жабенской волости. Постоянно встречаются следы лосей, кабанов. Один раз даже видели отпечатки медведя. Но Дмитрий Владимирович уточнил, что следы старые, вчерашние, до ночного дождя.

Маленького роста, худенький, проводник идет легко, почти бесшумно. Игорь сзади топает, как слон, надавливая всем весом на стопу. Это его и подвело. У озера, когда тропинка подошла к воде, неожиданно рядом с Игорем раздался страшный шум, точно взрыв. Душа ушла в пятки, как принято говорить в таких случаях, и у меня. Хлопок, еще хлопок и... веер утиного выводка с заботливой мамашей высыпал из-под ног Игоря. Оказывается, все семейство тихо сидело в густой траве. Птицы не подали признаков жизни, когда мы с Дмитрием Владимировичем прошествовали мимо. Но утиные нервы явно сдали, услышав топот "чудовища".

Озеро Копытиха оказалось небольшим, с топкими берегами. Дмитрий Владимирович, еще раз окинув его взглядом, указал на единственное место, удобное для жилья, — восточный берег. Но на возвышенности ничего не оказалось, зато у ее подножья, на небольшой площадке, мы сразу зафиксировали слой. Шурф врезался в какую-то яму. Керамика оказалась типичной для селищ XII—XIV веков. Такие же черепки не составило труда собрать у берега в чистейшей воде.

Открыто еще одно поселение.

Каменец

Данная однодворная деревенька исчезла в XVI веке. Но след ее не затерялся полностью. Обыскная книга 1595 года отмечает, что имен-

но из этой деревни были "выставлены" дворы Глухова Гора, Горелушка, Курово. На родине Дмитрия Владимировича Федорова в Курове люди впервые обосновались триста лет назад. Дальнейших сведений о Каменце письменные источники не содержат. Зато на плане села Жабны 1861 года, который хранится в одном из Петербургских архивов, мы находим знакомые названия уроцищ: Глухова Гора, Горелушка, Курово и местность Каменник, явно бывший Каменец. Там и была деревня писцовой книги XV века. Но попробуй отыщи в этой глухомани остатки одного двора!

Некоторые выводы

Топографирование деревень позволило выявить примерные границы округи погоста Жабна. Выяснилось, что ее территория включает не только участки, расположенные в глубине водораздела, но и часть восточного побережья озера Шлино, верховые реки Шлины. Протяженность погостской округи с севера на юг составляет 15 км, с запада на восток — 7 км, общая площадь — около 105 квадратных км.

Из четырнадцати деревень нам удалось найти ровно половину (Бухалово, Бухалова Гора, Вельцо, Дорище, Копытово, Песчан, Пустки). Пять из них возникли в XII столетии, а одно (Бухалово) — в начале X века. Поселение на месте погоста Жабна также было основано в XII веке и, как выясняется, не случайно. Здесь на водоразделе семь столетий назад появилась целая сеть деревень. Погост Жабна среди них занимал центральное место. Погост не мыслился без округи, не мог располагаться в пустынной местности. Следовательно, поселение на месте погоста Жабна, которое нам удалось выявить, было погостом с момента основания, т.е. с XII века.

Но найденные памятники археологии свидетельствуют и о том, что освоение глухих водораздельных лесных участков началось довольно рано — в X столетии. Это была первая волна колонизации, слабая, стихийная. В XII веке водораздел осваивается весьма интенсивно. Здесь складывается целая система расселения, предопределившая возникновение во второй половине — конце того же столетия погоста Жабна. XII век можно считать второй колонизационной волной. Третья волна — это период XIV — середина XVI века. Бурное освоение лесных чащоб, массовое строительство деревень. Расцвет Руси. Конец XVI века (эпоха Ивана Грозного) — глубочайший кризис, чуть ли не полное запустение местности. Во второй половине XVII века наметилось возрождение экономики, но пустоши преобладают. С XVIII века началась четвертая повторная "тягучая" волна освоения водоразделов, длившаяся два века. Даже в период Генерального межевания Валдайского уезда Новгородской губернии 1781 года количество дворов на территории всей округи Жабенского пого-

ста было в два раза меньше, чем в 1495 году. И только в XIX столетии здесь, наконец, была восстановлена былая численность населения. Спустя три столетия!!! Такова цена, которую заплатил центр Русской земли за бездарное правление одного царя — Ивана Грозного.

1920-е годы можно теперь рассматривать как пятую волну внутренней колонизации. Она восстановила, казалось, исчезнувшую на всегда прежнюю систему расселения. И даже перекрыла ее по своему размаху. Но период хуторской истории края оказался недолгим. Он сменился регрессом — разгоном хуторян и колхозным строительством, итоги которого были налицо еще накануне Перестройки: обескровленная деревня, заросшие пашни, сверхнизкие урожай, угрожающая демографическая ситуация на селе.

Что последует далее? Неумолимая история, подведя итог прошедшему, перелистнула страницу. Новый лист — чистый...

Глава 4. Несколько слов о вятичах

Нет, речь не пойдет в этой главе о племени вятичей, живших в бассейне реки Оки. Мои Вятичи — это некая территориальная единица, существовавшая в границах Жабенской волости. Совпадение наименований здесь может быть случайно. Но многое может проясниться в дальнейшем после проведения глубоких исследований. В настоящий момент важно лишь констатировать, что данная территория вклинивается между Жаровским концом и погостом Жабна. И хотя читатель, вероятно, устал от однообразного перечня деревень, без решения вопроса об их местоположении нам не обойтись.

Вятичи — это значительное по территории образование, включающее 74 деревни. Анализ их названий показывает, что Вятичи располагались в основном на левобережье Шлины, на ее притоке Шлинке, на северном берегу озера Шлино. В то же время часть территории Вятичей заходила и на правый берег реки Шлины к западу от Жаровского конца. Именно здесь удалось локализовать деревни Заморино, Столбье, Курово, Исаево, Осинова.

Заморино

В 1490-х годах деревня включала 12 дворов. В 1572—1573 годах отмечено ее некоторое запустение. Писцовая книга 1583 года сообщает о помещичьей и крестьянской пашне. Особенно важно замечание о том, что деревня Заморино "на реке на Шлине", то есть ее земли выходили к реке. В 1595 году Заморино уже пустошь. Но в XVII веке деревня возводилась.

План 1788 года указывает местоположение Заморино на ручье "Мельнишном, правом притоке ручья Дубова. Ныне ручей, протекающий через деревню, называется Черным. В 1864—1865 годах в

Заморино 23 двора, на которых проживали 158 человек (78 мужчин, 80 женщин). В 1897 году дворов насчитывалось 50, жителей 231 человек (110 мужчин, 121 женщина). Накануне Первой мировой войны, 1914 году дворов стало 61, население возросло до 343 человек (156 мужчин, 187 женщин). Приведенные цифры, как и по другим деревням Жабенской волости, показывают рост народонаселения после отмены крепостного права. За 50 лет количество крестьян удвоилось.

В настоящее время Заморино — вымирающая деревня, где живут в основном старики. Селище удалось обнаружить на северо-восточной окраине Заморино, на левом берегу ручья Черного. Поселение занимало пространство 35x95 метров. Сейчас здесь находятся луг и огорода. Керамический материал из шурфов и сборов относится к XIV—XX векам.

Исаево

Около 1495 года это — однодворная деревенька, в конце XVI столетия — пустошь. Книги 1583 и 1595 годов указывают на то, что из этой пустоши выделилась деревня Осник: "В пустоши в Йсаеве была деревня Осник". На местоположение пустоши Осник указывает план 1788 года — оба берега реки Шлины в районе современных деревень Чудиново и Заречье. Здесь обнаружено два селища. Одно близ Чудиново площадью 80x130 метров с керамикой XIV—XVII веков, второе у Заречья — 60x120 метров конца XIV — начала XVII веков. Первое, видимо, и было Исаево.

Осиново

Деревня состояла из семи дворов. В 1583 году в ней было всего два двора. Далее сведения обрываются. На ее расположение указывает план 1788 года, где к востоку от Заморино помещены пустоши Царево и Осинова.

Столбье

Около 1495 года здесь было 9 дворов. К 1583 году это — пустошь. По планам Генерального межевания она находилась на правой стороне ручья Дубова. Ее следовало искать на притоке ручья — Сустрятике, который на дореволюционных картах обозначался под именем Столбин. Сейчас там и располагается пашня, известная в народе как Столбье. Она находится в 0.8 километра южнее Заморино справа от дороги на Жабны. Здесь выявлено селище 35x100 метров. Керамика из шурфов и с самой пашни продатированась XII—XV веками.

Курово

Деревня — двухдворная. Более о ней ничего не известно. Пустошь с таким названием в 1788 году находилась на речке Губаревке в 3—4 верстах западнее Жаров. В XX веке там же располагалась деревня Курово.

На плане 1788 года восточнее деревни Заморино находятся еще пустоши Борок, Подсев и Подсевец, Городище, Варыгина и деревня Городок. Первые три следует отнести также к Вятичам, поскольку пустошь Подсев, как принадлежащая Заморино, известна по книге 1595 года. Документы XVIII века прямо указывают на принадлежность земли пустоши Городище Заморино. На этой пустоши и была построена в конце 1770-х годов деревня Городок. Отнести к Заморино следует и пустошь Варыгину, на что указывает ее расположение напротив Осника.

Между Курово и Осиновой находилась пустошь Новинка, которая согласно книге 1595 года, входила в земли Заморино.

Приведенные материалы позволяют выделить к западу от Жаровского конца компактную территорию, которую условно назовем Заморинская часть Вятичей. С севера на юг она вытянулась на расстояние 6500 саженей, или более 13 километров, а с запада на восток — на 2700 саженей, или 5,5 километра. Площадь ее около 70 квадратных километров. Помимо селищ, здесь обнаружен жальник близ деревни Заморино. Раскопки выявили погребения XV века. Снова знакомая модель общинны наподобие Жаровского конца.

Какие-то древние кладбища существовали, со слов местных жителей, и у деревень Заречье, Новинки. Жальник эпохи писцовых книг выявлен и исследован нами у деревни Наволок на реке Шлине. Создается вполне определенная картина структуры территории Вятичей, состоящей из серии малых общин. Только все эти общинны почему-то не имели самостоятельного значения, как Жаровский конец, а объединялись в территорию Вятичи. Вятичи, включающие мелкие общинны, смотрятся сами как небольшая волость в составе Жабенского погоста. Рано или поздно, на причины этого деления выяснятся.

Глава 5. Великий крестьянский исход

Я уже писал о запустении деревень Жабенской волости в конце XVI столетия и назвал его причины. Оно меня потрясло. Через призму археологических материалов предстала вся грандиозность постигшей страну катастрофы, о которой хотелось бы сказать еще несколько слов.

Масштабы этого бедствия историки поняли столетие назад. Новгородские пятины последних двух десятилетий XVI века стали срав-

ниваться ими с пустыней. В.Ф.Загорский писал: "Писцовые книги Шелонской пятины за 1571 и 1576 годы походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят еще живые люди. Не только отдельные деревни и поместья, — целые погосты иногда стоят пусты". Б.Д.Греков отметил, что перепись 1583 года представляла собой "транную книгу".

Какие только оценки не давали исследователи данному периоду: "великая крестьянская поруха" (Н.Е.Носов), "общий и один из самых крупных переломов, когда-либо испытанных русским народным трудом" (В.О.Ключевский), "остановка поступательного движения исторического процесса" (Л.В.Черепнин), катастрофа (А.Л.Шапиро).

Некоторые историки не могли поверить в масштабы бедствия и предположили, что "пустота писцовых книг — совершенно условное понятие", запустение — искусственное. И.Д.Беляев писал, что во время составления книг помещики удаляли крестьян со своих земель, даже прятали их в лесах, потом возвращали на прежние поселения.

Проведенные археологические исследования позволяют поставить точку в споре о достоверности сведений книг конца XVI века.

Книги прямо указывают на наипервойшую причину запустения деревень Жабенской волости: "великого князя подати", "тягло", "худобу", "опричну". Специальные подсчеты показали, что налоги в течение правления Ивана Грозного возросли более чем в 10 раз. Книга 1572—1573 годов называет сроки запустения крестьянских хозяйств от "опричны" — от 7 до 4 лет. Часто фигурирует срок 7 лет. А это именно самое начало опричнины — 1565—1566 годы, время наиболее активного устранения противников Ивана IV. В чем конкретно проявляется фактор "опричны" для крестьянских хозяйств, писцовые книги не сообщают. Между тем, "опрична" поглощала регулярно одно хозяйство за другим. Это позволяет сделать вывод, что террор Ивана Грозного был направлен не только против бояр, дворян, — личных противников, но и против рядового населения, высказывавшего недовольство налогами, тяжелым бременем правления царя. Шло подавление недовольства, охватившего народ. Массовый террор против народа начался сразу, в 1565 году. Осуществлять опричнину в деревне мог мощный полицейский аппарат, указанный в Обыскной книге 1572—1573 годов. В его состав входили 10 сотских, двое пятидесятских, один сотский. Безусловно это были представители местной общины. Но сам аппарат в условиях всеобщего террора легко было переориентировать на поиски недовольных в крестьянской среде.

Историки и раньше писали, что в годы опричнины крестьянство страдало вместе с опальными дворянами, имения которых грабили во

время наездов опричных помещиков, но при этом подразумевался, основном лишь один 1570 год — год погрома Новгорода и Пскова.

"Государев поход" был ужасающим по своей жестокости. Кровью был залит весь Новгород. Точные сведения о количестве жертв установить нельзя. Цифры в источниках даются разные. Синодик опальных царя Ивана Грозного называет 1505 человек, Курбский пишет о гибели 15 тысяч людей, иностранцы Траубе и Крузе приводят цифру 27 тысяч, псковский летописец — 60 тысяч погибших. Новгородские летописи сообщают о 10 тысячах убиенных, погребенных в скудельнице у церкви Рождества Христова "на поле" в октябре 1570 года.

Во время этого погрома пострадали и дворяне Жабенской волости, например, Палицыны. В Синодике опальных царя Ивана Грозного среди казненных указаны новгородцы Неклюд, Никита, Ратман, Тимофей, Федор Палицыны. Те же имена находим и в Обыскной книге Деревской пятини 1572—1573 годов. Им принадлежали деревни Жаровского конца.

В результате перечисленных факторов началось массовое бегство крестьян из Новгородской земли. Оно приняло, как замечают некоторые исследователи, панический характер. А современник записал: "От сего мнози людие поидаша в нищем образе скитатися по чужим странам".

Воистину это был великий крестьянский исход. Историки наметили направления ухода крестьян: Русский Север, Поморье, и особо мощный отлив последовал в южном и юго-восточном направлениях, на новые громадные приобретения Москвы на Средней и Нижней Волге, где были тучные черноземы. Уходили люди также и из городов. Посадское население Русы и Новгорода в это время сократилось в 10—20 раз.

Катастрофическое запустение Новгородской земли не могло не запечатлеться в народной памяти. До сих пор среди жителей Фировского района, территориально приходящегося на древнюю Жабенскую волость, бытуют легенды о разорении деревень. Называют его "Литовским разорением". Народ объясняет опустошения нашествием иноземцев, указывая при этом на многочисленные "литовские могилы" — курганы 1-го тысячелетия нашей эры. Но что было разорять в пустой Жабенской волости, разоренной не иноземцами, а своим правителем?

Мне представляется, что эта легенда восходит к XVII веку, ко времени после польско-литовского нашествия, когда пустынное верховье Шлины осваивалось новым пришлым населением и происходила новая колонизация края. Новые поселенцы, видя пустынные места и зная о действиях поляков и литовцев в центре Московии, давали запустению свое объяснение. Оно и сохранилось до наших дней. Ны-

нешние фировчане — это не прямые потомки тех людей, кто искони жил на данных землях, а в основном потомки людей, пришлых сюда и заново осваивавших запустевшую Жабенскую землю с начала XVII века.

Кризис эпохи Ивана Грозного имел для Северо-Запада и Центра России губительные последствия. Он превратил цветущую землю в пустыню, нанес сильнейший удар по местным общинным традициям, имевшим мощные корни. Деревни стали пустошами. Кризис положил конец здесь и самой местной общине. Идеи последней переместились на юг на свободные от ока государева земли казаков да продолжали сохраняться на Севере. Община, которую историки застали в России в XIX в., была совершенно иной по характеру — государственной, крепостнической, лишь только внешне чем-то схожей со свободной крестьянской общиной средневековья.

Крепостничеству была открыта прямая дорога. Оно пустило свои корни прежде всего на пустынных, свободных от крестьянских общин территориях.

Экономическая катастрофа конца XVI века отбросила Россию на несколько десятилетий (или столетий?) назад. Белоглинные черепки от горшков, которые я держу в руке, — символ той эпохи. Иван IV поступил с Новгородской землей, как с прекрасным сосудом, швырнув его к своим ногам и разбив его на мелкие кусочки. Сколько труда русскому народу стоило, чтобы собрать этот сосуд! Потребовалось столетие, чтобы дым от крестьянских печей вновь взвился над селигерскими лесами. Однако больше половины деревень так и не возродилось.

На основании комплексного историко-археологического исследования нам удалось локализовать многие деревни Жаровского конца, Яковлевской волостки, округи погоста Жабна, заморинской части Вятичей, — четырех территориальных структур Жабенской волости. Наконец-то они вышли из исторического забвения. Селища локализованы, определено время их возникновения и исчезновения, прослежены основные этапы исторических судеб населенных пунктов. Одним из важнейших результатов явилось выявление практически повсеместно общин. Становится очевидно, что в XIV—XVI веках деревенские, владельческие, погостские общины играли заметную роль в жизни новгородского общества. Но этот вывод ставит перед исследователями целый ряд вопросов. Главнейший из них — происхождение общин XIV—XVI веков: какие у них истоки, восходят ли эти общины к более ранней поре или они возникли в эпоху позднего средневековья независимо от предшествовавшего этапа исторического развития?

Считать общину XIV—XVI столетий самобытным явлением этого периода у нас нет оснований. Еще во времена Киевской Руси существовала соседская территориальная община — верь, что прекрасно известно историкам. Да и обилие памятников второй половины 1-го тысячелетия нашей эры — XIII веков в бассейне реки Шлины прямо указывает на то, что система расселения эпохи писцовых книг возникла не на пустом месте. Ей предшествовала богатая история. Поэтому наша ближайшая задача — выявить истоки общинных традиций XIV—XVI столетий, спуститься с вершины исторического айзберга к его основанию, совершив погружение в толщу веков.

ЧАСТЬ II. ИСТОКИ

Глава 1. Загадки Варвариной Горы

Был ли город?

Неподалеку от деревни Городок Фировского района Тверской области на правом берегу реки Шлины возвышается небольшая гора, поросшая сосновым лесом. С северной стороны она круто обрывается к реке, а с южной отделяется от поля неглубокой ложбиной. Близ реки, у подножья, среди кустарников бьет ключ с холодной водой, насыщенной железистыми соединениями. Местные жители называют эту гору Варварина Гора, или ласково — Варварушка. Легенды утверждают, что гора насыпная, что когда-то на ней стояла церковь, а рядом на поле располагался город. Отсюда якобы и пошло название ближайшей деревни — Городок.

Легенды — легендами. В них, как правило, много вымысла, унаследованного от предков, стремившихся объяснить непонятные явления. Однако в основе преданий всегда лежит рациональное зерно. Надо только набраться терпения и шаг за шагом, проверяя и отметая всю нарочитую за столетия шелуху домыслов, добраться до правды. Тогда исчезнут многие загадки, а за ними пропутят реальные явления, события, связанные с историческим прошлым. Попытаемся разобраться с загадками Варвариной Горы.

Был ли город? Откуда взялось название деревни Городок? Заглянем в документы, хранящиеся в архивах. Из них следует, что деревня Городок возникла во второй половине XVIII века. Впервые ее название встречено на карте 1772 года, хранящейся в Петербурге в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Подзаголовок гласит: "Карта географическая, представляющая полуденную часть Новгородской губернии на свои провинции разделенную. Сочин. при Академии наук адъютантом Я. Ф. Шмите. 1772".

Даже беглого знакомства с картой достаточно, чтобы понять, насколько она схематична: сильно искажены направления рек, указаны лишь населенные пункты Жабны, Рождество, Скоково, Городок.

Следующее сообщение о деревне Городок содержит материалы межевания 1780 года. В одном из дел имеется чрезвычайно важная запись, проливающая свет на историю возникновения деревни. Оказывается, она была построена на месте пустоши с названием Городище, или Городок. Согласно одной записи, деревня Городок была возведена на землях помещиков Стоговых, сдавших эту пустошь крестьянам Дворцового ведомства "из оброка": "...дети Стоговы чрес сие объявляем, что состоящее за нами Валдайском уезде в Жабенском погосте пустошь Городок, на которой ныне построена из оброка отда-

ваемой нами помещиками дворцовыми крестьянам под тем же названием деревня Городок...". Однако в другом документе утверждается, что пустошь принадлежала главной дворцовой (царской) канцелярии. Именно канцелярия и поселила здесь крестьян: "...пустошь Городища владения главной дворцовой канцелярии, поселившей на той пустоши Городке крестьян". Скорее всего такое расхождение объясняется спором за эту пустошь между помещиками Стоговыми и дворцовой канцелярией. Каждая из сторон считала себя инициатором образования новой деревни. Как бы там ни было, для нас важно, что указанные документы устанавливают два исторических факта: первое — деревня основана около 1772 года, второе — ее название происходит от пустоши Городок-Городище. Что обозначают эти два термина?

В "Словаре русского языка XI—XVII веков" указано несколько значений для слова "городок". Первое из них — укрепление. В XVII веке в Сибири городками называли остроги, возведившиеся в большом количестве. Второе значение — временное укрепление, ограда. Оказывается городок можно было создать даже из... коней: "И застали нас на стану, учинили городок в конях и стали с ними дратца" (сообщение 1645 года). Третье значение — защитное сооружение. Тверской купец Афанасий Никитин, побывавший в Индии, назвал городком башенку на слонах, где в доспехах сидели 12 человек. Другое значение слова "городок" — укрепленное поселение. С одного из таких поселений начался Киев, основанный, согласно легенде, братьями Щеком и Хоривом: "И сотвориша городок в имябрата их старшего и нарекоша Киев".

Термин "городище" означает прежде всего укрепленное поселение, городок, остатки города, крепости.

Приведенная подборка значений слов "городок" и "городище" со всей очевидностью показывает, что эти термины применимы в основном к укрепленным поселениям, но не обязательно к городам. По соседству с Варвариной Горой не обнаружен посад. Жизнь протекала на верхней площадке городища размером 25x45 метров. Все это не позволяет считать данный памятник остатками города. Легенда возникла, явно опираясь на созвучие слов "городище", "городок" и "город".

Где находилось городище?

Городище Варварина Гора ввел в научный оборот тверской археолог А.Д.Максимов. Именно он впервые составил план и описание данного памятника, обследуя в 1983 году берега Шлины. Затем сведения о городище поступили в картотеку Свода памятников археологии Тверской области. Впрочем, в книге И.Романцева "О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии", изданной в Новгот-

роде в 1911 году, упомянуто городище близ деревни Городок. Но приводимые сведения фантастичны. Судите сами: "Городок. дер. Рождественской волости. В деревне в 1 версте от Шлины — городище, длина 500 сажень, ширина 150 сажень, четырехугольное, с севера, юга и востока окружено рвами, занято постройками". Получается, что на территории самой деревни существует гигантское по размерам укрепленное поселение со рвами и валами — 300x100 метров!

Откуда взялась такая информация у Романцева? Этот вопрос занимал меня давно. Наконец, в фондах Новгородского музея-заповедника удалось найти ответ на него. Дело в том, что составитель подборки археологических памятников писал книгу на основании опросных листов, рассылавшихся по волостям Новгородским статистическим комитетом. Опросные листы — это отпечатанные в типографии небольшого формата книжицы, где заданы вопросы о памятниках археологии. Держу в руках одну такую книжицу темно-серого цвета, имеющую подзаголовок: "Программа археологического обследования. О городищах и курганах района Рождественской волости Валдайского уезда Новгородской губернии. Новгород. 1909". Открываю первую страницу и сразу нахожу источник, используемый Романцевым.

Вопрос 1, как и все последующие, напечатан на левой половине страницы: "Имеются ли в границах волости окопные места, называемые народом городищами или городками; а если имеются, то где именно, т.е. у каких городов, сел, деревень, хуторов, рек, озер, в каком направлении и в каком расстоянии от них?" Справа на свободной половине чернилами дан ответ: "Рождественской волости селение Городок, с трех сторон окружен рвами — 10 саженей ширины, около реки Шлины".

Вопрос 2: "Как велика площадь, т.е. внутренняя часть, заключенная во рвах и валах сохранившегося городища или городка?" Ответ: "Около версты длиной и сажень 150 шириной, застроен в настоящее время постройками".

Вопрос 3: "Какая его форма?" Ответ: "Четырехугольная".

Вопрос 4: "Какова поверхность его площади?" Ответ: "Под дорогами и огородами".

Вопрос 5: "На каком месте оно помещается?" Ответ: "В 1 версте от реки Шлины. Место высокое".

Вопрос 6: "С каких сторон оно окружено валами, рвами и оврагами?" Ответ: "С севера, юга и востока".

Вопрос 7: "Какая длина и ширина насыпей валов и вскопанных рвов, если они сохранились?" Ответ: "Ширина рвов местами 10 саженей, местами много меньше".

Вопрос 8: "С какой стороны помещали вход или въезд в городище или городок, если его сохранились?" Ответ: "Как надо думать, к северу от реки Шлины".

Вопрос 9: "Если городище (городок) сохранилось не вполне или совсем разрушено, то названо ли когда и почему?" Ответ: "Следы остались: рвы и больше ничего".

Вопрос 10: "Какие предметы были находимы на городище, и если находки уцелели, то у кого находятся?" Ответ: "Сведений нет".

В конце опросного листа стояла подпись заполнявшего ответы — "земский начальник Земской управы А.Мельницкий". Так это же потомок владельцев деревень Яковлевской волости XVII века! Как тесен мир! Вот кто составитель фантастических сведений о городище у деревни Городок.

Но что это? В моих руках снова книжица с вопросами и ответами, и снова она посвящена городищу у Городка. Сведения в ней совсем иного рода, соответствующие Варвариной Горе. В ответе рождественского волостного старшины А.Орлова указывается, что это городище расположено около деревни Городок на берегу реки Шлины. Ширина его 10 саженей, длина тоже около 10 саженей. Форма — кругообразная. Поверхность ровная, поросшая кустарником. Со всех сторон сохранились валы. Ширина выкопанных с трех сторон рвов 2 аршина. Следов входа или въезда не сохранилось. В 1909 году городище было "сверху частично разрушено искателями кладов", которые находили "ножечки, кости". Сообщение о кладоискателях подтверждает, что речь идет именно о Варвариной Горе.

В 1985 году мне довелось записать рассказ жителя Городка Николаева Александра Николаевича 1906 года рождения. Он сообщил, что еще до первой мировой войны приезжал из Новгорода какой-то старик, платил людям деньги, те рыли на Варвариной горе землю. Он все брал в мешок: черепки, ножики, бляшки.

Удивительно, но сообщение рождественского старшины А.Орлова Романцев не включил в свою книгу. Так в литературу не вошли сведения о Варвариной Горе, а появилась версия о городе с валами и рвами. Ее создатель — Мельницкий. Его описание городка на Шлине полностью соответствует топографии самой деревни Городок, окруженной с трех сторон оврагами, которые были приняты за рвы.

Городище — памятник дьяковской культуры

Варварина Гора меня заинтересовала сразу. Это — единственное городище в пределах Заморинской части Вятичей и примыкающей к ней территории Жаровского конца. Я сразу предположил, что это древний центр. Стало ясно, что без его изучения невозможно будет понять историю данного микрорегиона.

С 1987 по 1990 годы на вершине Варвариной Горы тремя небольшими раскопами была вскрыта площадь 20x22 метра (440 квадратных метров). Городище оказалось сложным памятником. Его верхний слой датировался XII — началом XIV веков, нижний — IV—VI веками. Вторая четверть I-го тысячелетия нашей эры — это канун прихода на северо-запад Восточной Европы славян. Важно было знать, кто жил на Шлине именно в этот период. Варвариной Горе пришлось расстаться со своей тайной.

Оказалось, что городище — типичный памятник дьяковской археологической культуры на ее позднем этапе. Археологи относят поселения такого рода к позднедьяковскому времени. Подобные памятники рассредоточены на огромном пространстве от верховьев рек Мсты, Волги до рек Москвы и Оки. Здесь издревле проживали финно-угорские племена. Но западная территория отличалась тем, что население на позднем этапе развития культуры испытывало здесь влияние притока балтских племен (предков литовцев). Поэтому многие исследователи рассматривают памятники позднедьяковского времени на верхней Волге и верхней Оке как поселения, оставленные смешанными балто-финно-угорским населением.

На Валдае сохранилось с того времени много финских и балтских названий рек и озер. Так, название озера Селигер в переводе с финского означает "Плотично озеро" — от слова "плотица" (плотва). Не исключен и другой перевод — озеро плесов, "Плесово озеро". Озеро Серемо своим наименованием обязано балтским словам "река", "текущее". Есть и речка Серемуха, где поставил свою келью Нил Столбенский. Балтскими названиями являются и Шлина, Шлино — от слова "глинозем". А топоним Валдай, который в нашем сознании ассоциируется с исконной Новгородской землей, знаменитыми валдайскими колокольчиками, произведен от прибалтийско-финского слова "волость", "владение", "область", "округ".

Археологические раскопки на Варвариной Горе дали интереснейшие материалы о быте, хозяйстве, ремесле, материальной культуре эпохи раннего средневековья. Одной из самых важных находок явилось открытие следов бронзолитейного производства.

Медеплавильная печь

Уже с первых дней раскопок на Варвариной Горе стало ясно, что здесь в древности существовало какое-то производство. То здесь, то там в слое попадались шлаки. Одни из них были легкие, почти невесомые, другие тяжелые, словно куски железа. Железоделательный центр? Похоже. Но почему тогда нашелся кусок шлака бронзового цвета, весь глянцевый, словно стеклышко, сияющий на солнце? А вот еще один шлак. На его краю застыла капелька меди, маленькая, зеленого цвета. Такие капельки исследователи называют "королька-

ми". Они — прямое свидетельство медного литья. Выходит, на Барвариной Горе было медеплавильное производство.

9 августа 1988 года. Обычный, если не считать моросящего дождя, день. Мы уже выходили на материк, сняв верхние слои, когда пошли ямы. Надо сказать, что археолог любит материковые ямы, поскольку в них можно найти развалы горшков и прочие любопытные предметы.

Рабочий экспедиции Игорь Аборин разбирал одну из подобных ям. Натянутая между соснами полиэтиленовая пленка укрывала раскоп от дождя. Сумрак дня, пленка, слабо пропускающая свет, черный слой намокающей земли, — все это в целом создавало нерадостное настроение. Ножом Игорь расчистил развал горшка, кость. Внезапно он выхватил какой-то черный грязный предмет и, помахивая им в воздухе, позвал меня: "Лампа!". На его руке издали виднелся небольшой ковшик, похожий на светильник.

"Лампа Алладина?" — недовольно спросил я его. Зачем он вынул из слоя находку? Прекрасно знает, что ее надо оставлять на месте. Но Игорь был чрезмерно взволнован. Подойдя к нему, я ахнул, забыв, что собирался отругать: "Дорогой мой, да знаете ли Вы, что нашли?".

Все работающие побросали лопаты и сбежались поглазеть на вещицу. Это оказался не глиняный светильник, а льячка. У нее была ручка-носик со специальным желобком для слива горячего металла, плавившегося в специальном углублении — чашеобразной лоханочке. Керамика, извлеченная из ямы, датировалась серединой I-го тысячелетия нашей эры. К тому же времени следовало отнести и саму находку. Ей около 1500 лет. Льячка была из прокаленной глины, хрупкая. Я держал ее бережно в руках, словно подарок, переданный из рук в руки древним бронзолитещиком, жившим на Шлине 15 столетий назад.

Интерес к яме оправдал себя и на следующий день. Там нашли еще пять ручек от льячек и обломки их стенок. Целиком собрались еще две льячки. Теперь стало ясно, что за печь стояла неподалеку. Еще при зачистке слоя на глубине 20 сантиметров от поверхности земли в четырех метрах к северо-востоку от того места, где в материке позднее нашлась яма с льячками, было выявлено небольшое овальной формы $0,5 \times 0,8$ метра пятно прокаленного песка и глины. Такие пятна обычно связывают с основанием — подом печей. И действительно в третьем пласте вокруг этого пятна выявили много пережженных камней. Да и само пятно было окружено слоем углей. Стало ясно, что мы имеем дело с печкой.

По мере углубления раскопа пятно расширялось. Его размеры на уровне материка были значительно больше — $1 \times 1,2$ метра. Форма по-прежнему оставалась овальной. Глубина прокала в материковом

песке составляла свыше 50 сантиметров, что говорило о значительной температуре огня, бушевавшего в печи. Конечно, обычная печь не могла оставить такой мощный прокаленный слой. Она явно имела производственное назначение. После находок льячек стало ясно, какое.

К западу и югу от печи размещались небольшие ямы, глубиной 35—40 сантиметров. Скорее всего, это были рабочие места у печи. Здесь постоянно пребывал мастер-бронзолитейщик. Он загружал печь углем, следил за плавкой. Заглубления были весьма удобны: литейщику не надо было нагибаться. Печка располагалась как бы на пьедестале.

Ямы-заглубления у печи были связаны с первым этапом работы медеплавильного комплекса. Их перерезали более поздние ямы. Одна из них размером 1x1,5 метра и глубиной 60 сантиметров относились уже к другой печи. На ее дне покоялись уложенные на глиняном растворе в один ряд камни. Но никаких следов прокала под ними не проследилось. Недостроенная медеплавильная печь? Вполне возмож-но.

К данному комплексу относилась также небольшая яма с углем, располагавшаяся к юго-востоку в 4 метрах от печи. Ее размеры 1,6x2 и глубина 0,5 метра. Уголь мелкий древесный. Это, очевидно, хранилище угля.

Медеплавильная печь для севера Восточной Европы I-го тысячелетия нашей эры — довольно редкая находка. В Тверской области например, остатки подобной печи были выявлены А.Д.Максимовым на реке Мологе, на городище Орлов Городок. Но это опять-таки остатки. Целая вряд ли когда-либо будет найдена.

Археолог, как правило, имеет дело лишь в остатками жизнедеятельности человека. И не всегда по следам можно восстановить в полной мере историческую картину. Зеркало прошлого разбилось на множество мелких осколков, разлетевшихся в разные стороны. Попробуй собери его целиком! Поэтому для реконструкции исторической картины зачастую не достает деталей. Приходится прибегать к аналогиям. Но и эти свидетельства крайне немногочисленные.

Печи для плавки бронзы различались двух видов: с естественным дутьем и принудительным дутьем. Первые — самые древние. Они сооружались на вершинах гор, где были сильные ветра. Принудительное же дутье осуществлялось с помощью мехов. Через сопла нагнетали в печь воздух, поставляя кислород для поддержания высокой температуры. В печь загружался древесный уголь с перемолотой медной рудой. Расплавленный металл собирался на дне в специальной чаше. Там, где руд не было, плавили слитки бронзы, доставляемые по торговым путям.

На основании раскопок Варвариной Горы мы можем сказать немногое. Знаем, что была печь, сложенная из камней. Использовались при этом крупная галька, куски гранита, кремневые желваки. Все шло в дело. Известно также, что весьма высокой была и температура плавления. Поэтому многие камни, находимые при раскопках, крошатся, расслаиваются. Все они испытали разрушительное воздействие огня. Установлено также, что печь была обмазана изнутри глиной. Ее куски — пористые, покрытые блестящей глянцевой корочкой, — встречены среди камней. Такая поверхность могла образоваться только при очень высоких температурах внутри печи. Похоже, это куски внутренней обмазки печки. Напомню, что медь плавится при 1083 °С.

Украшения древних модниц

В ходе раскопок мы смогли познакомиться с продукцией местных бронзолитейщиков. На Варвариной Горе было найдено около 30 изделий из бронзы. В основном это украшения. Финские женщины любили носить всевозможные шумящие привески, которые по их представлениям своим дребезжанием, шумом отпугивали злых духов. Распространены были колокольчики. Форма разнообразная: полусферическая, конусовидная, четырехгранная пирамидка с шариками зерни по углам основания.

На нити или ремни надевались серии бляшек-пронизок. Пронизи были в виде пластинки, согнутой пополам, в виде трех выпуклых бляшек круглой формы, выстроенных в ряд. По краям их украшали рубчатые полоски. Среди украшений одежды можно назвать нашивные бляхи. Одна из них — квадратная с выпуклым округлым центром и точечным чеканным орнаментом по краям. Ее углы оказались сильно деформированными. Они обломились, в итоге бляшка получила крестообразную форму. Изготавливали такие круглые бляшки с отверстиями в центре. По краям их наносили насечки.

Местные модницы носили также и серьги из витой проволоки, к специальным ушкам привешивались трапециевидные пластины в форме утиных лапок. В состав головного убора входили пластины-обоймицы и спиральки, свитые в множество витков из проволоки разного сечения. Из бронзы отливали и бусы в виде массивных сдвоенных шариков.

Пояса украшались специальными привесками в виде конического стержня с небольшим шаровидным завершением на нижнем конце. Эти украшения также имели насечки. Мастера не терпели плоской гладкой поверхности. Стержни приклепывались к кожаному ремню.

Для подвесок и цепочек применялись специальные держатели, крепившиеся специальными заклепками к ремешкам. Найденный на Варвариной Горе обломок такого украшения имел форму переверну-

того вверх ногами якоря. На концах его разветвлений помещались стилизованные изображения головок животных. Скорее всего, это конь. Отчетливо видны морда, глаз, грива.

Совершенство форм женских украшений поразительно. Их вкусу можно позавидовать. Женщины следили за собой во все века. Вряд ли после такого заключения можно удивляться находке на городище бронзовой пинцетки — маникюрного инструмента, выполненного с большим изяществом.

Я внимательно рассматриваю эти украшения из бронзы и всякий раз подмечаю все новые и новые технологические приемы, использованные древними мастерами: напайка, чеканка. Становится очевидным довольно высокий уровень профессионализма мастеров. Впрочем, прослежен и брак. Однажды не удалось отлить пронизку. Явно не выдержала формочка. В итоге образовался слиточек бронзы, в контурах которого все же просматривались черты украшения.

Металл рассказывает

Внешне все бронзовые изделия, извлеченные из культурного слоя Варвариной Горы, мало чем отличаются друг от друга. Все они зеленого цвета от покрывающих их окислов меди. Но какой меди? Этот вопрос заинтересовал Л.В.Конькову, занимающуюся изучением средневековой технологии изготовления предметов из бронзы.

Аккуратно работая кусачками, Л.В.Конькова взяла от 23 предметов крохотные кусочки металла на пробу. В месте взятия анализа сразу засверкала яркая желтизна меди. Каждая пробы была уложена в отдельный пакетик, на котором сделана соответствующая надпись: название предмета, место находки. Затем этим пакетикам предстоял путь на Неву в лабораторию отделения Института археологии. Кусочки бронзы были обречены. В специальной аппаратуре им предстояло сгореть, чтобы раскрыть тайну своего состава. Спектральный анализ выполнил сотрудник лаборатории В.А.Галибин.

Бронзовые предметы, бывшие в обиходе в IV—VI веках у жителей Варвариной Горы, оказались разнородными по своему составу. В основном это даже не бронзовые вещи, поскольку под бронзой подразумевается сплав меди с оловом, свинцом или мышьяком и т.д. Если имеется добавка цинка, то это уже латунь. Так вот большинство предметов было сделано из латуни, включавшей не только цинк, но и олово, и свинец. Собственно бронзовой оказалась лишь одна якоревидная привеска, которая имела медную основу с добавлением 13 процентов олова и 0,4 процента свинца.

Но к латуни бывают простые и сложные. Из простой латуни (сплава меди с цинком) были выполнены две находки — наконечник ремня и небольшое колечко. Цинка в колечке было 8,2 процента, в наконечнике 32 процента. К сложным латуням, включавшим в качестве

добавок олово и цинк (оловянистые латуни) относились остальные украшения. Например, привеска-пирамидка состояла из меди, включавшей 5,7 процента цинка и 3,9 процента олова. Другая привеска содержала добавки цинка 6: процента и олова 9,8 процента. Среди латунных вещиц были и такие, которые содержали свинец от 1 до 6 процентов.

Примечательно, что ни один из сплавов не повторялся по своему составу. Отсюда можно было сделать вывод о том, что все предметы из коллекции с Варвариной Горы были изготовлены в разное время из разных плавок.

Обращает на себя внимание широкое применение латуни. Этому есть объяснение. Добавки к меди способствовали снижению температуры плавления, увеличивали прочность металла, усиливали его стойкость к коррозии. Улучшались также ковкость и пластичность. Несомненно, все это делало сплавы более удобными для технологической обработки: ковки, штамповки, литья.

Немаловажным был и другой момент. При содержании в меди цинка от 15 до 30 процентов латунь приобретала золотистый цвет. Такие латуни исследователи называют золотоподобными, они высоко ценились древними ювелирами, особенно на Востоке. Из золотоподобной латуни изготавливали те же предметы, что и из золота. Да и воспринималась она древними как особая разновидность золота. В одном трактате алхимика X века говорилось даже о способе "превращения меди в золото".

Приведенные сведения позволяют иначе взглянуть и на медные украшения с Варвариной Горы. Попты тысячи лет назад они, конечно, выглядели совершенно иначе. Не было на них зеленой пленки окислов. Все они имели яркий желтый цвет, как, впрочем, и современные медные побрякушки. Лишь два украшения — колечко и наконечник ремня — можно было ошибочно принять за золотые.

Сразу после находки тиглей, остатков печи встал вопрос о том, какое же сырье использовали литейщики на Шлине? На Северо-Западе нет источников медных руд. Вероятнее всего, сюда по рекам с Урала поступали готовые слитки-полуфабрикаты. Но откуда тогда шлаки с "корольками" меди?

Лаборатория Института археологии, к сожалению, не занимается изучением шлаков. Укоренилась точка зрения, что шлаки ничего не дают. Этому в немалой степени способствовала и старая, исчерпавшая свои возможности аппаратура. Зато в лаборатории Института стали и сплавов Г.В.Инденбаум удалось получить любопытные данные о наших шлаках и слиточках бронзы, также происходящих с Варвариной Горы. Их структурный анализ показал, что медь, используемая на Шлине, получалась из определенного вида руды. В

частности, могли использовать так называемую окисленную руду или медистые песчаники. В дальнейшем еще предстоит выяснить, где добывалась эта руда. В то же время стало очевидным, что на Варвариной Горе плавили не руду, а уже готовые полуфабрикаты (черновую медь). Эти плавки и дали соответствующие шлаки.

Не менее важным открытием на Варвариной Горе было выявление остатков горна для варки железа. Он стоял в 8 метрах к северо-востоку от медеплавильной печи. О железоделательном производстве здесь говорили скопления тяжелых ржавых шлаков, золы, угля, разбросанные в слое пережженные камни. От горна осталось лишь основание — под, который был выявлен на уровне материка. Размер его $0,6 \times 1,1$ метра при высоте 10 сантиметров. Песок был прокален на глубину всего 4—5 сантиметров. Горн находился под специальным навесом. От четырех столбов остались в материке ямки.

Обычный горн складывали из камней и обмазывали глиной. Внутрь его помещали шихту — чередующиеся слои древесного угля и болотной руды. Железо не плавили, а варили. В процессе горения угля выделялся угарный газ, который, соединяясь с дробленной рудой, способствует восстановлению железа. Тягучая масса его стекала вниз печи, смешиваясь с углем, шлаками. Так образовывалась крица. Крицы рубили на части, проковывали и изготавливали уже железные предметы. Целая крица была найдена в траншее у подножия Варвариной Горы.

Получить представление о некоторых чертах технологии варки железа позволили шлаки. Их изучение в Институте стали и сплавов привело к следующим выводам. Стал ясен довольно низкий уровень технологии изготовления железа в IV—VI веках. Меня еще раньше поражал вес шлаков, они были довольно тяжелые. Изумляло также и то, что в шлаках видны были крупные куски известняка, даже с ракушками. Теперь все нашло свое объяснение. С точки зрения современной технологии древние металлурги совершали просчеты. Знали, что надо применять известняк, но не догадывались его дробить. Пытаясь выправить положение, они увеличивали температуру. В итоге много железа уходило в шлаки. Собственно, это было даже не железо, а чугун, образовывавшийся в шлаках.

На Варвариной Горе работали кузнецы. Где? Пока неизвестно. Но об их деятельности говорит находка непрокованного ножа. Кузнецы изготавливали также серпы, ножи, кресала, наконечники стрел.

Ножи позднедьяковского времени легко отличить по их своеобразным формам. На спинках одних ножей имеется выступ — "горб". Археологи и называют их горбатыми — ножи с горбатой спинкой. Форма других ножей — серповидная.

Серп найден всего один. Форма его изогнутая, на конце имеется петелька. Это древнейшая форма серпа. На территории Восточной Европы они появились сначала в степях и лесостепях в эпоху медно-каменного века во II тысячелетии до нашей эры. Затем они бытовали у скифов, а в раннее средневековье их можно было встретить в лесной зоне у предков финнов.

Наконечники стрел выковывались из полосы железа. У них по два торчащих шипа. Отсюда и их название — двушипные.

Кресало — это огниво для высекания огня. По нему ударяли кремнем, высекали искры, воспламенявшие сухой трут. Позднедьяковские кресала больше похожи на ключ: один конец заканчивается петелькой, а другой — расширяющейся лопаточкой.

По инструментарию можно составить общее представление о хозяйственной деятельности обитателей Варвариной Горы в середине I-го тысячелетия нашей эры: земледелие и охота. Это подтверждают и намытые в слое зерна злаков — мягкой пшеницы и пленчатого ячменя (определение Н.А.Кирьяновой). Найдены в слое и каменные зернотерки. Из комплексов того же времени происходят кости и зубы крупного рогатого скота, лошади, — прямое указание на занятие животноводством.

Глиняные изделия

Изготовление посуды — еще одна отрасль занятий. Горшки лепили из глины с добавлением пережженного гранита. Обжиг их плохой, очевидно, на костре. От многовекового лежания в земле во влажном грунте фрагменты посуды легко крошатся, расслаиваются. Но при высыхании на воздухе вновь приобретают былую прочность.

Если погладить ладонью керамику, то почувствуешь шероховатость ее поверхности. Это выступают камушки-включения. Темно-коричневая, бугристая, с красноватыми камушками, торчащими из глины, она смотрится как произведение скульптора. По краю венчика довольно часто наносился разнообразный орнамент. Это могли быть мелкие зубчики, оставшиеся при защищивании глины пальцами, или отпечаток веревочки, намотанной на палочку. В последнем случае оставался ряд неровных канавок. Верхняя часть некоторых горшков украшалась неглубокими плоскими ямочками. Большая часть горшков вообще не имела орнамента.

Из глины лепились и так называемые грузики дьякова типа. Впервые они были найдены в начале века на подмосковном Дьяковом городище, отсюда и пошло их название. Верхняя часть грузиков имеет конусовидное окончание, нижняя завершается округлой уплощенной площадкой. Поверхность грузиков всегда насыщена точечным орнаментом в виде рядов из горизонтальных поясков и треугольников. Грузики имеют сквозное вертикальное отверстие, по нижнему

краю сделаны прорези. Археологи высказали множество разнообразных версий относительно назначения данных предметов. Одни предполагали, что это культовые изделия, чуть ли не вместилище души. Другие придерживаются более правдоподобной версии, считая, что это грузики от вертикальных ткацких станков. Если это так, то можно говорить о еще одной форме деятельности жителей Варвариной Горы.

Прочие находки

Поразительно, но грузики, как и прочие предметы материальной культуры, однотипны для огромного пространства от верхней Волги до Оки. Они — яркий показатель единой историко-культурной общности, проживавшей здесь в середине I тысячелетия нашей эры. Как могло сохраняться единство культуры на столь далеких расстояниях? Через леса? Мало вероятно. Связующим звеном могли быть только реки, на которых и располагаются все поселения дьяковской культуры. По рекам шел металл с Урала. Реки открывали дорогу во внешний мир. По ним же поступали в лесные края и золотостеклянные бусы, синие стеклянные бусы, тонкостенная чернолощеная керамика. Эти единичные предметы, как показатель дальних связей, найдены на берегах Шлины.

На верхней площадке городища Варварина Гора зафиксированы остатки пяти построек. Они дают представление о домостроительстве позднедьяковского населения. Самое поразительное в них — это размеры, непривычно малые для нашего восприятия, например, 1,8x2,6 и 2,0x2,4 метра. Другая их характерная черта — отсутствие печей. Печь заменял очаг из камней, размещавшийся ближе к центральной части сооружения. К сожалению, время беспощадно уничтожило какие-либо конструкции домов. Не приходится говорить о восстановлении их облика. Можно лишь констатировать, что это были деревянные постройки, на что указывают жалкие остатки обгоревших и истлевших перекладин (?), впечатавшихся в материк, да угли плашек.

Бронзолитейщики, металлурги, кузнецы, охотники, земледельцы, животноводы, ювелиры, — такую суммарную характеристику прибалтийско-финскому населению, проживавшему в IV—VI веках нашей эры на Варвариной Горе, следует дать после проведения археологических исследований.

В середине I-го тысячелетия нашей эры в этот лесной край пришли славянские племена. В истории Валдая наступил новый период, отчетливо прослеживаемый археологически по многочисленным курганам, селищам. Связан он с племенем, известным древнерусским летописцам под именем кривичи.

Глава 2. Кривичи на Шлине (VI—IX века)

Летопись о кривичах

Кривичи — один из полутора десятков восточнославянских союзов племен, обитавших во второй половине I-го тысячелетия нашей эры в центре и на северо-западе Восточной Европейской равнины. "Повесть временных лет" сообщает, что кривичи "сидели" "на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра, их же град есть Смоленск". Смоленск — кривичский город на Днепре. В бассейне Западной Двины таким же городом был Полоцк, стоявший на речке Полоте, притоке Двины. Согласно той же "Повести", первые "насельницы" (изначальное население) в Полоцке — кривичи. Третий кривический город, указанный летописью, — Изборск. Таким образом, по летописным данным прослеживаются три центра, соответствующие трем локальным группам кривичей. Впоследствии в этих областях образовались Смоленская, Полоцкая и Псковская земли. Последняя до начала XIV столетия входила в состав Новгородской феодальной республики. Поэтому Новгородская летопись называет кривичей "новгородскими людьми". Кстати, новгородцы произносили: "Кривицы". Вместо -чи они употребляли -ц. За цоканье их звали цоцкарями.

Для летописца время появления кривичей на исторической арене теряется во тьме. Он лишь отмечает, что еще во времена первых киевских князей Кия, Щека и Хорива кривичи имели "свою волость" и "своим родом владяше". Слово "волость" означало определенную территорию, территориальное владение, власть, господство, владычество. Тем самым летописец подчеркивал, что кривичи в далекую эпоху занимали конкретную территорию, над которой осуществлялась власть их племени. Племя делилось на роды. Один род осуществлял княжение.

Если учесть, что время правления легендарного Кия историки относят к V веку нашей эры, то кривичи возникли на исторической арене не позднее этой даты.

Земля кривичей — сплошные леса. В ее центре размещался огромный Оковский лес. Его расположение описано в "Повести временных лет": "Днепр бо потечет из Оковьского леса и потечет на полдень, а Двина из того же леса потечет, а идет на полуночь и впадет в море Варяжское (Балтийское — В.Б.). Из того же леса потечет Волга на восток". Три крупнейшие реки Восточной Европы берут начало в земле кривичей. Археолог Л.В.Алексеев установил, что этот лес простирался на север до озера Селигер, на востоке он охватывал среднее течение и верховье Вазузы, на юге включал озеро Каспля, на западе доходил до реки Ловать. Ядро леса — Валдайская возвышенность.

В лесах жили и другие славянские племена — радимичи, северяне, вятичи. Автор "Повести временных лет" отмечает, что все им прису-

щи "поганые", то есть языческие, обычаи, что они "живяху в лесе, якоже всякий зверь, едят все нечисто, и срамословие в них перед отцами и перед снохами, и браков не бывало в них, а игрища между селениями и сходятся на игрища, на плясание и на все бесовские песни, и тут умыкают себе жен, кто с кем договорится, имеют по две и по три жены; а если кто умрет, творят тризну над ним, после соторяют краду — костер великий, и возложив на костер мертвца, сжигают, а после, собрав кости, сложив в сосуд малый, ставят на столпе на путях".

Видимо, такие обычай сохранялись местами еще в XI веке, во времена первого летописания. Составитель "Повести" огорчается, что "эти же обычай творят и кривичи, и прочие поганые, не ведающие закона божия, но творяще сами себе закон".

Размеренная жизнь кривичей была прервана в IX веке приходом из Швеции завоевателей — норманнов (людей севера). Это были викинги — воины-мореплаватели, купцы, бродяги, от чьих пиратских набегов ранее содрогались города на побережье Ирландии, Франции, Италии, Испании, Северной Африки. Они грабили и торговали, сколачивая состояние за счет продажи рабов, ювелирных изделий, шелка, вина.

Викингов влекло на богатый мусульманский Восток. Туда они жаждали проложить пути морем. И такие дороги оказались в Восточное Европе. Они были созданы самой природой в виде полноводных рек. В IX веке викинги по Западной Двине, Волге, Неве, Волхову, Ловати вторглись на своих кораблях в землю кривичей, словен и финских племен, где располагалось перекрестье водных дорог, ведущих в сказочные арабские страны. Арабам нужны были меха и рабы. Все это и добыли викинги в славянских и финских землях.

Воины-купцы обложили северные племена данью. Особенно ценили они белый мех. Все взрослое мужское население ("мужи") обязано было выплачивать дань по "белой веверице" — шкурке мелкого пушного зверька (белки, ласки, горностая), водившегося в тайге. Отсюда же вывозились и пленники — живой товар. В 859 году три племени — словени, кривичи и чюдь, — находившиеся под игом завоевателей, восстали и изгнали непрошенных гостей "за море", "начали владеть сами собой" и "города ставить". Надо полагать, что массовое строительство "городов"-крепостей было вызвано стремлением противостоять новому вторжению варягов. Однако внутренние раздоры, когда встал род на род, град на град, вылились в междуусобную войну. "И быть межи ими рать велика и усобица", — отмечает летописец.

Мир был восстановлен после образования федерации трех племен во главе с приглашенным на княжение варяжским князем Рюриком,

который пришел с братьями Синеусом и Трувором. Так гласит легенда. Сам Рюрик обосновался сначала в Ладоге, а затем в Новгороде. Синеус осел в Белоозере, Трувор — в Изборске. Последний стал княжить в земле псковских кривичей.

После смерти братьев Рюрик "приял" всю власть над Новгородской землей. По его смерти воевода Олег совершил грандиозный поход на Днепр и основал там новое княжение для сына Рюрика Игоря. И вновь кривичи, словене и чюдь стали платить дань варяжским князьям. Только на этот раз в Киев. В X веке Новгородская земля покрылась сетью крепостей: Игорь "нача грады ставити и дани устави".

Из земли кривичей Игорь выбрал себе жену — Ольгу, уроженку Плескова (Пскова). Так кровь кривичей смешалась со скандинавской, дав ветвь князей скандинаво-славянских, по происхождению. Впрочем, некоторые историки полагают, что Ольга была норманкой.

При Игоре северные племена участвовали в походах на Византию. Из земли словен и кривичей киевский князь набирал себе воинов. В далеком Средиземноморье эти юноши под предводительством воеводы Олега постигали азбуку войны. Но летописец относился к этим походам за данью неодобрительно: "И много убийства створиша Грекам, и разбиша многы полаты и церкви". Для него военные экспедиции на юг оставались просто грабежом, походами за золотом и дорогими тканями, вином и экзотическими "овощами".

В 980 году воины из земли новгородских кривичей участвовали в походе князя Владимира на Полоцк, где в то время сидел скандинавский конунг* Рогвولد, отказавшийся выдать свою дочь замуж за киевского князя.

В 988 году, накануне крещения Руси, Владимир, стремясь предотвратить набеги печенегов, построил на юге серию крепостей. Для их сооружения он пригласил из северных племен "лучших мужей", то есть племенную знать, которая и стала нести службу на южных рубежах Руси. Кривичская аристократия влилась в класс бояр, находившихся на службе у великого киевского князя.

Сообщение о кривичах под 988 годом — одно из последних упоминаний в летописании. Последующие сложные социально-экономические, политические и этнические процессы привели к постепенному сглаживанию различий между отдельными племенами. Образовалась древнерусская народность. Ушло из народной памяти и само название кривичи. Последний раз определение "кривичский" было употреблено летописцем под 1162 годом по отношению к полоцким

---

* см. словарь терминов

князьям. Да и то это было как напоминание: полоцких кривичей в летописи именовали уже полочанами по их главному городу.

Перечисленные сведения о кривичах взяты из летописи. А что говорят о них памятники археологии на реке Шлине?

Поселения кривичей

На озере Глыби, на реке Шлине и у деревни Городок выявлено шесть кривических селищ. Ближайшее от Варвариной Горы находится всего в нескольких сотнях метров, около Медной Горы. Это селище Городок-1. Площадь его примерно 1,3 гектара. Его первые раскопки были осуществлены мною в 1988 году. Тогда был заложен небольшой шурф размером 4x5 метров. Он заставил меня вспомнить о бронзолитечиках с Варвариной Горы.

Тонко снят дерн, начались зачистка слоя и его просмотр. Вот и керамика — маленькие фрагменты стенок и венчиков лепных горшков. Поверхность их бугристая из-за включений дресвы — толченого гранита. Но как же эти черепки отличаются от посуды с городища! Орнамент отсутствует почти полностью. Другой изгиб стенок в профиле. Да и включений дресвы гораздо меньше, она мельче.

А вот и самая первая индивидуальная находка — зуб коровы или быка. Кривичи занимались животноводством. Затем последовал фрагмент каменного точила. Третья находка — кусок ошлакованной глины. Никак производство? Четвертая находка — фрагмент тигля! Неужели еще одна бронзолитейная мастерская, но только кривичей?! Выводы делать пока рано.

Проходит некоторое время, и следует находка, пятая по счету. Опять фрагмент тигля. Затем на свет появился еще кусок ошлакованной керамики и снова фрагмент тигля. Это уже закономерность. С мнением нет. Мы вышли на медеплавильное производство.

Опять идут томительные минуты, наконец, из слоя извлечены два железных шлака. А это уже показатель железоделательного производства. И вдруг — бронзовая колокольчатая привеска. Так это же украшение дославянское. Как оно оказалось здесь? Ему место на Варвариной Горе. Неужели это следы пребывания местного населения среди славян? Вот он, мостик, соединяющий культуру позднедьяковского времени IV—VI веков и культуру кривичей VI—X веков. Кривичская керамика рядом с балто-финскими украшениями! Это был день удачи — 15 сентября 1988 года. Закончился он тремя находками: шлаком, фрагментом тигля и ошлакованным куском горшка.

Следующий день оказался не менее урожайным. Он принес 42 находки. Это были шлаки, ошлакованная глина, один зуб коровы или быка и еще одна бронзовая пирамidalная привеска. Подобное украшение уже встречалось на Варвариной Горе. Наша привеска плохой сохранности, обломана. Рабочий Игорь Воробьев, постоянный участ-

ник моих экспедиций, воскликнул: "Смотрите, Эйфелева башня!". Он принял ее за игрушку. Обломок был действительно причудливой формы, но до Эйфелевой башни ему было столь же далеко, как Шли-не до Сены.

Наконец, 17 сентября был снят последний пласт и проведена зачистка материкового песка. Последние 35 находок лишь дополнили характеристику памятника, полученную ранее. Все те же фрагменты тиглей, шлаки, ошлакованной глины, Правда, были еще фрагменты глиняных пряслиц, использовавшихся для придания вращательного движения веретену. Был обломок железной дужки ведра, три зуба коровы или быка.

В самом углу раскопа проследилась яма-заглубление, скорее всего от жилища или мастерской бронзолитейщика. Сам комплекс остался где-то неподалеку. Мы вышли только на его окраину.

Бронзолитейное производство кривичей невольно сопоставлялось с бронзолитейным делом мастеров, живших до прихода славян на Варвариной Горе. Славяне не привнесли нового в формы украшений, а взяли прежние у финнов. Только тигли стали иными — коническими. Очевидно, изменился состав металла. Два найденных украшения имели серебристый цвет. Спектральный анализ показал, что в украшениях с кривичского селища значительный процент (16 и 18) приходится на олово, свинца было 1,1 и 5,5 процента. Иными словами, привески кривичей оказались отлиты из оловянной бронзы. Именно олово придало украшениям серебристый оттенок, но оно же "наградило" их и хрупкостью. Передо мной отчетливо проявились две традиции: одна — древняя местная финская, отдававшая предпочтение золотоподобным латуням, другая — славянская, кривичская, ориентированная на подражание серебру.

Дальнейшие раскопки селища у Медной Горы я откладывал на неопределенный срок. Но мощный весенний паводок 1990 года сильно подмыл памятник. Целые участки берега с культурным слоем осыпались в воду. Из воды были извлечены крупные фрагменты керамики, железный серп, нож, шильца. Селище надо было спасать. Вода пошла по жилому комплексу. В июле 1990 года был заложен небольшой раскоп 4x12 метров. Зачистка берега в этом месте отчетливо показала, что река размывает какие-то постройки.

Зачистка слоя сопровождалась просмотром его через сито. И сразу были найдены четыре шлака, каменное точило. А затем пошли... кремневые отщепы. Попался кусок обработанного кремня — нуклеус, служивший для скальвания с него пластин, из которых затем делали орудия. Еще один железный шлак и опять отщепы.

Стало ясно, что мы имеем дело со сложным памятником. Селище кривичей расположилось на месте поселений каменного века, унич-

тожив его слои, перемешав их. Так до самого материка кремешки и сопровождали наше исследование, напоминая ежечасно о II-м тысячелетии до нашей эры — рубеже новокаменного и меднокаменного веков.

В общей сложности было найдено 419 предметов из кремня. 281 экземпляр составили отщепы. Это "отходы", которые можно сравнить со стружкой, образующейся при обработке дерева. Но были и более интересные находки: сработанные нуклеусы, наконечники кремневых стрел, ножи, скребки, заготовки орудий, в частности долота. Пожалуй, самая важная находка — кремневый кинжал или наконечник копья, весь покрытый тонкой ретушью — мельчайшими сколами. Он был поднят со дна Шлины.

Найдки кремневых изделий на средневековом поселении — показатель того, что кривичские селища располагались на тех же местах, где и стоянки каменного века.

В ходе исследования поселения у Медной Горы был получен комплекс предметов материальной культуры, довольно отчетливо показывающих характер хозяйства кривичей. Обломки серпов — свидетельство земледельческой основы их жизни. Экземпляры зубов и костей крупного рогатого скота указали на разведение домашних животных. Найдка железного рыболовного крючка говорит о рыболовстве. Река тоже была кормилицей. Многочисленные фрагменты и целые прядица из глины имеют отношение к прядению.

На селище проживали металлурги. С железоделательным производством связано 180 шлаков. Их значительная часть концентрируется возле округлой ямы диаметром 80, глубиной 45 сантиметров. Яма была заполнена прослойками углей, золы. На дне ее находилось три ряда побывавших в огне камней. В полукруг ямы с северной стороны были вбиты колья. Они сгорели, оставив в материке четкие следы. Очевидно, мы имеем дело с остатками печи, имевшей деревянный каркас.

В раскопе снова проследились остатки бронзолитейного производства в виде фрагментов тиглей, обломка лячка. Найден фрагмент глиняной литейной формочки для изготовления бляшки. На формочке имеется литник — канал для заливки расплавленного металла.

Из железных предметов назову ножи, шилья, обломки каких-то инструментов, возможно, топора.

Украшения кривичских женщин представлены предметами из разного материала. Из глины изготовлены две скромные бусины. Еще одна бусина стеклянная, синего цвета. Спиралька и бляшка с циркульным орнаментом — детали головного венчика — выполнены из бронзы.

Раскоп на берегу Шлины пришелся на остатки жилища. Об этом говорит концентрация в данном месте находок бытовых предметов. Кроме того, зафиксированы два развала камней от печей-каменок. Печи, видимо, были небольшие. Швы между камнями промазывались глиной. Обмазка-печина найдена. На месте жилища на уровне материка осталось корытообразное заглубление 12х более 3,6 метра (северная часть размыта водой). Это заглубление заполнено черным слоем с углями, золой. Подпрямоугольная форма указывает, что здесь стоял сруб. Дерево, конечно, не сохранилось. Мы имеем дело с жалкими остатками сооружения.

Распределение находок, расположение печей указывает на то, что в доме могло быть две половины. Одна скорее всего жилая, здесь концентрируются украшения. Вторая — хозяйственная. Таким образом, и в домостроительстве мы вновь наблюдаем отличие кривичской культуры от предшествующей позднедьяковского времени: большие размеры домов, наличие печей-каменок, а не очагов.

Летописные сообщения о кривичах называют их поселения "селищами". Но археологически эти памятники выявляются с трудом. Всего несколько десятилетий назад, а это даже трудно представить, не было известно ни одного селища псковско-новгородских кривичей. Лишь в 1962 году сотрудник Государственного Эрмитажа А.М.Микляев нашел первый подобный памятник на Псковщине. В 1970-ые годы серию поселений в Новгородской области выявил ленинградский археолог Е.Н.Носов.

Селище у Медной Горы я, можно сказать, открыл случайно. Еще в 1983 году по берегам Шлины прошел отряд тверских археологов. Но они нашли только два поселения кривичей. Проходили они и у Медной Горы, но безрезультатно. Вслед за ними через несколько лет я прошел тем же маршрутом. Был и у Медной Горы. Прослойка черной земли в обнажении берега уже тогда мне казалась подозрительной. Однако как я ни пытался ее защищать, чтобы найти керамику, ничего выявить не удалось. Рядом было болото. На него и пришлось списать сильную гумусированность земли. Подумалось, что здесь могло быть ранее заболоченное пространство.

Открытие пришло само собой в 1988 году. Была закончена разведка. Ребят-рабочих я отпустил в Москву. Они торопились, уехали поездом. А я с водителем встал на последнюю ночевку под Городком. Было часов шесть вечера. Конец июня. Солнце в те дни особенно припекало. Жара стояла градусов под 30. Я лежал на береговом склоне у Медной Горы и блаженствовал, загорая на раскаленном песке. Казалось, не было напряженного месяца поисков, ранних подъемов и коротких ночевок. Все заботы сразу отступили. Я испы-

тывал наслаждение от ничегонеделания. Первые по-настоящему выходные часы.

Передо мной синело небо, отгороженное от песчаной осыпи зелено-й полоской травы с цветами, которые, казалось, парили в небе. А под дерном рас простерлась серо-черная полоса земли, резко контрастировавшая с желтизной песка. Я лежал и любовался цветами, качающимися под порывами ветерка, их парением в голубом просторе. Но черноватый слой как-то стал меня беспокоить. Я видел, что по своей консистенции это все же культурный слой, а не почва. Сомнений не могло быть. Но в то же время хорошо помнил и прежние неудачные попытки найти здесь поселение.

Искучавшись в Шлине и сбросив сонное оцепенение, я поднялся на береговую террасу. Первой попавшейся под руку палкой стал теребить черную землю. Она осыпалась, но по-прежнему была пустой. Я брал ее в руки, щупал, разминал. Сомнений не было. Слой. Но почему нет керамики? Я должен ее найти! Так прошло минут двадцать моего единоборства с гумусированным слоем. Он явно испытывал мое терпение и все же сдался. Прямо из обрыва в руки вывалился фрагмент глиняного пряслица. Вот так подарок! Не фрагмент горшка, а находка. Затем появились и мелкие обломки лепных горшков.

В начале восьмого вечера я взял лопату и на недоуменный вопрос водителя, куда это я собрался, ответил: "Шурф копать". К полуночи шурф был закончен. Он вознаградил мое упрямство россыпью керамики, не оставлявшей сомнений в том, что это археологический объект. Понял я и закономерность кривичских поселений. Керамика на них редкая. Надо набираться терпения и искать, искать ее, если видишь, что перед тобой гумусированная земля. Эта закономерность поиска здорово помогла мне в дальнейшем. В итоге на Шлине на пространстве от деревни Городок до озера Глыби удалось найти еще три раннесредневековых "села". Селища искать гораздо труднее, чем курганы. Этим и объясняется, почему поселения кривичей изучены довольно слабо.

Могилы кривичей

Курганы — более яркие археологические объекты. Все представление о культуре кривичей, начиная с середины прошлого века, строилось именно на раскопках данных погребальных сооружений.

В обыденном представлении курганы имеют круглую форму в основании и полусферическую в сечении. Однако археологи знают, что это далеко не так. Особенно разнообразными по форме насыпями отличались именно кривичи. На верхней Волге, Днепре, Двине этим племенем оставлены длинные, четырехугольные, квадратные насы-

пи, а также круглые и овальные. Зачастую у курганов имеется плоская вершина.

На озере Глыби мы раскопали один курган окружной формы. Размер его был небольшим — всего семь метров в поперечнике при высоте 40 сантиметров. С северо-западной и северо-восточной сторон прослеживались ровики — следы от выбранной для насыпи земли. Курган покрывал ковер мха.

Раскопки начинаются с традиционной разметки насыпи. В ее центр вбивается кол. Далее по компасу определяются стороны света, в соответствии с которыми намечаются контрольные бровки. Их сохраняют до конца раскопок: наблюдения за их профилями позволяют восстановить, а точнее прочитать, как сооружалась насыпь.

В четырех секторах вне бровок снят мох, сделана тонкая зачистка песчаной насыпи. Под мхом оказался слой мелких угольков. К древности он не мог иметь какого-либо отношения. Оставалось предположить, что это след лесного пожара. Это подтвердилось при обследовании территории курганного могильника. Угли находились под мхом и в межкурганном пространстве. Из расспросов местных жителей удалось узнать о сильном пожаре, полыхавшем здесь в 1920-е годы.

В каждом из секторов между бровками начинаем снимать песок, внимательно следя за малейшими изменениями его оттенков. Песок рыхлый, копается легко. В северо-западном секторе показался контур ямки овальной формы 25x35 сантиметров. Ямка заполнена темно-коричневым песком с горелым деревом, золой. Ее тщательно выбрали, зафиксировав профиль и взяв образцы на анализ. Костей нет.

На глубине 20 сантиметров неожиданно пошел более плотный слой песка. Курган сооружался в несколько приемов. Верхний слой с более рыхлым песком — соответственно более поздний. В плотном песке проследились еще три ямки окружной формы, в поперечнике 20, 30 и 70 сантиметров, глубина соответственно 8, 20 и 30 сантиметров. Все они были заполнены темно-коричневым, жирным на ощупь песком с угольками. Но никаких костей не было выявлено.

Под насыпью погребальных ям не оказалось.

Вокруг насыпи проходило четыре ровика. Они окружали основание кургана, который, судя по направлениям ровиков, оказался не круглым, а квадратным. Ровики были заполнены углем. В ряде случаев удалось проследить два слоя углей, то есть костер во рвах зажигали дважды.

Зачистив стенки бровок, сопоставив их с результатами исследования насыпи, удалось восстановить этапы сооружения данного погребального комплекса. Сначала выжгли огнем площадку, а затем выкопали четыре ровика, песок из которых пошел на возведение первой

насыпи. Во рвах развели ритуальные костры и совершили первые погребения в ямках. Покойника сжигали на стороне, а в ямку переносили все, что удавалось собрать.

Через некоторое время во рвах снова заполыхали костры. Произведена досыпка кургана, и совершено последнее погребение.

Отсутствие костей и находок не явилось для меня неожиданным. Для кривичских курганов это вполне характерное явление, хотя и остающееся до сих пор не объясненным.

Угольки из ямок были переданы в лабораторию Ленинградского отделения Института археологии на радиоуглеродное датирование. Дату кургана удалось получить лишь для одной ямки. Радиоуглеродный возраст оказался равен 1180 ± 60 .

Кривичи сжигали своих умерших, как и все восточнославянские племена второй половины I тысячелетия нашей эры. Погребальный обряд всегда связан с представлениями человека о загробном мире. Забота о душе умершего была одним из важнейших мотивов поведения средневекового человека. Загробную жизнь люди считали продолжением земной. Покойника отправляли в путь с вещами, которыми тот пользовался при жизни. Тело сжигали, а кости, остатки вещей — оплавленных, искореженных огнем, собирали с погребального костра и переносили для размещения в насыпь.

За более, чем столетний период изучения курганов кривичей исследователи накопили значительный материал для реконструкции погребального обряда этого племени. Существовало более десяти вариантов помещения останков в курганы. Иногда кости рассыпали в основании кургана в форме пятна, кучки. Помещали их также в ямки, выкопанные в земле под насыпью, и в саму насыпь.

Курганы насыпали из грунта, взятого вокруг погребального сооружения. В результате в основании курганов образовывались ровики. Часто в ровиках разводили ритуальные костры, во время горения которых совершали какие-то обряды.

При помещении костей в насыпь крайне редко использовали урны — глиняные горшки или сосуды из бересты. В этих обрядах какую-то роль играли животные и птицы. Помимо костей человека, в погребениях встречаются кости коня, собаки или волка, медведя, птиц.

Остатки вещей, положенных с покойным, самые разнообразные. Чаще это слиточки оплавленных предметов. Бусы были синего, реже зеленого, голубого, желтого цветов. Еще реже носили бусы из красного стекла. Женщин кремировали в наряде. Из украшений известны бронзовые спиральки, браслеты, перстни, проволочные височные кольца, разнообразные привески, бубенчики.

В курганах кривичей встречаются предметы, имеющие отношение к хозяйству: серпы, ножи, рыболовные крючки, кресала, точиль-

ные бруски, прядица, шилья. Известны также литейные формочки и лячки для бронзолитейного производства, атрибуты всадника — шпоры, из вооружения — копья. От снаряжения коня дошли удила.

Немногочисленный список вещей, собранных археологами из сотен курганов, указывает на то, что кривичи клали вещи с покойным крайне редко. Часто встречались совершенно пустые курганы, в том числе даже без четких свидетельств погребений.

Курганные древности позволили более точно определить и время появления кривичей на исторической арене. Это V — начало VI века нашей эры. Именно так датируются пряжки в форме буквы — В, распространенные в Западной Европе и проникшие затем на восток.

Кто такие кривичи?

Мы часто называем кривичей восточными славянами. Однако это были далеко не "чистые" славяне, а довольно сложное в этническом плане образование. Впрочем, никогда не было чистокровных племен и народов. Кривичи — яркий тому пример.

Как уже отмечалось, во второй четверти I тысячелетия нашей эры на Валдае проживали прибалтийско-финские племена. С ними и произошла встреча первых славянских пришельцев на рубеже V—VI веков. Как установили исследователи, славяне пришли на Северо-Запад с территории современного Польского Поморья. Преодолев огромные пространства, они осели на территории современных Псковской, Новгородской, Тверской, Вологодской областей. О конкретных путях их проникновения на восток пока говорить не приходится из-за нехватки источников.

Появление на Северо-Западе Восточной Европы нового, более многочисленного населения изменило ситуацию. Славяне вступили в контакт с местными племенами. В результате смешанных браков произошло смешение разных культур и традиций. Возникла новая культура, подобно новому сплаву. Она была названа археологами условно культурой длинных курганов по своеобразным погребальным памятникам.

Неоднородность этой новой культуры была уловлена археологами еще полтора столетия назад. Длинные насыпи они относили к славянам, круглые — литовцам и латышам (прибалтам). В последних работах появилась тенденция принимать прямоугольные насыпи за балтские, квадратные — за финские. Круглые и длинные считают бесспорно славянскими. Некоторые элементы обрядов прибалтийско-финского происхождения позволили В.В. Седову прийти к выводу, что кривичи — это смешанное славяно-балто-финское население.

Изучая горшки кривичской культуры, исследователи нашли аналогии некоторым из них среди исконно славянских древностей. Об-

ращено также внимание и на то, что латыши до сих пор называют всех русских термином, производным от названия кривичи.

Точки на "і" в давнем споре позволили поставить данные языко-знания. На основании изучения псковских говоров и текстов берестяных новгородских грамот был выявлен древненовгородский диалект. Ареал его совпал с территорией распространения культуры длинных курганов. В.В.Седов сделал справедливый вывод о славянской принадлежности и самой культуры, оставленной кривичами.

Наши раскопки у Медной Горы внесли свой небольшой вклад в данную проблематику. Полученные материалы указывают на преемственность кривичской культуры по отношению к культуре аборигенов с Варвариной Горы. Оказалось, кривичи, носили бронзовые украшения прибалтийско-финских типов: колокольчики, налобные венчики и т.д., хотя и отливали их из бронзы иного состава.

На городище Варварина Гора мы находили довольно много глиняных грузиков дьякова типа с орнаментом. Но обломок такого же грузика, только без узора, встречен и на кривичском селище у Медной Горы. Грузики использовали для ткачества, традиционного женского занятия. Значит, среди кривичей безусловно были и потомки женщин, живших на Шлине до прихода славян. Вполне возможно, что и бронзолитейное производство перешло к кривичам по женской линии. Как доказала Л.А.Голубева, у некоторых финских племен Восточной Европы, в частности веси, бронзолитейным делом занимались ... женщины. Археологи неоднократно находили в женских погребениях лялечки, литейные формочки. Это парадокс, но факт.

Пришедшие на Шлину славяне влились в местное население, соединились с ним, став его продолжением — в значительной степени и генетическим. Кривичи VI—Х веков оказались связанными родственными связями с позднедьяковским населением IV—VI веков, стали его прямым продолжением, но на новой славянской основе. Это был мирный процесс, что нашло отражение в самом названии кривичи.

Б.А.Рыбаков отметил, что кривичи сохранили в своем самоназвании имя литовского (балтского) верховного бога Криве-Кривейте. Это наблюдение для нас чрезвычайно важно. Сuffix -ич, -ichi, как отмечают лингвисты, указывает на происхождение от кого-либо. То есть кривичи — это потомки Кривы, литовского божества. Все это хорошо согласуется с традицией древних народов выводить свое происхождение от богов.

Организация общества

С точки зрения современного человека жизнь кривичей кажется довольно примитивной. Жили они в глухих лесах, имели древние обычаи, пахали, сеяли, охотились, занимались разведением домаш-

него скота, рыболовством, сами изготавливали железные орудия, бронзовые украшения, пряли, ткали и т.д. Создается впечатление изолированности жизни на каждом поселении, замкнутости этих малых мирков, затерянных в селигерской тайге. Однако, когда все памятники кривичей были нанесены на археологическую карту, все стало выглядеть совершенно иначе. Оказалось, что никакого хаоса в их топографии нет. Наоборот — налицо четкая структура распределения селищ, курганов, культовых памятников в рамках компактной территории. Все памятники на Шлине у деревни Городок и на озере Глыби образовывали скученность — "гнездо", по археологической терминологии. Размеры "гнезда" — 1,5x7,5 километра. В его составе — 6 селищ, 17 курганных могильников, 7 одиночных круглых и 3 одиночных длинных кургана, культовый камень. Другое аналогичное "гнездо" размещалось выше по течению у истока Шлины. Расстояние между ними 4,5 километра, на этом участке не найдено ни одного памятника. Количество курганов в нашем "гнезде" 149, а в верховье Шлины 121.

Селища, как правило, небольшие, площадью 0,2—0,6 гектара. Но в "гнезде" обязательно выделяется, причем резко, одно поселение. В нашем случае: его площадь 1,3 га, расположено у Медной Горы. Это центральное "село", где, как мы могли уже убедиться, находилось железоделательное и бронзолитейное производство — элемент ремесленной деятельности. Это же поселение древнейшее в "гнезде", родоначальное. С него, очевидно, шел процесс внутренней колонизации — освоения земель в "гнезде".

При каждом "селе" был свой могильник. В то же время целый ряд курганных кладбищ стоит далеко от воды. Все наши попытки найти возле них селища не увенчались успехом. Зато стало очевидно, что эти курганы расположены вдоль дорог. Современные лесные дороги оказываются и не современными вовсе, а насчитывающими тысячелетнюю историю. Еще в летописи отмечено, что кривичи хоронили своих умерших "на путях". В какой-то степени лесные дороги — тоже памятники истории. Дороги эти, идущие вдоль Шлины, выбирали наиболее удобные места для сокращения расстояния между поселениями, обходили болота, топи стороной.

В "гнезде" выделяется наиболее крупный могильник. У нас он расположен на озере Глыби в сосновом бору. В нем насчитывается 55 насыпей. Они располагаются двумя почти параллельными рядами. Эта двухрядность невольно ассоциируется с двумя группами поселений — одной у Городка, другой на озере Глыби. Все "гнездо" оказывается состоящим из двух структур.

Границы "гнезда" по реке размечены особыми насыпями, расположеннымми несколько изолированно от других курганов. Один длин-

ный курган местные жители называют "Богатырь". Длина его 41 метр. Легенда утверждает, что такой длины был похороненный в нем воин. Он мог запросто перешагнуть Шлину. На самом деле это типичный длинный курган. В нем должно быть несколько захоронений. Он крайний западный в "гнезде". О нем так и хочется сказать: "Богатырь на заставе". Одиночные курганы стоят в сосновом бору в междуречье Шлины и Граничной. Тоже своеобразная разметка территории, фиксация ее порубежья. Возникает гипотеза, что кривичи прахом своих предков освящали свою землю, разнося их останки по насыпям вдоль границ скоплений поселений. Выходит, и дороги тоже были священными, коль скоро вдоль них стоят курганы.

Наконец, в каждом "гнезде" на Шлине имеется культовый камень. В народе это место воспринимается как нечистое. На этом камне, лежащем на болоте в 1,5 километрах севернее реки, "разбойники табак молотили", а по другой версии вместо разбойников упоминаются черти. Размер камня примерно 5,3x3,3 метра, высота более метра. В его центре на внешней поверхности выдолбленна ямка, где после дождя скапливается вода. В других местах такая влага считалась святой, вылечивающей от разных болезней.

Камень на болоте был местом совершения языческих обрядов. Это капище, где общались с богами, молились им. В древних обществах такие обряды исполняли жрецы. На Руси их звали волхвами.

Таким образом, "гнездо" кривичских памятников на Шлине предстает как сложная социальная ячейка, где каждый участок территории имеет свое назначение. Выделяются жилые зоны ("села"), хозяйственные (примыкающие к поселениям пашни), дорожные, культовые (святилища, могильники). Окружающие леса, несомненно, были местом охоты и собирательства. Но что это за социальная ячейка?

Для ответа на данный вопрос придется привлечь материалы, накопленные историками, этнографами, археологами об обществах, где еще царили пережитки родового строя. Известно, что VI—IX века — догосударственный период развития общества у восточных славян, последние века уходящего первобытнообщинного строя, его венец и закат, эпоха "военной демократии". Но именно в этот период основной социально-экономической ячейкой общества была большая патриархальная семья. Ее еще называют домовой общиной. Она была многоколенной, объединяла три-четыре поколения прямых родственников: главу семьи с сыновьями и их семьями, с детьми и внуками.

Такая семья необязательно жила под одной крышей. Малые семьи, ее образующие, имели свои жилища. В то же время большая патриархальная семья в целом составляла обособленную производственную ячейку общества, вела свое хозяйство, распоряжалась совместно произведенным продуктом труда. Совместный труд, совме-

Как назывался род у славян ?

Вопрос может показаться странным, потому что мы со школьной скамьи знаем на него ответ: конечно, род ! Задавать такой вопрос, все равно что спрашивать: "Какого цвета белая лошадь ?". Но не будем тревожить школьный учебник, тем более что он цитирует летопись, где сказано, что славяне жили "родами".

Между тем, историки, проанализировав это слово из летописей, были удивлены множественностью его значений. Оно не обязательно указывало на степень родства, социальную ячейку.

Б.Д.Греков писал, что содержание летописного рода не может быть сведено к научному пониманию этого термина как первичной ячейки первобытнообщинного строя. Археолог И.И.Ляпушкин вынужден был констатировать: "Сам летописец едва ли представлял отчетливо, о какой организации идет речь. Более, чем трехсотлетний промежуток времени, отделявший его от описываемых событий, известных ему, очевидно, из преданий, не мог сохранить их отчетливой картины". В.В.Мавродин отмечал, что в понятие "род" летописец вкладывает очень расплывчатое содержание: одновременно и "княжеская династия", и "народ", и "племя", и "семья", и "родичи", и "род" в смысле этого слова.

Самое интересное, что Род у славян — верховное божество. Род правит всеми мирами: верхним, небесным, откуда идет дождь и летят молнии, средним миром природы и рождения и нижним с его огненной стихией. Все это убедительно показано в книге Б.А.Рыбакова "Язычество древних славян". Там же приведено одно чрезвычайно важное свидетельство историка К.Н.Бестужева-Рюмина: «Что касается Рода, то нечего искать в нем предка, а надо остановиться на свидетельстве рукописи XVI века, приводимой Н.В.Калачовым (комментарий к Евангелию. — В.Б.): "То ти не Род седя на воздухе мечет на землю груды и в том рождаются дети". Таким образом, — делает вывод историк, — Род не есть олицетворение рода (*gens*), а сам создатель».

Как видим, "Род" у славян имел самое прямое отношение к "практике" рождения детей: "... Род на воздухе мечет на землю груды и в том рождаются дети". Род не обозначал ячейки общества далекой поры. Но как называлась эта ячейка ? Куда исчезло ее славянское название ?

Вопросы закономерны, поскольку у других народов этот термин хорошо известен как восходящий к индоевропейской основе:

<i>genos</i>	—	греческое
<i>gens</i>	—	латинское
<i>kuni</i>	—	готское

Как назывался род у славян?

Вопрос может показаться странным, потому что мы со школьной скамьи знаем на него ответ: конечно, род! Задавать такой вопрос, все равно что спрашивать: "Какого цвета белая лошадь?". Но не будем тревожить школьный учебник, тем более что он цитирует летопись, где сказано, что славяне жили "родами".

Между тем, историки, проанализировав это слово из летописей, были удивлены множественностью его значений. Оно не обязательно указывало на степень родства, социальную ячейку.

Б.Д.Греков писал, что содержание летописного рода не может быть сведено к научному пониманию этого термина как первичной ячейки первобытнообщинного строя. Археолог И.И.Ляпушкин вынужден был констатировать: "Сам летописец едва ли представлял отчетливо, о какой организации идет речь. Более, чем трехсотлетний промежуток времени, отделявший его от описываемых событий, известных ему, очевидно, из преданий, не мог сохранить их отчетливой картины". В.В.Мавродин отмечал, что в понятие "род" летописец вкладывает очень расплывчатое содержание: одновременно и "княжеская династия", и "народ", и "племя", и "семья", и "родичи", и "род" в смысле этого слова.

Самое интересное, что Род у славян — верховное божество. Род правит всеми мирами: верхним, небесным, откуда идет дождь и летят молнии, средним миром природы и рождения и нижним с его огненной стихией. Все это убедительно показано в книге Б.А.Рыбакова "Язычество древних славян". Там же приведено одно чрезвычайно важное свидетельство историка К.Н.Бестужева-Рюмина: «Что касается Рода, то нечего искать в нем предка, а надо остановиться на свидетельстве рукописи XVI века, приводимой Н.В.Калачовым (комментарий к Евангелию. — В.Б.): "То ты не Род седя на воздухе мечет на землю груды и в том рождаются дети". Таким образом, — делает вывод историк, — Род не есть олицетворение рода (*gens*), а сам создатель».

Как видим, "Род" у славян имел самое прямое отношение к "практике" рождения детей: "... Род на воздухе мечет на землю груды и в том рождаются дети". Род не обозначал ячейки общества далекой торы. Но как называлась эта ячейка? Куда исчезло ее славянское название?

Вопросы закономерны, поскольку у других народов этот термин хорошо известен как восходящий к индоевропейской основе:

<i>genos</i>	—	греческое
<i>gens</i>	—	латинское
<i>kuni</i>	—	готское

<i>kyn</i>	—	древнескандинавское	g → k
<i>kin</i>	—	английское	
<i>kunne</i>	—	средне-верхненемецкое	

Славянское слово "род" в значение "gens" действительно никак не вписывается в эту индоевропейскую основу. По-видимому, прав О.Н.Трубачев, считающий старославянское "родъ" "чисто славянским новшеством".

Но тогда наше недоумение еще более возрастает, поскольку у многих европейских народов — скандинавов, англичан, немцев — с данным термином связано обозначение главы рода: короля, конунга:

<i>kuningaz</i>	—	прагерманское	от <i>kuni</i> — род
<i>kunnigs</i>	—	готское	
<i>kuning</i>	—	древненорвежское	
<i>kuning</i>	—	финское, эстонско	
<i>king</i>	—	английское	от <i>kin</i> — род

Только у славян, по заключению лингвистов, термин, обозначающий главу рода — "князь", оказывается не исконно славянским по происхождению, а восходящим к праславянскому "Къпезъ", которое в свою очередь было взято от прагерманского "kuningas" или готского "kunnigs", означавшего старейшину рода или племени — от слова "kuni" — род. Мы оказываемся в тупике, абсолютно непонятном: неужели славяне не имели вообще термина, обозначавшего патриархальный род?

Выход из противоречия, насколько мне представляется, имеется. Пока это гипотеза. Но никто ничего другого не предложил. Путь решения данного вопроса обозначил Б.А.Рыбаков, высказавший предположение, что древнерусское слово "князь" ведет свое происхождение от слова "конъ" — начало.

К данному слову следует приглядеться очень и очень внимательно. Историк Л.А.Фадеев сделал это первым.

Слово "кон" удивительное. С помощью корня -кон образуется целый семантический пучок слов, в том числе и "конецъ". Значение слова "конъ" — начало, предел, конец, очерченное место. По смыслу для средневекового человека это — какая-то важнейшая точка отсчета. Вспомним хотя бы выражения, бытовавшие в народе вплоть до XX столетия: "Вот откуда пошел кон земли нашей", "искони повелось", "спокон веку". В то же время слово "кон" — это конец чего-то, завершение явления. Знаменательная фраза "Кон его пришел", то есть

гибель, предел жизни. За всем этим стоит система представлений о мире. "Кон" — явление всеобъемлющее, от точки начала до заката.

В этимологическом словаре отмечено, что общеславянское слово "конь" имеет индоевропейский корень — -ken — заново возникать, начинаться. Так и хочется добавить — рождаться. Возникает предположение, что "кон" — это и есть восточнославянский род ("Вот откуда пошел кон земли нашей"), а не только суд, как полагает Л.А.Фадеев.

У слова "конь" имеются все необходимые данные, чтобы соотноситься с важнейшей социальной ячейкой у славян. Лингвистически это легко доказать. Кон имеет свои обычаи — "поконь", свое обычное право — "законь", договоры с другим коном — "докончание". Общественное сооружение коня — "контини", известное по польским материалам. Кон — и определенная территория, очерченное место (по одному из значений слова). Л.А.Фадеев удачно уловил связь корня -кон с понятием изначальности, вечности (слова "искони", "конова" — откуда, фраза "от конова" — от начала начал), с какими-то общими застольями ("контовать" — пировать, гулять), собранием людей ("конять" — кончать, порешать, сживать со свету; "коновиться" — метать жребий).

Окончательно убеждает меня в связи коня с родом исконное название части пашни в русской деревне: "кон". Деление пашни на коны знаменательно. Это — земля, обрабатываемая коном, потому так и называвшаяся в старину. "Конь" — пашня коня.

Если учесть, что основной ячейкой восточнославянского общества второй половины I тысячелетия нашей эры была патриархальная семья, то термин "конь" должен быть соотнесен именно с ней. Это и был тот род, о котором говорил летописец, рассказывая о жизни славянских племен, отдаленной от него расстоянием в несколько сотен лет.

Сакральность коня

Такую постановку вопроса позволяют сделать некоторые значения слова "конь", в частности, — начало и конец. Два понятия, казалось бы, несовместные, здесь стоят рядом. Но противоречия нет. Совмещение начала и конца, переход одного в другое есть формула вечности. Кон — вечен. "Вечность — атрибут Бога", — пишет А.Я.Гуревич, в книге, посвященной категориям средневековой культуры. Такое представление имеет глубинные корни в мировой культуре. Вспомним, что говорит Бог в "Апокалипсисе": "Я есмь Альфа и Омега, начало и конец".

Выходит, что кон-род имеет божественное начало. Одновременно сакральными оказываются и такие производные от коня понятия, как закон, покон (т.е. обычное право, обычай). А.Я.Гуревич замечает,

что обычное право не может быть несправедливым или дурным, оно — добро, благо по своей сути, поскольку источником права считался Бог. Объяснение получает и сакральность "коняня" — главы кона-рода.

Цикличность, бесконечность, связанные с коном, проявляются и в этимологии слова, восходящего к индоевропейскому "кеп", — заново возникать, начинаться. Кон имеет свойство самовозрождаться. Здесь мы подошли к важной черте мировоззрения древних.

"Круговорот душ" в роде

В ареале культуры длинных курганов археологи постоянно фиксируют так называемые камни-следовики, в которых видят объекты культа. Различают камни с зооморфными и антропоморфными рисунками, с "тарелочными" углублениями, камни-крестовики (с крестами), камни-чашечники (с выемками в виде чашечки) и т.д. Два крупных камня выявлены и на Шлине — по одному в каждом из "гнезд" памятников. Огромный валун красного гранита в поперечнике 5,3x3,3 метра и высотой более метра лежит в болоте к северу от озера Глыби. На нем имеются прочерченные линии, в центре — чашевидное углubление диаметром 4,5—5 сантиметров и глубиной 3,5 сантиметра.

Исследователи по-разному объясняют назначение чашечек. Считается, что они служили для "пищевых жертвоприношений", сбора дождевой воды в лечебных целях. Интерес представляет объяснение приношений камням, совершаемых в прошлом веке в Финляндии: жертвоприношения для умерших, подземных духов, духов-покровителей.

Связь камней с финским пластом древностей не вызывает сомнений. Расселившиеся на данных территориях славяне впитали многие элементы культуры и мировоззрения аборигенов. Поэтому не будет ошибкой привлечь материалы финской мифологии для объяснения назначения данных камней. Интерес в этом плане представляет мансиjsкий миф о путях проникновения в страну мертвых: "В царство подземного князя Куль можно попасть через маленькое отверстие. Там, где небо соединяется с землей, находится скала с дыркой, которая семь раз покрыта рыболовной и птицеловной сетью. Здесь сидят старик и старуха. Они караулят вход. Герой прилетает в виде птицы, попадает в железную сеть, крылья его ломаются, и он попадет в воду, превращаясь там в щуку. Только так, в образе рыбы, можно преодолеть препятствие и вступить в царство мертвых".

Таким образом, путь в страну мертвых лежит через скалу с маленькой дыркой-отверстием, где находится вода. Всем этим требованиям отвечает камень-чашечник с лункой, постоянно заполненной дождевой водой. Лунка — выход в страну мертвых, куда уходят души

людей после смерти. С царством мертвых соотносится образ птицы и рыбы, представленные на ряде камней.

Скала в финской мифологии располагалась на севере. Души мертвых летели в том направлении. На северо-западе Восточной Европы скала должна была ассоциироваться с крупными валунами.

Представления о горе как месте обитания душ умерших имеет широкие исторические параллели, прослеживаемые с эпохи неолита. Это — священная родовая гора, куда "уходят" умершие. Это — потусторонний мир, царство мертвых. Скала — вода — рыбы — птицы, — все это связано с царством мертвых. Потому камни-чашечники располагаются у воды, озера, на болоте, у ключей и т.д.

Культ мертвых переплетался с культом живых. Этнографы зафиксировали связь камней с культом плодородия. Гора — плодоносящая утроба. Данный образ сохранился у многих современных народов Азии, Африки, Америки, Европы. Гора — прародительница. И.Л.Кызласов по этому поводу пишет, что в представлении древних горы были производящими и воспроизводящими центрами древних коллективов. Души постоянно пребывали в священном родовом центре, выходя оттуда в виде новорожденных, оставаясь внутри конкретной общины. Гора являлась источником происхождения рода, центром, концентрирующим все биологические и экономические потенции, вместилищем душ предков.

Если с этих позиций посмотреть на камень-чашечник, то это не что иное, как гора, имеющая вход внутрь. Вход в пещеру матери-горы — одновременно и детородный орган. Сам камень — хранилище душ родового коллектива, на территории которого он находится. Происходил своеобразный "круговорот душ" в обществе, подмеченный И.Л.Кызласовым.

Реконструкция родоплеменной структуры

Историческая лингвистика позволила нам реконструировать название одной из самых важных социальных ячеек восточнославянского общества: кон — "род" летописных племен второй половины I-го тысячелетия нашей эры. Примечательно, что восточнославянский "конь" (с -о корневым) оказался соотносимым с финским "Kong" (род, семья) и балтским (прусским) "Konagis" (князь, старейшина). Та же научная дисциплина открывает перед нами возможность раскрыть содержание ряда слов, понятий, имеющих прямое отношение к кону, а также смоделировать социальные процессы в кривичском обществе указанного времени.

1. "Конь" — начало. Он в прямом смысле слова являл собой начало — начал всех последующих социальных, демографических, исторических изменений в данном микрорегионе. Несложно представить, как на реке Шлине в бассейне озера Глыби осела одна большая

патриархальная семья. Вот "откуда пошел кон земли нашей", "иско-
ни" — со времен кона.

2. "Конъ" — предел, граница, очерченное место. Этот патриар-
хальный род-кон закрепил за собой территорию, примыкающую к
поселению, в определенных пределах, границах — зону обитания
кона, необходимую и достаточную для его существования. Надо по-
лагать, что земля кона была значительной по своим размерам, так
как она должна была включать не только ближайшие поля, луга, но
и лесные, болотные угодья (места охоты, собирательства), течение
реки, берега озера (рыболовные угодья).

3. "Конъ" — участок пашни. Это — возделываемое поле патриар-
хальной семьей-коном как место приложения сил всего коллектива,
всех трудоспособных лиц, всего кона; отсюда — переход названия
социальной ячейки на пашню.

4. "Поконъ" — обычай. Жизнь патриархальной семьи регламен-
тировалась вековыми обычаями, установленными для кона — поко-
ном.

5. "Законъ" — обычное право. В прямом значении слова это —
обычное право кона. В рамках кона осуществлялось судебное разби-
рательство. Поэтому "конъ" — также суд.

6. "Конязь" — старейшина кона-рода, глава патриархальной се-
мьи, обладавший огромной властью над членами рода. Он — вырази-
тель всего кона-рода.

7. "Докончание" — договор. Приставка -до берет свое происхож-
дение от того же предлога, обозначавшего, в частности, объектные
отношения. Изначальный смысл "докончания" — договор одного ко-
на по отношению к другому кону, то есть между конами.

8. "Контина" — общественная постройка, добавим — кона.

Патриархальная семья (кон) как социально-биологический орга-
низм имел свойство воспроизводить себе подобных. Разрастаясь,
один кон давал новые коны — патриархальные семьи — с теми же
свойствами, словно он располагал определенным генетическим ко-
дом. В роли последнего был "поконъ", или регламентация вековых
обычаев и традиций, обусловленных определенной формой хозяйст-
ва, жизненным укладом.

Такое естественное разрастание-воспроизводство, сегментация
приводили на определенном этапе к образованию целой структуры
из родственных патриархальных семей, сохранявших связи с перво-
начальной большой семьей. Этнограф М.О.Косвен назвал эту особую
родственную группу больших семей, ведущих происхождение от од-
ного предка и носящих общее название, патронимией. Данному на-
учному термину вполне соответствуют четыре маленьких скопления

поселений и курганных могильников в верховье реки Шлины. Эти малые скопления мы назовем "кустами".

Однако термин "патронимия" научный, не знакомый древним племенам. Они бы его не поняли. У племен была своя логика словообразования. И если в природе существовала группа родственных конов, то для ее обозначения была бы создан особый термин, производный от слова "конъ", как и все прочие понятия, о которых речь шла выше. Мы знаем лишь одно такое слово — "конецъ". Оно восходит к слову "конъ": недаром во многих языках (см. праславянский лексический фонд) ударение в нем делалось на первом слоге — "конецъ".

Слово "конец" в значении сообщества людей, проживающих на определенной территории (община), сохранилось в сердце Новгородской земли — самом Новгороде. Конец — городской квартал. Как мы могли убедиться на материалах Жаровского конца Жабенской волости XIV—XV веков, понятие конец связывалось также с общиной в сельской местности, включавшей группу поселений и общий могильник. Можно предполагать, что слово "конец" к XIV—XV векам изменило свое содержание, сохранив некую оболочку — внешнюю форму. И эта "оболочка" может оказаться весьма прочной. Сопоставив границы Жаровского конца времени писцовых книг с зоной распространения памятников культуры длинных курганов, мы не без удивления обнаружим, что именно в его пределах и размещается крайний восточный "куст" поселений и могильников второй половины I-го тысячелетия нашей эры на озере Глыби. Отсюда можно сделать два вывода: 1) кончанская территория здесь оставалась неизменной с эпохи раннего средневековья; 2) термин конец соотносится не только с группой поселений и могильников XIV—XV веков, но и с "кустом" селищ, курганов VI—IX столетий (так называемой патронимией — группой конов).

Мы уже говорили о двухчастной структуре "гнезд" памятников на Шлине. "Куст" — только половина "гнезда". Следовательно, помимо подразделения кривичского общества на коны и концы имелась более крупная социальная ячейка, состоявшая из двух концов. Что она из себя представляла и как называлась?

Не следует забывать о том, что ветвистая система из конов в каждом "гнезде" в конечном итоге восходит к двум родоначальным древнейшим конам-родам. Два рода, каждый со своим князем, могли образовать только одну структуру — племя. Таким образом, два больших "гнезда" на Шлине (в верховье реки и на озере Глыби) надо трактовать как два кривичских малых племени.

Причины парности родов в племене давно объяснены через призму экзогамности рода, запрета браков внутри рода. В силу этого "покона" племя должно было включать по крайней мере два рода.

Образно говоря, племя состояло из двух "брачующихся родов", что обеспечивало ему выживаемость, самостоятельное существование. Дуальность двух племен на Шлине нашла отражения в планировке центральных, самых крупных могильников, состоящих из двух почти параллельных рядов насыпей.

Члены племени разных родов были связаны родственными отношениями через фратрии. "Фратрия" — научный термин, введенный Л. Морганом для обозначения понятия "братьство" у индейцев. Но дуально-фратриальная структура характерна не только для примитивного первобытного строя. Институт братства был у многих народов, находившихся на стадии догосударственного развития, в том числе, как выясняется, и у восточных славян.

Л. Морган использовал греческий термин — "фратрия". Но термин "брать" хорошо знаком нашим источникам. В эпоху средневековья он изменил свое содержание и стал обозначать члена общины: улицы, конца, города, села, погоста (об этом см. последнюю главу). К глубокой древности восходят "братьчины" — общественные пиры.

Древнейшее упоминание слова "брать" встречено в статье 1 Краткой Русской Правды, содержащей регламентацию обычного права кровной мести. Отмщение предоставляется прежде всего "братью": "Убить муж мужа, то мстить брату брата...". В средневековье это воспринималось уже в современном понятии родства. Показательно, что именно в данной статье Краткой редакции Правды среди мстителей по крови назван сын сестры. М. Б. Свердлов, обративший внимание на этот факт, подчеркнул "пережиточный характер данной правовой нормы, восходящей, вероятно, к родовому обществу, призывающему право на месть члена чужого семейно-родственного коллектива, что указывает на некогда существовавшее право мести всех кровных родственников".

Особо следует отметить, что такая месть была возможна именно в дуально-братьской (фратриальной) организации. Она и позволяла детям сестры, ушедшей по законам экзогамии в другой род, принимать участие в кровной мести. Иными словами, дуально-братьская структура признавалась кровно-родственной. Остается только напомнить, что сын сестры назывался племянником. Сам термин указывает на то, что кровная месть "братьев" действовала в рамках племени. Слово "племянник" подразумевало не только родственника, но и соплеменника. За убитого члена одного братства (фратрии) племени мог отомстить представитель другого братства (фратрии) того же племени, то есть любой "брать" — любой член племени. Таким образом, в делах кровной мести все племя выступало сплоченно единым коллективом. Все члены племени в такой структуре были "братьями".

Итак, коны-роды объединялись в концы, концы — в малое племя. Несколько малых племен образовывали большое племя. Дуальная структура обеспечивала двойное представительство князей у племен всех уровней. Впоследствии в средневековом Новгороде это нашло завершение в наличии двух должностей: князя и посадника.

Об истоках дуально-братской организации кривичей

Дуально-братская структура племени кривичей могла сложиться в условиях мирной колонизации славянами северо-запада Восточной Европы при активных контактах с местным прибалтийско-финским населением. Это был сложный процесс взаимодействия разных культур, традиций, социальных структур, а не односторонняя ассимиляция славянами аборигенов. Особенно следует подчеркнуть, что взаимодействовали не отдельные люди, а разные социальные структуры. Этногенез в своей первоначальной стадии превращался в этно-социогенез: в рамках дуально-братской (фратриальной) структуры создавалась новая социальная модель общества.

В свою очередь именно дуально-братская структура, при которой женщины уходили в другие роды, способствовала взаимопроникновению и синтезированию разноэтнических элементов, сплаву культур и рождению новой культуры на этой основе.

В процессе этногенеза немаловажную роль играет уровень развития двух объединяющихся компонентов. На примере средневековых Закавказья и Малой Азии отмечено, что, когда осуществлялся синтез двух форм, находившихся на разном уровне развития (А.П.Новосельцев), возникновение нового этноса приводило к архаизации форм социально-экономических связей. Именно в этом и надо, очевидно, искать истоки архаичности самой дуально-братской структуры у псковско-новгородских кривичей.

Экологический, социально-экономический и политический кризис конца IX—X веков

Примерно в конце IX столетия на Шлине культура длинных курганов прекращает свое существование. Как-то резко, почти внезапно здесь забрасываются поселения. Наступает запустение. Все это производит впечатление катастрофы. И она, по-видимому, имела место. Иначе трудно объяснить столь странную картину. Такое же явление археологи наблюдают и в других частях Новгородской земли, в частности, в Мстинско-Моложском междуречье, Полужье. Причины гибели культуры длинных курганов явно общие для огромной территории. Одна из причин подсказана самой топографией поселений.

Когда я вел раскопки одного из селищ, расположенного на берегу озера Глыби, то не переставал удивляться его размещению впритык к воде. Материк оказался по уровню с урезом воды. Это озадачивало,

поскольку со слов местных жителей было известно, какие мощные паводки весной и осенью происходят на Шлине. Вся ее долина превращается в гигантский водоем. Памятники археологии оказываются под водой. Разливы рек затопили бы все строения, стоявшие в VI—IX/X веках на этих поселениях.

Ответ неожиданно подсказал археолог А.М.Микляев. По роду своей специализации ему приходится заниматься раскопками стоянок каменного века. Все они "сидят" на берегах рек, озер довольно низко, у самой воды, даже подтоплены. Исследователи давно обратили внимание на данную особенность, указав, что климат в неолитическую эпоху был совсем иной, ниже был и уровень грунтовых вод. В поисках неолитических стоянок А.М.Микляеву пришлось обследовать дно одного из озер в Псковской области. Но вместо предметов неолита на глубине почти полутора метров он наткнулся на остатки металлургической мастерской. Это были скопления бревен и плах, груды обожженных камней и массивные куски шлака. Рядом, тоже в воде, лежали обломки сосудов эпохи длинных курганов.

Открытие было неожиданным. Но именно оно заставило признать справедливость выводов палеогеографов, утверждавших, что почти на всем протяжении I-го тысячелетия нашей эры уровень воды был значительно ниже современного. Люди второй половины I-го тысячелетия нашей эры могли использовать участки местности, ныне вовсе не пригодные для жилья и хозяйственной деятельности. Многие озера не существовали. На месте других озер располагались торфяники. Реки были уже и мельче. Поселениям, стоявшим на их берегах, не угрожали паводки.

Стоя по грудь в воде, держа в руках планшет с миллиметровкой, А.М.Микляев зафиксировал остатки домницы по показаниям ныряльщиков. Так в 1986 году на озере Сенница состоялись первые подводные раскопки кривичского памятника.

Теперь нет ничего удивительного, в том, что расположение неолитических стоянок и селищ культуры длинных курганов совпадает. Население выбирало наиболее удобные места у воды при определенном ее уровне.

Заметные изменения климата стали происходить во второй половине I-го тысячелетия нашей эры. По заключению ученых, в Европе после кратковременного похолодания V—VII веков наступил период потепления и постепенного увеличения влажности. На северо-западе Восточной Европы влажность начала возрастать с 670-ых годов. Она постепенно увеличивалась и в VIII веке. В Европе этот период был наиболее благоприятным для развития хозяйства в долинах рек, где имелись легкие почвы — на территории Польши, в Чехо-Словакских землях. Одновременно происходит расцвет культуры длинных кур-

ганов у нас на Северо-Западе. Отсюда следует, что в Восточной и Центральной Европе шли почти одинаковые процессы освоения речных и озерных долин. В X столетии также наблюдается затухание и исчезновение долинного типа расселения на низких береговых террасах, что некоторые исследователи объясняют исчерпанностью резерва свободных земель в долинах (Я.Г.Риер).

Но не был ли связан кризис долинного расселения, в том числе и культуры кривичей, с экологией — с повышением по сравнению с предшествующим временем увлажненностью, наблюдавшейся именно в IX столетии? При долинном земледелии и животноводстве достаточно было критического повышения уровня воды в водоемах, чтобы поставить на грань гибели все хозяйство, вызвать кризис всей экономики. Люди ушли из речных долин Центральной и Восточной Европы к X—XI векам.

Примечательно, что на Северо-Западе археологи неоднократно фиксировали случаи, когда селища конца I-го тысячелетия нашей эры оказывались перекрыты сверху балластом. Это отмечено А.Е.Леонтьевым на реке Мсте. В.Я.Конецкий обнаружил на Ловати поселение того же времени под мощным слоем илисто-супесчаных или аморфных супесчаных наносов, указывающих на мощные половодья, бывшие в древности. Следы подмытия песчаного берега прослежены мною и на Шлине, у деревни Новинка, на кривичском селище. У меня все больше и больше складывается впечатление, что именно сложившаяся неблагоприятная экологическая обстановка в IX столетии легла в основу ухода кривичей из долины реки Шлины и озера Глыби.

Экология в свою очередь сыграла роль спускового механизма, который вызвал лавину последствий самого разного характера. В частности, прогрессирующая влажность и связанный с ней неуклонный подъем вод в Восточной Европе создали условия для великого географического открытия — трансконтинентальной водной системы "из викингов в арабы". Для финских и славянских племен северо-запада Восточной Европы это обернулось "национальной" трагедией, в чем-то схожей с открытием Америки Колумбом (слово "национальной" взято в кавычки, так как наций в то время еще не было).

Викинги обложили местные племена данью. Отсюда потекло на Восток "мягкое золото", пошли суда с рабами и рабынями. Не исключаю, что одной из причин ухода населения с берегов крупных и средних рек типа Шлины могли послужить как раз набеги норманских купцов, выступавших одновременно и в роли воинов.

Экологический и экономический кризисы наложились на кризис политический. Вслед за удачным восстанием племен словен, кривичей, мери и чуди против завоевателей-варягов начались межплемен-

ные войны: "И въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град, и не беше в нихъ правды". Их последствия не могли не сказаться на демографической ситуации. Вероятно, междуусобицы наряду с предшествующими варяжскими набегами, обложением данью способствовали оттоку части населения с Северо-Запада. Возможно, что колонизация кривичами Волго-Клязьминского междуречья, начавшаяся именно во второй половине IX столетия, явилась своеобразной ответной реакцией на указанные действия, а не была вызвана только простой нехваткой земель, истощением почв, как полагают ряд археологов.

Таким образом, в IX столетии племена северо-запада Восточной Европы вошли в затяжную полосу кризисов. Завершился он образованием Новгородской федерации племен, легшей в основу Новгородского государства. Но это уже качественно новый период в истории древних земель. Само исчезновение культуры длинных курганов, связанной с родоплеменным строем, выглядит весьма символично. Оно свидетельствует о том, что эпоха первобытнообщинного строя на Шлине закончилась.

Глава 3. Вервь и вотчина на Шлине в X—XIII веках К топографии древнерусских сел

Вторая половина IX—XIII столетие — первые века новгородской государственности. Фиксируются ли эти изменения археологически?

Достаточно взглянуть на карту памятников данного периода, чтобы увидеть резкую смену системы расселения. Прежние два "гнезда" селищ и могильников культуры длинных курганов исчезли. Люди ушли из долины реки Шлины. Новые поселения обнаруживаются отныне в других местах: люди перебрались на реку Границнюю, поднялись по ручьям вверх, начали осваивать озера в глубине водораздела. Тем самым обозначился разрыв с традиционным местом обитания человека, выбранным еще в эпоху мезолита.

К X веку относится 7 селений. Но ни одно из них не совпадает с селищами кривичей. Заселяются совершенно новые участки. Четыре селища находим на реке Границной, одно — на ручье Дубове близ деревни Бухалово, одно на Шлине в Гадышах, одно — на озере Шлино. Все они занимают более высокие участки по отношению к урезу воды, подтверждая вывод о подъеме уровня вод в конце I-го тысячелетия нашей эры. Такая же картина прослеживается и в Центральной Европе, указывая тем самым на всеобщность этого явления.

Уход из подтопленных долин сопровождался сменой системы земледелия. С X века складывается паровое земледелие с культурой озимой ржи, что позволило преодолеть кризис в экономике.

Небольшие раскопки селищ этого времени на Границной дали керамический материал, отличный от предшествующего периода. Здесь выявлена лепная керамика рубежа IX—X веков и ранняя гончарная. Применение гончарного круга — показатель иного уровня развития общества.

В XI веке возникли еще три поселения. Наметилась тенденция возвращения на Шлину. Рост поселений говорит о поступательном движении общества вперед.

Археологические данные о соседской общине X—XIII веков

Изучение топографии древнерусских поселений этого времени дает основание говорить об общинном характере расселенческих структур на Шлине. В самом деле. Еще в первый год изучения Жаровского конца на реке Границной были выявлены четыре селища X—XIII веков. Располагались они скученно, три на левом, одно на правом берегу. Их размеры 0,6 гектара и 1 гектар, два поселения имели площадь около 0,2 гектара. От них до озера Глыби по прямой всего 2 километра. У озера находился и один-единственный для всей этой территории курганный могильник XII—XIII веков. Весь комплекс памятников имел все признаки "гнезда", или общин. Что же это была за община?

Из Русской Правды мы знаем название сельской общины — "вервь". Трактовка "гнезд" памятников как древнерусской верви в науке предложена В.В. Седовым на материалах Смоленской земли и встретила поддержку у многих археологов и некоторых историков. На наш взгляд, такое сопоставление верное.

Письменные источники о верви говорят скромно. Но их оказалось вполне достаточно для того, чтобы историки сумели дать этой общине общую характеристику. Установлено, что вервь — территориальная община, т.е. она занимала определенную территорию. Члены верви — свободные вооруженные мужи, жизнь которых охранялась правом кровной мести и штрафом — вирой. В пределах своих границ вервь платила штраф князю в случае нераскрытоого убийства на ее земле. Она выдавала князю преступника, которого была обязана найти. Мужской коллектив верви назывался "дружиной", а все население верви — "люди". От последнего слова происходило название сбора дани по вервям — "полюдье". Иными словами, вервь — окладная единица. Другое название членов верви, употребляемое в обращении друг к другу — "брат". Отсюда берет название важной формы общественной жизни верви — "братчина" (совместные пиры). В верви был свой суд, разбирательство, которое велось на основании норм Правды. Вервь имела самоуправление, своих выборных старост.

Приведенную характеристику древнерусской верви можно смело приложить в целом к социальной ячейке, выявленной на Границной.

Раскопки общинного могильника вносят несколько дополнительных штрихов в данную характеристику.

Общинный могильник XII века

Этот могильник по характеру насыпей резко отличается от погребальных сооружений культуры длинных курганов, стоявших рядом, буквально через дорогу. В XII веке курганы были меньше по размеру и высоте.

Для раскопок мы сначала выбрали едва приметную насыпь диаметром 5,4 и высотой 0,2 метра. Она была сложена из песка, под которым обозначилось четкое угольное пятно от костра размером 2x3,2 метра. Христианство — христианством, а культ огня все же сохранился в XII веке. Костище перерезала могильная яма, где покоилось погребение женщины. По определению антрополога Т.В. Томашевич, возраст погребенной — 60 лет.

Женщина была похоронена головой на запад, чтобы с новым приходом Христа для вершения Страшного суда видеть его появление. Руки ее были сложены на животе. В ногах слева стоял глиняный горшок, скорее всего с напутственной пищей. Он был украшен линейно-волнистым орнаментом. На дне сосуда имелось клеймо гончара: крест в круге. Крестьяне хоронили по христианскому обряду, но от пережитков язычества так и не смогли освободиться.

Женщина была украшена как "невеста Христова". На руках надето по одному бронзовому браслету из проволоки в полтора оборота с заходящими концами. Бронзовый проволочный перстень тоже в полтора оборота помещался на пальце правой руки. Пять височных колец из бронзовой проволоки крепились на прическе. Со стороны левого виска размещались три кольца, образуя вертикальный ряд. На правой стороне в прическу вплетались два кольца. Кольца были также в полтора оборота. Остатки волос у правого виска позволили понять принцип крепления височных колец к прическе. Они крепились как современная канцелярская скрепка, захватывая пучок волос, а затем дополнительно тонкий локон, обивая, закрепляя кольцо.

На груди у женщины было ожерелье из четырех рядов бус, в основном стеклянных, хотя имелось несколько бусин из пасты и камня. В состав ожерелья входил и голубой бисер. От длительного пребывания в земле стекло стало хрупким, тусклым. Дата погребения — первая половина XII века.

Погребение в соседнем кургане оказалось бедным. В ногах 55-летнего мужчины стоял горшок. Другой сосуд был брошен в яму, когда была уже присыпана гробовина.

Найденная на сельском кладбище достаточно богатого набора женских украшений указывала на особое положение погребенной в мес-

тном обществе. Не каждая крестьянка, а то и горожанка, могла позволить себе носить одновременно и бронзовые браслеты, и перстень, и височные кольца, стеклянные бусы, бисер, да еще в таком количестве. Горшок также выделялся по наличию клейма. Перед нами явно состоятельная женщина, а не жена простого смесида. Все это указывает на неоднородность состава вервных "братьев". Отчетливо проявилось выделение среди них зажиточной верхушки. Соседская территориальная община XII столетия оказалась вовсе не однообразной массой людей.

О соотношении терминов "вервь" и "конец"

Территориально вервь X—XIII веков на Граничной совпадает с одним из "кустов" "гнезда" памятников культуры длинных курганов на Шлине и с Жаровским концом XIV—XVI веков.

Наши материалы указывают тем самым на то, что термин "конец", возникший в эпоху родового строя и обозначавший разросшийся первоначальный род, сохранился в сельской местности до позднего средневековья, закрепившись за отдельной соседской территориальной общиной — вервью. Выходит, в X—XV веках слова "конец" и "вервь" являлись синонимами при обозначении социальной структуры.

Чтобы убедить вас в этом, приведу сопоставление значения данных слов, почерпнутые из словарей русских народных говоров, этимологических, древнерусских, праславянского лексического фонда.

Слово "вервь" имеет несколько значений: веревка, свитая в несколько прядей; нитки, дратва; нитка, на которую что-то нанизано, низка; леска; мерная веревка, измерительный шнур; крестьянская (территориальная единица) община.

Но и слово "конец" означает то же: веревка; дратва определенной длины; нить, нитка; леска; веревка определенной длины; административно-территориальная единица в древнем Новгороде — община. Правда, к этому следует добавить и другие значения: край, конец чего-либо; часть какой-то территории, преимущественно окраинной; окончание, завершение чего-либо; смерть; конечный итог, заключение; условная мера в торговле; начало; несколько деревень; часть, полоса поля; мера длины рыболовных сетей.

Поразительно, но даже здесь между указанными двумя словами прослеживается смысловая близость не только в плане обозначения социальных структур. Эти слова синонимичны в целом, у них имеется близкое сходство наборов значений.

Начало II-го тысячелетия нашей эры было связано не только со становлением верви. На рубеже XI—XII столетий в Новгородской земле, как на Руси возникла феодальная вотчина.

Боярская вотчина на Шлине

После длительного перерыва жизнь на городище Варварина Гора возобновилась. Это произошло в XI—XII веках. Характер индивидуальных находок, массового керамического материала указывает на то, что здесь в течение двух с половиной столетий стояли жилые и хозяйствственные постройки, образующие единый комплекс.

Один дом размером 4,6х5 метров располагался в северо-западной части городища. И хотя дерево в песчаном грунте не сохраняется, о толщине стен сруба можно судить по отпечатку бревна в материке. Его диаметр 35 сантиметров. Мощное сооружение, поставленное на века. В ходе расчистки появился развал камней и кусков глины со следами огня — то, что осталось от большой печки. В центре сооружения оказалась подпечная яма глубиной 60 сантиметров, заполненная углем, золой. Центральное расположение печи внутри сруба неоднократно отмечалось археологами при раскопках Новгорода. Как правило, оно указывает на производственный характер постройки. Находки подтверждают это предположение. Здесь найдены железные щипчики, предназначенные для захвата заготовок из железа или бронзы при их обработке. Кусок такой заготовки в виде бронзовой проволоки указывал, что мастер мог заниматься производством височных колец или браслетов. Кусок другой такой проволоки-заготовки валялся на удалении нескольких метров к востоку.

Здесь находилась мастерская ювелира. Из мусорной ямы рядом с домом извлекли обломок льячки. Край ее был ошлакован от действия сильного огня. Другой фрагмент льячки для плавки бронзы нашли у юго-восточного угла сруба. Металлом дорожили. Все отходы переплавлялись. Потому их столь мало и оказалось в слое городища.

Извлеченные из пределов постройки два шлака содержали капельки меди. Их анализ, проведенный Г.В.Инденбаум, позволил установить, что шлаки получены при высокой температуре, не менее 1400 градусов. Вот почему печка стояла посередине сруба! Исследовательница также установила, что шлаки явились продуктом плавки оксидной руды на медь. Такой вывод показался вначале парадоксальным, но затем заставил задуматься, а насколько глубоко мы знаем источники сырья новгородских бронзолитейщиков?

Собранные здесь же остатки костей указали, чем же питался мастер. Оказалось, что почти половину его мясного рациона составляла телятина, чуть меньше — лосятina и совсем немного — свинина и мясо мелкого рогатого скота.

Видимо, не прочь он был заняться и охотой на куницу. Да и рыбная ловля, судя по 11 находкам рыболовных грузил, не была в стороне от его интересов.

Бытовые предметы из дома мастера вполне рядовые: дужки от ведра, топор, ножи, шило, точильный бруск. О присутствии в доме хозяйки говорят украшения: зеленая стеклянная бусина, фрагмент стеклянного гладкого зеленовато-бирюзового браслета, обломок пластинчатого браслета с циркульным орнаментом, обломок (бильонового?) браслета, бронзовое колечко. Кто носил крестик с эмалью, сказать трудно.

Южнее дома-мастерской ювелира размещались какие-то две небольшие постройки с невыразительным набором предметов (шило, нож, оселок, грузило рыболовное, скоба, бронзовый крестик, фрагмент замка, обломок перстня, глиняное пряслице, обломок косы). Обе они сгорели.

Восточнее мастерской стояла изба-пятистенка размером 4x10 метров с двумя отапливаемыми помещениями. Набор находок здесь примерно такой же, как и в двух предыдущих малых срубах.

Вплотную к пятистенке с востока примыкал какой-то мощный жилой комплекс. Он дал немало предметов быта: три ножа, иглу, рыболовный крючок, ключ, механизм замка, дужку от ведра, скобку и 14 неясных обломков использованных железных предметов, три точильных камня. Найдено также восемь глиняных и одно шиферное пряслице, 20 рыболовных грузил. Из бронзовых украшений — бубенчик, перстень, браслет. Отсюда же происходит серебряный наконечник боевого ремня.

Бесспорно, это сооружение было важным в комплексе сооружений двора. Но центральной постройкой являлся дом шириной 6,7 метров, расположенный на восточной половине Варвариной Горы, возможно, двухэтажный, так как его северная стена опиралась на специальные фундаменты, врытые в землю, — стулья.

В его северо-западном углу стояла огромная печь размером 1,2x1,8 метра на деревянных столбах. Под печью была яма глубиной 1,3 метра, из которой были извлечены в большом количестве битые горшки, кости, а также предметы быта. Немало находок выявлено и в пятне сруба. Обращают на себя внимание предметы вооружения: наконечник копья, два наконечника стрел, два обломка стеклянных браслетов, каменный крестик, украшенный каплями желтой пасты, кусок ошлакованного стеклянного предмета, обломок бронзового щиткового перстня, бронзовая игла от фибулы для скрепления плаща.

Данный памятник резко отличается от рядовых сельских поселений-деревень как по составу инвентаря, включающего наборы городских женских украшений, горшки городских форм, предметы вооружения, так и по своему расположению на вершине холма на высоте

13 метров от воды. В комплекс строений входит также мастерская ювелира. Безусловно, это не деревня.

В нескольких десятках метров от городища выявлены небольшое селище и жальник на соседней от Варвариной Горы возвышенности. Весь комплекс в целом не оставляет сомнений в том, что мы имеем дело с боярской усадьбой. Для нее характерны именно подобные находки и состав комплекса: городище, примыкающее к нему "селище-спутник" (по терминологии археологов) и расположенный поблизости могильник.

Такие боярские вотчины полуукрепленного характера в Новгородской земле практически не изучались. Тем интереснее наш материал, который опровергает голословные высказывания отдельных историков, утверждающих, что боярские городки служили местом для временных остановок, а потому лишены культурного слоя (Вал.В.Мавродин).

Чрезвычайно важным обстоятельством для выяснения характера новгородской феодальной вотчины XII—XIII веков может послужить тот факт, что наша боярщина располагалась в лесной незаселенной местности, на самом берегу реки. Многочисленные (их несколько десятков) рыболовные грузила, отдельные зубы пушных зверей, небольшое количество костей лося могут указывать в первую очередь на промысловый характер вотчины на Шлине. Но при этом не вызывает сомнения, что постоянные обитатели Варвариной Горы занимались и земледелием, о чем говорит находка обломка наконечника сохи.

Боярщина располагалась в западной части территории бывшего "гнезда" культуры длинных курганов — одного из концов малого племени. И это наряду с историей Жаровского конца наводит на размышление о сохранении на Шлине границ прежних земельных массивов.

X—XIII века явились важным этапом в истории Жабенской земли. К этому времени на верхней Шлине произошло крушение родоплеменных структур, на смену которым пришла соседская территориальная община — вервь. В XII столетии в зоне освоенного водораздела возник сам погост Жабна. Тогда же на Шлине появилась и первая вотчина. Но данный период по своему характеру все же заметно отличается от XIV—XV столетий, когда господствующим типом поселения стала деревня, и масштабы освоения водоразделов приняли небывалый размах. Тогда же возник новый тип вотчины, рассмотренный нами на примере Яковлевской волостки. Но каковы истоки всех этих последующих преобразований?

Общество развивается поступательно вперед, хотя и не всегда. Если оценивать тенденцию расселения в Шлинском регионе, то не ясно, почему в XIV веке все стремятся на водораздел, когда места для

пашен и сел вполне достаточно вблизи старых селищ X—XIII веков. Не укладывается это в схему, предполагающую в качестве причины производственный фактор — исчерпанность земельных ресурсов в старых регионах. Земля здесь есть. И тем не менее первоначальные села забрасываются, а люди вновь идут в дебри. Так, в XIV веке на Граничной из четырех селений осталось одно. Запустело в начале XIV века и единственное поселение в Гадышах, окруженное ныне обширными полями, что указывает на эту территорию как на потенциальный земельный фонд и в древности. Его возродил Ивашко Сухой около 1495 года, переселивший сюда своих крестьян.

Какие интересы двигали смердами, обустраившими пашню в глухих лесах? Общество в целом было готово к подобному скачку, но почему он произошел именно на рубеже XIII—XIV столетий? Почему деревни округи погоста Жабна, возникшие на водоразделе еще в XII веке, вплоть до интересующего нас времени не испытывали подъема?

Глава 4. Становление деревенской общины на рубеже XIII—XIV веков

Что делать, если средневековое крестьянское хозяйство во многом зависело от капризов природы. Недаром новгородские летописцы постоянно фиксировали засушливые и холодные годы. Плохой урожай приводил к нестабильности жизни, обострял конфликты между низами и верхами. Когда на новгородском Торгу резко подскакивали цены на хлеб, это приводило к активизации лихих людей, увеличению грабежей, насилий. Всплеск ненависти, как правило, обрушивался на сытых бояр, начиналась полоса народных выступлений.

В первой половине XIII века Новгородской земле особенно не везло. Было несколько голодных лет. Сначала 1215—1216 годы, затем черная полоса 1228—1231 годов. Новгородский историк В.Ф.Андреев обратил внимание на то, что именно в это предмонгольское время наметился упадок экономики Новгорода. Его показатель, как ни странным это может показаться, на первый взгляд, — резкое снижение церковного строительства. Андреев справедливо заметил, что для нормального крестьянского хозяйства один неурожайный год был весьма тяжелым, но вполне преодолимым. Два неурожая подряд — это уже катастрофа. А что же говорить о неурожайных 1228—1231 годах?!

Новгородское летописание содержит душераздирающие строки с описанием бедствия, постигшего северные русские земли. Вот что можно прочитать под 1230 годом: "Изби мразъ (избил мороз. — В.Б.) на Воздвижение честного креста все обилье по волости нашей, и оттоле пакы уставися горе великое: и почахом хлеб купити по 8 кун, а кадь ржи по 20 гривен, а в дворех 25, а пшенице по 40 гривен, а пшена по 50 гривен, а овса по 13 гривне; и разидеся град наш и волость

наша, и полны быша чюжии граде и стране братъи нашей и сестръ, а останок почаша изъмирати. И кто не прослезится о сем, видяще мертвца лежаща по улицам, и младенца псы изъядаемы". А уже под следующим годом описание совсем страшное: "Простая чадь резаху люди живыя и ядяху, а иные мертвое трупие, обрезывающе, ядяху; а друзии конину и псину и кошьки... друзии же мох ядяху и ушь, сосну, кору липову и листь, илем, кто что како замыслив; а ини паки злеи человечи добрых людии почаша домы зажигати, где слышаше рожь и всякое обилье, и тако грабяще имenia их". Летописец своими глазами наблюдал жуткую картину на улицах Новгорода: "А видяще пред очима своим гнев божий: мертвци по улицам и по Торгу и по Великому мосту от пес изъядаемы, якоже бо не можаху погребати их".

В сложившейся обстановке вымирания населения, запустения сел князю пришлось принять чрезвычайные меры. В 1229 году он дал "свободу смердам" на 5 лет не платить дани — тем, кто ушел в чужую землю.

Летописец, пытаясь объяснить постигшие людей беды, видел во всем "наказанье божье". Ему было невдомек, что климат маленькой голубой планеты Земли, затерявшейся во Вселенной, тесно связан с глобальными космическими явлениями, объяснить которые не в состоянии и современная наука. Ученые лишь нащупывают подходы к этому. Но уже сейчас становится очевидным, что в начале XIII века на Земле наступил период похолодания. Этот процесс называют малой ледниковой эпохой. С 1200 по 1350-ые годы погода стала неустойчивой, наметились периоды похолодания, а с конца XV века установленось устойчивое похолодание. Изменился состав лесов центра Восточно-Европейской равнины: резко стали деградировать ельники, березняки и сосняки получили широкое распространение.

Похолодание сопровождалось обильными дождями. В результате заметно поднялся уровень воды в реках, подтопивших пашни, луга. Уровень рек Восточной Европы сказался и на уровне Каспийского моря. Специальные исследования, проведенные еще в начале 1960-ых годов гидробиологом В.А.Абросовым и географом и историком Л.Н.Гумилевым, показали, что в течение XIII-го и в начале XIV столетия вода в Каспии поднялась на 9 метров.

Куда было деваться русскому мужику? Чтобы не погибнуть от голода, приспособиться к "гневу божьему", ему нужно было что-то предпринять, прежде всего изменить систему хозяйствования. Именно на XIII столетие и приходится качественный скачок земледелия.

Прежде всего стало резко распространяться трехполье. Поэтому с XIII века археологи фиксируют появление отвального пахотного ору-

дия — сохи с полицей, позволяющей обрабатывать тяжелые почвы. Изменилось и соотношение высеваемых культур.

В Новгороде, где в толще городских напластований прекрасно сохраняется органика, найдено много зерен. В 1950-е годы А.В.Кирьянов, взявшийся за их изучение, обнаружил закономерность. Оказалось, что в слоях XIII века встречено в пять раз больше зерен ржи, чем в предшествующее время. По его подсчетам, рожь составила почти 80 процентов всего найденного зерна в слое XIII века. Это отражает возросшее значение ржи в земледелии Новгородской земли, ее широкое распространение и ведущее положение среди прочих культур. Как показали исследования на других памятниках, озимая рожь была широко распространена на всей территории лесной полосы Русской равнинны. Она высевалась по удобренным парам и давала при нормальных условиях произрастания гарантированные урожаи.

В XIII—XIV веках распространен был также ячмень. А вот пшеница была редкостью. В Новгороде ее зерна найдены только на боярских усадьбах. Так, возле каменного дома посадника Онцифора обнаружено скопление из 300 тысяч зерен пшеницы. В слоях Новгорода XIII—XIV веков почти не встречено зерен овса. Очень мало проса.

Система трехполья требовала больших площадей, а следовательно, и расчисток лесов под поля. Надо полагать, что именно в это время поля стали создавать в глубине водоразделов. Это явилось важнейшей предпосылкой к появлению здесь в большом количестве деревень. Расчистки лесов осуществлялись с помощью традиционной подсеки. Затем деревья сжигали. Название одной из деревень Жаровского конца происходит, очевидно, от такого сведения леса. Слово "жар", лежащее в основе наименования "Жары", означало жар, пламя, пожар, участок леса, выжженный под пашню.

Трехполье позволило создать запасы зерна, сделать крестьянское хозяйство более устойчивым к прихотям погоды. В свою очередь с переходом на более высокий уровень производства отпала необходимость сохранения прежней структуры верви. Вервь распалась. Хозяйственно самостоятельные семьи основали селения при своих пашнях, называемых "деревнями". Отсюда и наименования поселений нового типа — деревня. Термин "деревня" означал первоначально расчистку от леса, он связывается с глаголами "драть", "выдирать" целину. Бытовала фраза "пахать деревню".

Равномерное размещение деревень XIV—XV веков через 1—2 километра, словно в шашечном порядке, навевает мысль о разделе земли конца=верви между семьями. Эта догадка, мелькнувшая у меня при изучении расположения деревень, неожиданно получила подтверждение в работах историка Ю.Г.Алексеева. Исследуя новгородские и псковские актовые документы, он пришел к выводу о появлении

лении на рубеже XIII—XIV веков аллода — свободно отчуждаемой из общины частной собственности. До XIV века собственность на землю существовала, но в рамках верви. Землю можно было продать, купить, но в рамках общины. Из общины она не уходила. Теперь ее можно было продать кому угодно. Началось движение земельной собственности. Это было важнейшее открытие историка, которое тем не менее, не вызвало резонанса в науке.

В свое время, штудируя классический труд В.Л.Янина "Актовые печати Древней Руси", я испытал увлечение древнерусскими актовыми печатями. Запомнилось, что именно на рубеже XIII—XIV веков появляется особый тип печатей, которые В.Л.Янин назвал анонимными буллами наместников новгородского владыки. На одной стороне такой печати имеется изображение Богоматери, а на другой — креста. Данные печати отмечены при актах поземельных сделок! Вот и доказательство правоты Ю.Г.Алексеева.

Покупка и продажа земли получила широкое распространение именно в конце XIII века. Тогда же все эти сделки стали оформляться грамотами особой печатью. Принадлежность последней к церковным институтам свидетельствовала о том, что движение земельной собственности было в ведомстве новгородской церкви во главе с владыкой. Так не потому ли в обязательном порядке на погостах волостей XV века имеются церкви? Не при них ли имели место сделки о земле?

Скорее всего, было именно так, поэтому-то и печать была анонимная. Церковники при погостских храмах могли исполнять роль наместников владыки. По сути дела они были чиновниками от церкви. Только находки данных печатей при раскопках новгородских селищ и погостов XIV—XV веков (а они не раскапывались) могут проверить данную гипотезу.

Движение земли предполагает и движение денежных средств. Совершенно не случайной поэтому представляется денежная реформа, которая была проведена в Новгороде именно в конце XIII столетия. Она прослежена историками по берестяным грамотам. Где-то между 1281 и 1299 годами и появился впервые рубль.

Берестяные грамоты прореагировали и на движение земельной собственности. О купле, продаже сел и покосов сообщают послания на бересте XIV—XV веков. Ранее, при сохранении верви, такой активный натиск на общину был невозможен.

Следствием выхода продажи земли из-под контроля общины явилось появление в XIV веке крестьян без земли, переходивших в поисках средств существования от одного землевладельца к другому и заключавших при этом договоры.

Появление отчуждаемой собственности на землю явилось мощным стимулом для расширения экономической деятельности новго-

родских смердов, проявления ими инициативы. В итоге XIV столетие отмечено подъемом экономики Новгорода. Это расцвет его культуры. XIV век — бурное освоение водораздельных участков, становление новых деревень, рост народонаселения. Поскольку подобные процессы наблюдаются в тот же период во всей нечерноземной полосе России, то отсюда можно сделать вывод, что аллод возник не только в Новгородской земле. Эта крупнейшая для русской земли реформа привела к общему взлету экономики Северо-Запада и Северо-Востока и в итоге обеспечила сначала победу на Куликовом поле, а затем и окончательное свержение татаро-монгольского ига.

Глава 5. Общины волости Жабна и общины Новгорода

Проведенное исследование Жабенской волости утвердило меня в мысли о существовании иерархии общинных структур Новгородской земли в XIV—XV века. Соседской территориальной общиной первого порядка была деревня (по московской терминологии). Несколько деревенских общин образовывали территориальную общину второго порядка. Наиболее распространенным названием ее была вервь. Но сохранялись также и другие наименования. Одно из них — "конец", для XV века крайне редкий, можно сказать, реликтовый. Синонимом "конца" и "верви" была "перевара". Грамота Казимира 1471 года, упоминающая погост Жабна, не сообщает о концах в Жабне, а говорит о "переварах": "А в Жабне двадцать куниць да восмъдесятъ бель, а петровшины рубль, а мед и пиво с перевары".

Известно, что перевара по смыслу означает количество меда или пива, изготавляемого за одну варку. Перевара выступала как повинность: крестьяне изготавливали пиво к приезду феодала, о чем сообщает текст новгородской берестяной грамоты №3: "Язъ ему отвечаль: не рекль ми Есифъ варити первары ни накого. Онъ прислаль къ Федось [и]: вари ты пивъ — седиши на безатьшине, не варишь жито". Но перевара была и местом варки пива для феодала и его слуг, которые приезжали для сбора повинностей и суда. В новгородских писцовых книгах имеется также очень важное значение этого слова — группа деревень, податный округ. На примере Жаровского конца проясняется смысл термина "перевара" — община.

Наконец, территориальной общиной третьего порядка была волость. Концы и прочие свободные общины Жабенской волости перед властями представляли выборные старосты, упомянутые в писцовой книге 1490-х годов.

Та же иерархичность и структурность общин свойственна самому Новгороду, где мы встречаем триаду: улица (вместо деревни) — конец — город.

Улица

Река Волхов делила Новгород на две половины. Левобережье называлось Софийской стороной. Здесь располагался Детинец, укрепленный стенами и башнями, за которыми стоял главный храм Новгородской земли — Софийский собор, размещались двор новгородского владыки и Грановитая палата — место заседаний Совета Господ.

С трех сторон Кремль был окружен кварталами-концами: Неревским на севере, Загородским на западе, Людиным на юге. Из Неревского конца в Людин через Детинец проходила центральная магистраль Софийской стороны — Пробойная улица. В Неревском конце она именовалась еще Великой. Тянулась она параллельно Волхову на удалении 150—200 метров от берега. Под прямым углом Великую пересекали более мелкие улицы, выходившие к реке.

Почти аналогичная уличная планировка существовала и на правобережной Торговой стороне. Свое название эта сторона получила от Торга, располагавшегося рядом с бывшей резиденцией новгородских князей — Ярославовым дворищем. На правобережье было два конца: Славенский в южной части и Плотницкий в северной.

Обе половины Новгорода соединял Великий мост. Со всех сторон город был опоясан Окольным городом — цепью каменных и деревоzemляных укреплений. Так внушительно выглядела столица Северной Руси в пору расцвета в XIV—XV веках.

Только археологические раскопки, которые ведутся в Новгороде с 1932 года, позволили узнать, что представляли собой улицы этого великого города. В эпоху средневековья Новгород был одним из наиболее благоустроенных городов Европы. На улицах не было грязи. Все они имели деревянное покрытие из плах, для чего бревна длиной около 4 метров и толщиной 20—30 сантиметров раскалывали пополам и укладывали окружной стороной на длинные лаги, предварительно вырубив на плахах чашечки. Плаха к плахе образовывали многокилометровые настилы.

Время от времени мостовые меняли. При этом прежнюю не разбирали. Новую укладывали на старую. За столетия образовался целый штабель мостовых одна на одной. В Неревском конце такая "поленница" достигала 28 уровней — ярусов. Спили с них позволили получить даты рубки деревьев. Оказалось, что самая нижняя мостовая в Неревском конце была сооружена в 953 году, наиболее сохранившаяся самая верхняя — в 1462 году.

Если бы мы решили прогуляться по средневековому Новгороду, то перед нами бы возник образ деревянного города. Широкие чистые улицы — деревянные мостовые — ведут к Кремлю. На них свободно расходятся люди, всадники. Нигде к настилам мостовых не примыкают дома. Каждый двор за высокой оградой, как крепость. С двух

сторон улицы высокой стеной стоит частокол. Частокольные ограды тянутся по всему городу. Кругом частоколы, до верхушки которых не дотянуться даже всаднику. Не улица, а коридор с деревянными стенами. Со стороны Великой улицы почти нет ворот. Въезд на дворы — только с поперечных улиц. Они носят названия Янева, Щеркова, Разважа, Козмодемьянская, Холопья... Непривычные для нашего слуха.

Центральная улица напоминает змею: она то идет прямо, то сворачивает, изгибаясь, налево, затем направо, то опускается, то поднимается. Все это время мостовая ориентируется на какой-то невидимый для простого глаза ориентир, скрытый в толще земли, — рельеф местности.

Кажется, что и жизнь здесь замкнутая, отгороженная частоколом. Но это не так. Жители отдельных улиц образовывали "живую общину, члены которой составляли плотный союз, связанный и бытовыми, и нравственными интересами, и притом такой союз, который имел юридическое значение, признанное за ним законом", — так писал в прошлом веке известный историк И.Д.Беляев. Называлась такая община "улицей".

Историки называют данную общину по-разному: корпорация (Н.И.Костомаров, А.В.Арциховский, Б.А.Рыбаков, Л.В.Черепнин), община (И.Д.Беляев, С.В.Бахрушин, Я.Н.Щапов), участок города с особым управлением (В.С.Передольский), особый местный мир, пользовавшийся самоуправлением (В.О.Ключевский), городская административная единица (С.В.Юшков).

Каждая улица имела название, а ее жители именовались соответственно: "михайловцы", "ильинцы", "витковцы", "чудинцы" и т.д. — по названиям Михайловой, Ильиной, Витковой, Чудинцевой улиц. Летописные строки, документы пестрят подобными названиями: "козмодемьянне", "даньславцы" и проч. Существовало и обобщенное обозначение жителей улицы — "уличане", с характерным цоканием. Самое древнее упоминание уличан имеется в берестяной грамоте №140, извлеченной из слоя 1313—1340 годов: "Господину Семену Марку челом бьет. Упомяни, что платил серебро перед тобою Давыду. А тогда уличане поминали".

Термин "уличане" бытовал в Новгороде и после его присоединения к Москве. На колоколе Антонова монастыря, отлитом в 1609 году, указана его принадлежность: "Антоновского посаду уличан".

В быту жители улиц именовали друг друга "братьями". Берестяная грамота №276 "от Одрея со братию" была адресована уличанским старостам Василию и Сидору.

На одной улице проживали вместе бояре, купцы, простые горожане. Иными словами, социальный состав уличан был неоднородный. И археологические раскопки последних лет это подтверждают.

На Козмодемьянской улице во второй половине XIV — начале XV веков три двора принадлежали знатной боярской семье Мишиничей-Онцифоровичей. На одном из них стояли каменные палаты. Именно на этих усадьбах были выявлены наиболее яркие находки: слиток серебряной гривны (бояре сорили деньгами в прямом смысле слова), костяная ручка ножа парижской работы с изображением двух конных рыцарей, фрагмент западноевропейского бронзового водолея, обломки золотоординской посуды, осколки сирийского стекла, не говоря уже о многочисленных рядовых предметах, редких для прочих усадеб.

На соседней улице в то же самое время проживали небогатые горожане, купцы, феодалы небоярского происхождения (житви). Все они были уличанами — членами одной общины Холопьей улицы.

Каждая улица имела свою четко зафиксированную территорию. Границей между отдельными улицами служил частокол, проходивший по тыльным сторонам дворов параллельно улицам. Впервые он был зафиксирован в Неревском раскопе в 1950-е годы. Археологов тогда поразила его стабильность. Он располагался на одном и том же месте с X по XV века. Первоначально на него смотрели как на границу боярской усадьбы, неизменную в течение столетий. Однако позже такие же частокольные ограды выявили и на дворах рядовых горожан. Эти постоянные частоколы на межуличанских рубежах просуществовали вплоть до конца XVII века. Они запечатлены на плане южной части Неревского конца 1695 года. Судя по одной из актовых грамот XV века, межуличанский частокол назывался "межой".

Территория в пределах уличанской ограды включала несколько участков. По ее центру проходила мостовая, в строительстве которой принимала участие вся улица. Земля под мостовой являлась собственностью всех уличан. В 1439 году мостовая Михайловой улицы была подрублена на полфута плотником, ставившим косяки ворот Немецкого двора. Разгневанные жители Михайловой улицы требовали повесить старосту-немца за то, что тот "посягнул на их землю".

Помимо мостовой в общем пользовании, а следовательно, и общей собственности, был участок берега у Волхова в начале улицы. Он так и назывался "берег". Это не что иное, как ворота в мир. Река являлась главной дорогой в этом болотистом крае. По ней сплавляли лес, столь необходимый для строительства. Отсюда уличане отправлялись на лодках и судах по своим хозяйственным делам. Берег был местом причала. Здесь же брали воду.

На противоположном конце мостовой находилось "поле", или "заполье", где располагались "полоски", "нивки", числившиеся и в XVI столетии "за всеми уличаны". Источники упоминают "Чюдинцовское", "Прусское", "Никитцкое", "Козьмодемьянское" заполье, которое было составным элементом улицы. При раскопках практически на каждой усадьбе археологи находят навоз, который является прямым свидетельством наличия у горожан домашнего скота. Для выгона скота требовалось пастбище, функцию которого исполняло заполье.

Наличие " поля", мостовой, "берега" у каждой улицы объясняет фразу летописи под 1530 годом, когда князь Василий Иванович приказал "все улицы из поля в берег прямо разметить". Заполье являлось резервом для роста улицы. Территория улицы не оставалась неизменной, а росла в длину.

Уличане заботились об охране своей территории. В 1391 году напротив каждой улицы силами уличан были возведены каменные башни — "костры", охранявшие проход и въезд в город. Конечно, наличие такого количества башен с проездом шло в ущерб обороноспособности Новгорода. Но этого требовала уличанская собственность на землю. Каждой улице было выгодно иметь свой выезд из города.

С территориальностью уличанских объединений были связаны и решетки, запирающие по ночам улицы со стороны центральной сквозной магистрали, проходившей через весь район. Однако для Новгорода решеточная служба не являлась исконной. Она возникла в XVI веке под влиянием московских порядков. Известно распоряжение великого князя 1530 года о том, чтобы решетки ставить "по всему граду". Одна из таких решеток известна по иконе XVI века. К тому же времени относится изображение решетки на миниатюре Никоновской летописи. Конструкция их — ряды поперечных и продольных перекладин. Охраняла решетки в московское время специальная стража, для которой ставились специальные помещения — "сторожи".

Общинное землевладение у уличан сочеталось с индивидуальным. Отдельные дворы, из которых состояла улица, покупались и продавались. Древнейшее свидетельство о продаже двора датируется началом XII столетия. Это берестяная грамота №424: "Поклон от Гюргея к отцу и к матери. Продав двор, идите сюда, в Смоленск, или в Киев. Дешев здесь хлеб...". Однако присутствие общины накладывало своеобразный отпечаток на движение "частной" собственности. Улица могла оставить за собой право на опустевший двор без хозяина и владеть им на "корпоративных началах", как это было в XVI веке.

Жители улиц сооружали совместно церкви, тем самым уличанская община становилась церковной общиной. Храмовые праздники отмечались всеми жителями улицы. Сообща жители участвовали в мощении своей улицы. Здесь, правда, не ясно, собирали ли они на это средства или же сами мостили.

К числу общественных сооружений следует отнести и так называемые "обчины", "гридницы", "беседы улицкие", упомянутые в письменных источниках. Полагают, что данные строения являлись местом сбора уличан, своеобразной канцелярией, где осуществлялся суд. Одна из таких "бесед" была раскопана на перекрестке Великой и Холопьей улиц в слоях второй половины XIII — середины XV веков. Рядом с ней найдены берестяные грамоты, посвященные разбору спорных дел.

Уличане имели общие празднества, прежде всего пиры — "братьчины", которые, по-видимому, носили некий ритуальный характер. Уличанскими праздниками были храмовые — религиозные. На одной из усадеб Козмодемьянской улицы найден комплекс свадебных документов на бересте (№№ 261—264). В него входили списки дарений. Среди дарителей явно жители той же улицы, например, Онаний Курицкий, известный по летописи как строитель церкви Козмы и Дамиана. Список дарителей длинный и далеко не полный. Вероятно, и свадьбыправлялись улицей.

Важнейшим элементом общественной жизни было уличанское собрание — вече. Описание веча Михайловской улицы дано в переписке ганзейских купцов от 28 декабря 1439 года, где описывается конфликт михайловцев с приказчиком Готского двора. В письме сообщается, что у ворот иноземного двора "собралось большое число возбужденных людей и были отряжены посланцы приказчика двора". Люди сидели на мостовой (не стояли!). Они направили своих представителей на Готский двор привести к посаднику и тысяцкому виновного в посягательстве на их землю при установке дверей ворот. Перед нами организованное собрание, а не просто толпа. Здесь же присутствуют и официальные представители улицы — старосты.

Вече в данном случае состоялось на мостовой Михайловской улицы, напротив ворот, рядом с церковью святого Михаила. Улица стала вечевой площадью. Такая же площадь, видимо, была и у перекрестка Великой и Холопьей улиц, рядом с улицкой беседой.

Община уличан имела своих выборных представителей в лице старост. Старост было двое. Из текста летописного сообщения 1476 года следует, что старосты были как из бояр, так и из числа жильых — феодалов небоярского происхождения. Среди старост Славковой улицы были указаны Иван Кузьмин и Трофим Григорьев, для Никишиной улицы это Григорий Киприянов, сын Арзубьева, и Василий

Фомин. Иван Кузьмин назван боярином, а Григорий Киприянов — житиим. Василий Фоминич отмечен в списке новгородских посадников, которые, как известно, избирались из бояр. Возможно, старосты были представителями разных социальных слоев горожан — бояр и небояр.

Старосты улиц представляли население во взаимоотношениях Новгорода с великим князем в XV веке. Они были посредниками между уличанскими общинами и вышестоящими инстанциями, например, посадником и тысяцким. Старосты наблюдали за неприкосновенностью уличанской территории, осуществляли контроль за земельными сделками между дворовладельцами — жителями своих улиц. Участвовали они и в уличанском суде, в состав которого, очевидно, входил и представитель местной церкви.

Уличанский суд — низшая судебная инстанция на уровне разбирательства и примирения сторон о "татьбе" — грабеже, "обиде". Задача данного суда — решить конфликт своими средствами, не доводя до городского.

Еще одним органом самоуправления улиц был совет старейших. Его единственное упоминание относится к середине XV века в связи с приобретением Островским монастырем у Карпа Васильева двора с хоромами и огородом на Рогатице улице. Грамота упоминает "старейших людей" "великой улицы Рогатицы".

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что улицы Новгорода были самоуправляющимися административно-территориальными единицами — общинами. Они объединялись в более крупные общины — концы.

Новгородские концы

Все, что было только что сказано об улицах, приложимо и к концам Новгорода. Характеристика улиц и концов практически идентична.

Концы имели свое самоназвание: Неревский, Людин, Славенский, Загородский, Плотницкий. Два последних более поздние. В древности Новгород имел три конца. Жителей этих районов называли "неревляне", "славяне", "загородцы", "плотники". В ходу было и "кончяне", "братья".

Концы представляли собой территориальное объединение входивших в них улиц. Между отдельными концами существовала и граница. К концам примыкала общинная земля. В Неревском конце это было "поле", где возник Никольский монастырь. Славенский конец владел землею на реке Вишере. Часть ее он пожаловал в начале XV века Саввино-Вишерскому монастырю. Земля эта принадлежала всем жителям конца, что следует из текста жалованной грамоты: "Покончаша промежу себя посадники великого конца Славенского,

и бояре, и житы люди, и весь великий конец Славенский, и пожаловавша игумена Алексея и старцов святаго Вознесения". Земля называется "кончанской", то есть общинной.

Концы имели свои храмы. Для Неревского конца летопись прямо указывает на церковь 40 Святых. Возле нее в 1218—1219 годах собиралось вече неревлян ("созвониша вече") под звон колокола. Здесь возле храма располагалась и вечевая площадь.

А.В.Арциховский предполагает, что в каждом конце имелись специальные общественные здания, называвшиеся "континами". В Польше они украшались разными скульптурами, имели богатую отделку, предназначались для общественных нужд. Скорее всего, здесь осуществлялось и кончанско судопроизводство, заседал совет старейших из старейших посадников и тысяцких — основных выборных должностей конца.

Каждый район Новгорода имел свою печать как символ законодательной, административной и судебной власти.

Пять концов в XIV—XV веках образовывали Великий Новгород — общину более высокого порядка, чем конец.

Город — община

Новгороду свойственны все черты соседской территориальной общины. Подобно уличанам, кончанам, новгородцам между собой называли друг друга "братья". Посадник Твердислав обратился ко всем новгородцам с знаменитыми словами: "А вы, братья, в посадничестве и в князьях вольны!" "Братом" Новгорода был Псков. Об этом прямо пишут летописцы. Термин "брат", таким образом, распространялся и на весь Великий Новгород и на Псков.

Как улицы и концы, Новгород имел свою территорию. Городская община была территориальна. Но под территорией не следует понимать землю только в пределах городских укреплений. ТERRITORIЯ Новгорода не есть совокупность владений концов. Новгород — это и город, и его округа. Летописца интересуют события, связанные с монастырями Новгорода, удаленными от "града"-Детинца на километры. Для него все эти монастыри находятся в Новгороде. Здесь и Хутынь, и Юрьев монастырь, и Городище. В округе располагался фонд общегородских земель.

Новгородская община имела свой храм — Софию. "Где София — там и Новгород", — говорили новгородцы. Рядом с Софией располагалась вечевая площадь. Другая площадь для вече была на Торговой стороне. Вече — неотъемлемая часть городской жизни. На нем обсуждались и решались важнейшие дела республики.

Городская община выбирала высших должностных лиц: посадника, тысяцкого, владыку, князя. Все это выборные должности, ведавшие управлением, судопроизводством, войском, церковью.

Эквивалентом уличанских изб и контин в концах для Новгорода была палата на владычном дворе. Сначала это деревянная постройка, а с 1350 года — каменная. В 1433 году ее сменила Грановитая палата, дошедшая до нашего времени. В ней заседал Совет Господ — высший правительственный орган исполнительной власти, подчинявшийся новгородскому вечу.

В XIV—XV веках Новгород имел свою печать — "Печать Всего Новгорода", "Печать Новгородская", "Печать Великого Новгорода".

Улица — конец — Новгород, — такова иерархия общинных структур столицы Северной Руси. Все три типа городских общин подобны, всем им свойственны одни и те же черты. Но те же черты были свойственны и сельским общинам: деревне, концу=переваре, волости. Горожанин в эпоху средневековья был таким же общинником, как и смерд. Но в отличие от сельской жизни, городская протекала на более ограниченном пространстве. Сам Новгород по своей общинной структуре оказался волостью, сжатой до размера города. Единство общинных структур Новгорода и Новгородской земли теперь стало очевидным.

Заключение

Наше путешествие по Жаровскому концу Жабенской волости завершилось. Оно длилось пять лет и открыло огромный пласт отечественной истории, забытой, но поддающейся восстановлению. Прошлое лежит под ногами, в земле. Его надо изучать, чтобы знать свои истоки. Путеводной нитью в таком исследовании должны стать Новгородские писцовые книги. Археологический комментарий к ним позволит получить данные о системе расселения в эпоху средневековья, взглянуть на волости XV века как на сложнейшие археологические комплексы, проследить истоки административно-территориального деления, восстановить в полном объеме историю небольших регионов. Комплексное исследование по Жаровскому концу — лишь начало долгого пути. Чем раньше мы тронемся в этот путь, тем больше сумеем получить данных для потомков об историческом прошлом, более точно его восстановить. С каждым годом безвозвратно исчезают памятники, уходят из жизни старики, хранящие в своей памяти бесценную информацию о прошлом края, забываются местные названия, перестают существовать деревни. Надо спешить!

Можно только позавидовать будущим историкам и археологам, которые соберут материалы о сотнях волостей XV века, описанных в Новгородских писцовых книгах. Наши знания должны возрасти в сотни раз. Можно позавидовать и будущим археологам, которым предстоит открыть неизвестные ранее страницы жизни столицы Северной Руси. Когда все эти знания будут соединены, история Новгорода и Новгородской земли предстанет в довольно полном виде. Уверен, что общинные основы жизни в эпоху средневековья станут еще более зримыми, яркими и очевидными. Путешествие в древность подарит исследователям радость открытий. В такие минуты многим, очевидно, вспомнятся слова великого Н.К.Рериха: "Люблю Новгородский край. Люблю все в нем скрытое. Все, что покоятся тут же среди нас. Для чего не надо ездить на далекие окраины: не нужно в далеких пустынях искать, когда бездны еще не открыты в срединной части нашей земли. По Новгородскому краю все прошло. Прошло все отважное, прошло все культурное, прошло все верящее в себя".

28 мая 1991 г.

Краткий словарь исторических терминов

Вира — побор, штраф в пользу князя за убийство свободного человека.

Житыи — феодалы-землевладельцы из числа горожан.

Кончанская структура — деление волости, города на концы-общины. Подробнее о концах Новгорода говорится в части III книги.

Коробья — мера сыпучих тел (зерно) — 7 пудов, мера пашни около 1 гектара.

Куна — денежная единица. В гривне насчитывалось 25 кун.

Обжа — единица, с которой исчислялся налог ("обежная дань"). Новгородцы говорили Ивану III, что их обжа — это "один человек на одной лошади орет (пашет. — В.Б.)". Это не была точная мера земли. Писцы приравнивали в конце XV века к обже двор.

Погост — административный и религиозный центр волости, центр сельской округи. Первое упоминание в летописи о погостах имеется под 947 годом, когда княгиня Ольга ставила погосты по рекам Мсте и Луге. Как мелкие административные центры, сохранялись вплоть до XX века. На погостах ставили церкви, при которых возникали кладбища. В современном народном сознании погосты отождествляются с кладбищем.

Пол-30 — в переводе означает 30 без пяти, то есть 25. *Пол-200* составляло 195.

Тиун — должностное лицо князя, правитель волости.

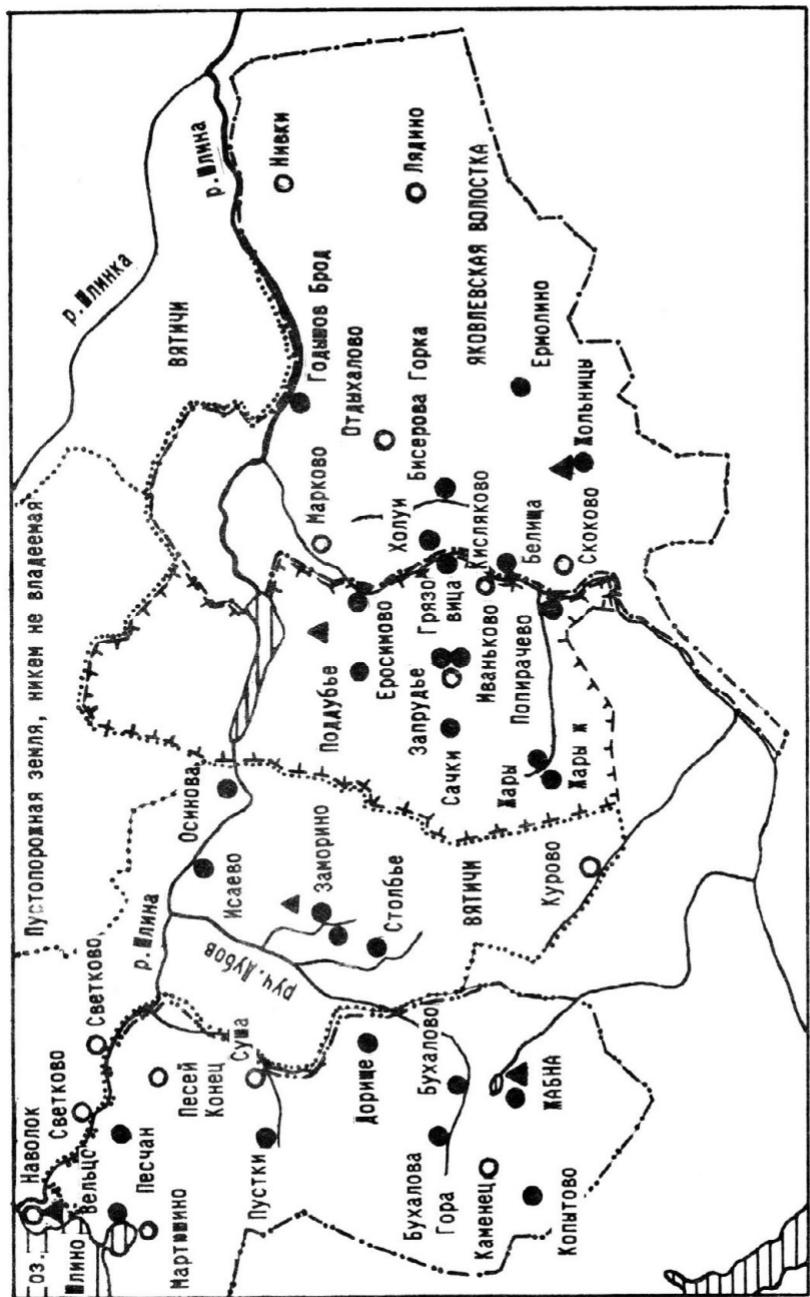

СОДЕРЖАНИЕ

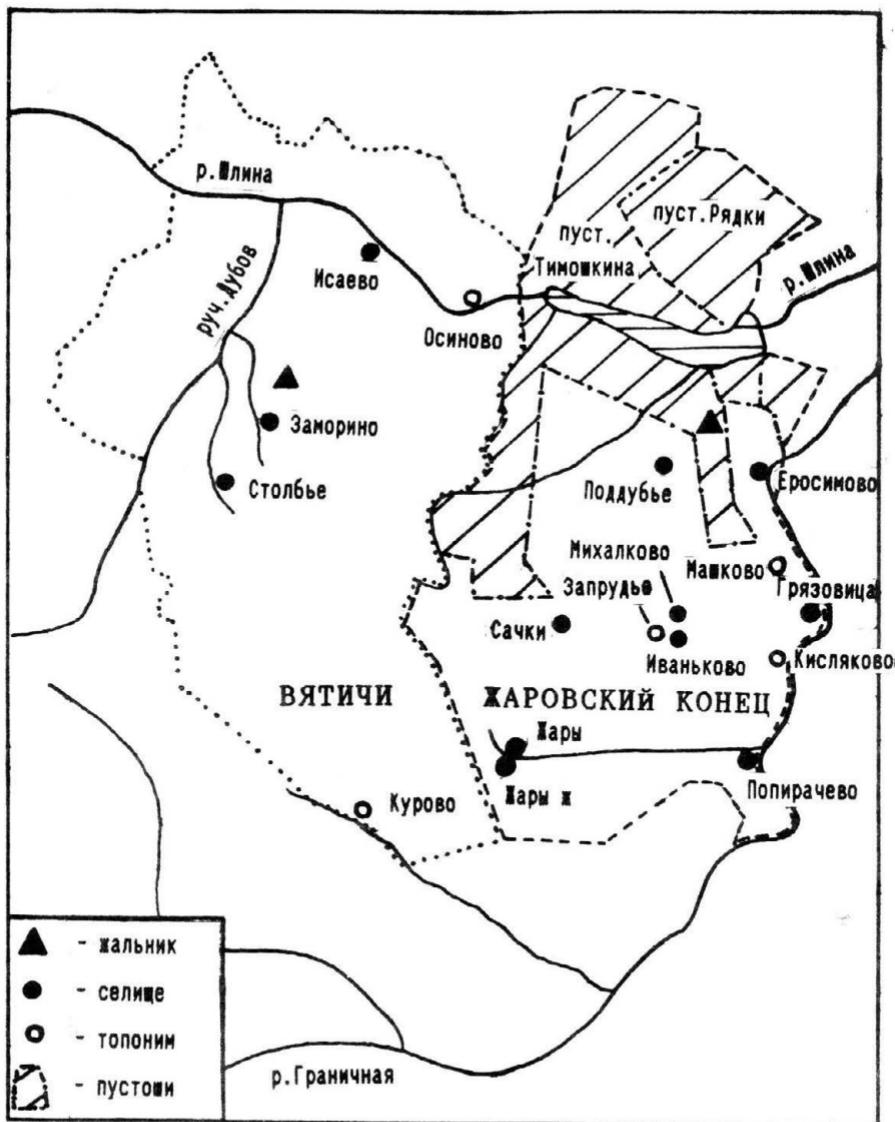
Предисловие	3
ЧАСТЬ I. В ПОИСКАХ ДЕРЕВЕНЬ ПИСЦОВЫХ КНИГ	12
Глава 1. По Жаровскому концу	11
Где же ты затерялась, деревенька?	11
Иваньково	12
Сачки	15
Михалково	18
Жары	20
"Жары ж"	21
Поддубье	22
Еросимово	22
Попирачёво	25
Грязовица	26
Машково	27
Кисляково	27
Запрудье	28
Деревенская община XIV—XVI столетий	29
"Жалиться" — значит печалиться	33
Жаровский конец как община	36
Глава 2. Яковлевская волостка	37
Яков Иванович Скомантов и Ивашка Сухой	38
Какой доход имел Яков Скомантов?	39
Холуи	40
Жольницы	43
Скоково	44
Становище	46
Белище	46
Бисерова Горка	48
Ермолино	49
Лядино	49
Отыхалово	50
Пепельниково	50
Марково	51
Гадышов Брод	51
Нивки	53

Боярская волостка как территориальная единица	53
Община в вотчине	54
Глава 3. На родине Нила Столбенского	55
Нил Столбенский — уроженец жабенский	55
Сколько лет Жабнам?	57
Дориша	61
Бухалово	62
Бухалова гора	62
Пустки	62
Песий Конец	64
Суша, Березья, Песчан	64
Вельцо	65
Матрюшино	66
Юркина Горка и Чернышово	66
Копытово	67
Каменец	68
Некоторые выводы	69
Глава 4. Несколько слов о вятичах	70
Заморино	70
Исаево	71
Осиново	71
Столбье	71
Курово	72
Глава 5. Великий крестьянский исход	72
ЧАСТЬ II. ИСТОКИ	77
Глава 1. Загадки Варвариной Горы	77
Был ли город?	77
Где находилось городище?	78
Городище — памятник дьяковской культуры	80
Медеплавильная печь	81
Украшения древних модниц	84
Металл рассказывает	85
Глиняные изделия	88
Прочие находки	89
Глава 2. Кривичи на Шлине (VI—IX века)	90

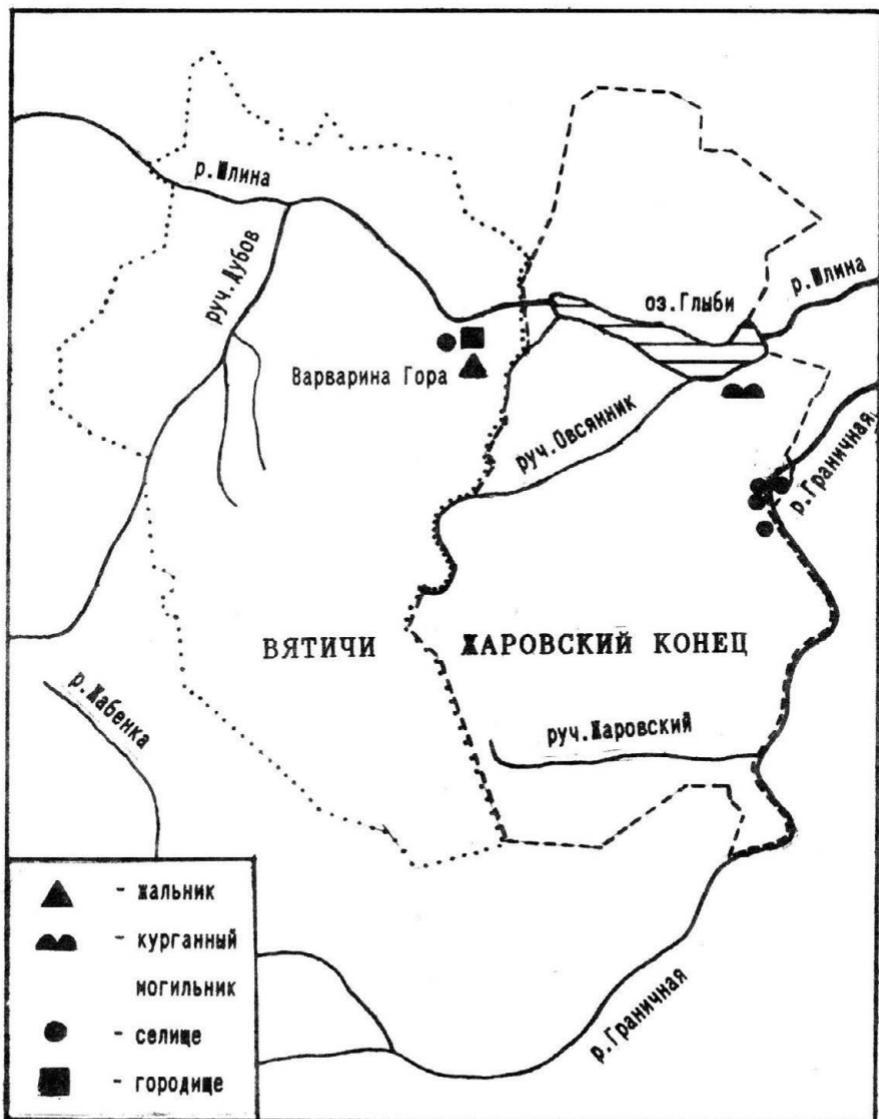
Летопись о кривичах	90
Поселения кривичей	93
Могилы кривичей	97
Кто такие кривичи?	100
Организация общества	101
Как назывался род у славян?	105
Сакральность коня	107
"Круговорот душ" в роде	108
Реконструкция родоплеменной структуры	109
Об истоках дуально-братьской организации кривичей	113
Экологический, социально-экономический и политический кризис конца IX—X веков	113
 Глава 3. Вервь и вотчина на Шлине	
в X—XIII веках	116
К топографии древнерусских сел	116
Археологические данные о соседской общине X—XIII веков	117
Общинный могильник XII века	118
О соотношении терминов "вервь" и "конец"	119
Боярская вотчина на Шлине	120
 Глава 4. Становление деревенской общины на рубеже XIII—XIV веков	
	123
 Глава 5. Общины волости Жабна и общины Новгорода	
Улица	127
Новгородские концы	128
Город — община	133
	134
 Заключение	136
 Краткий словарь исторических терминов	137

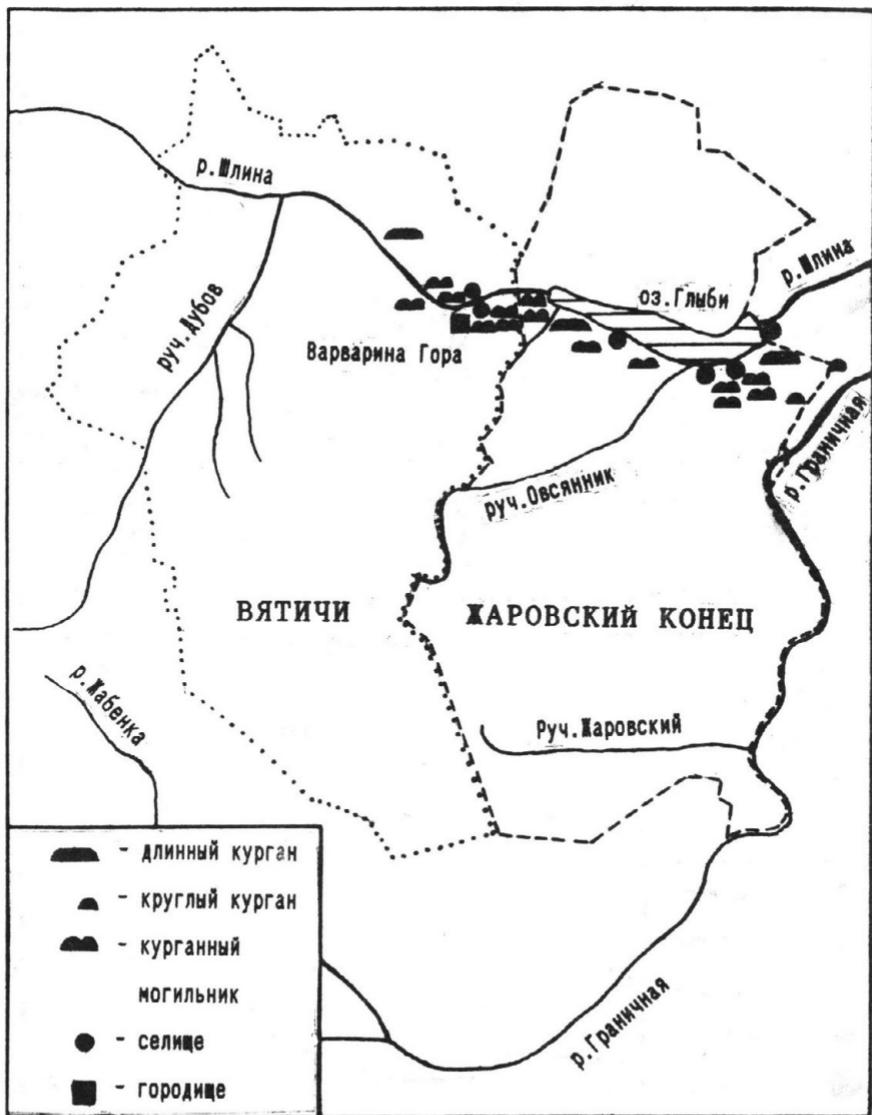
Памятники археологии верховья р.Шлины XIV—XV вв. деревни писцовой книги 1495 г.

Деревни Жаровского конца и заморинской части Вятичей, упомянутые
в новгородской писцовой книге 1495 г. Подоснова — карта
Генерального межевания 1780-х годов

Территория Жаровского конца и Вятичей в X — начале XIV в.

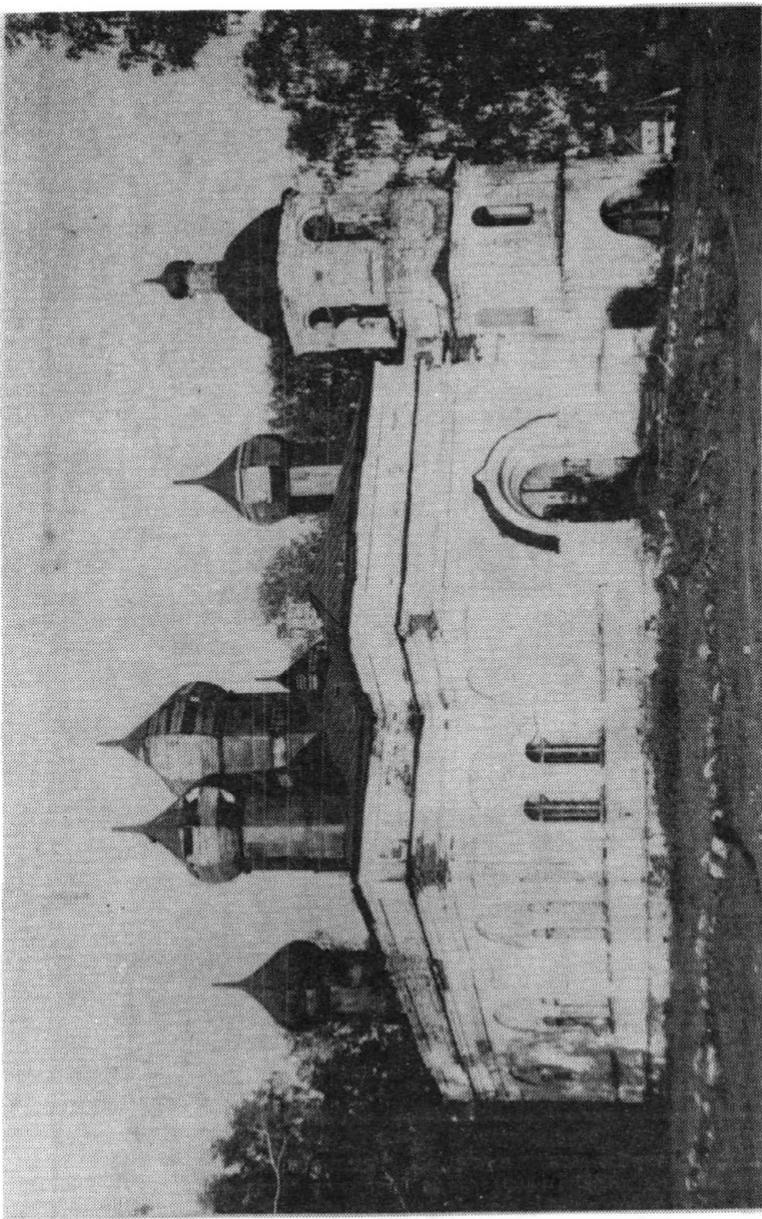
Памятники культуры длинных курганов на р.Шлине

Кремневый наконечник копья или нож с разрушенной стоянки
на месте селища Городок 1

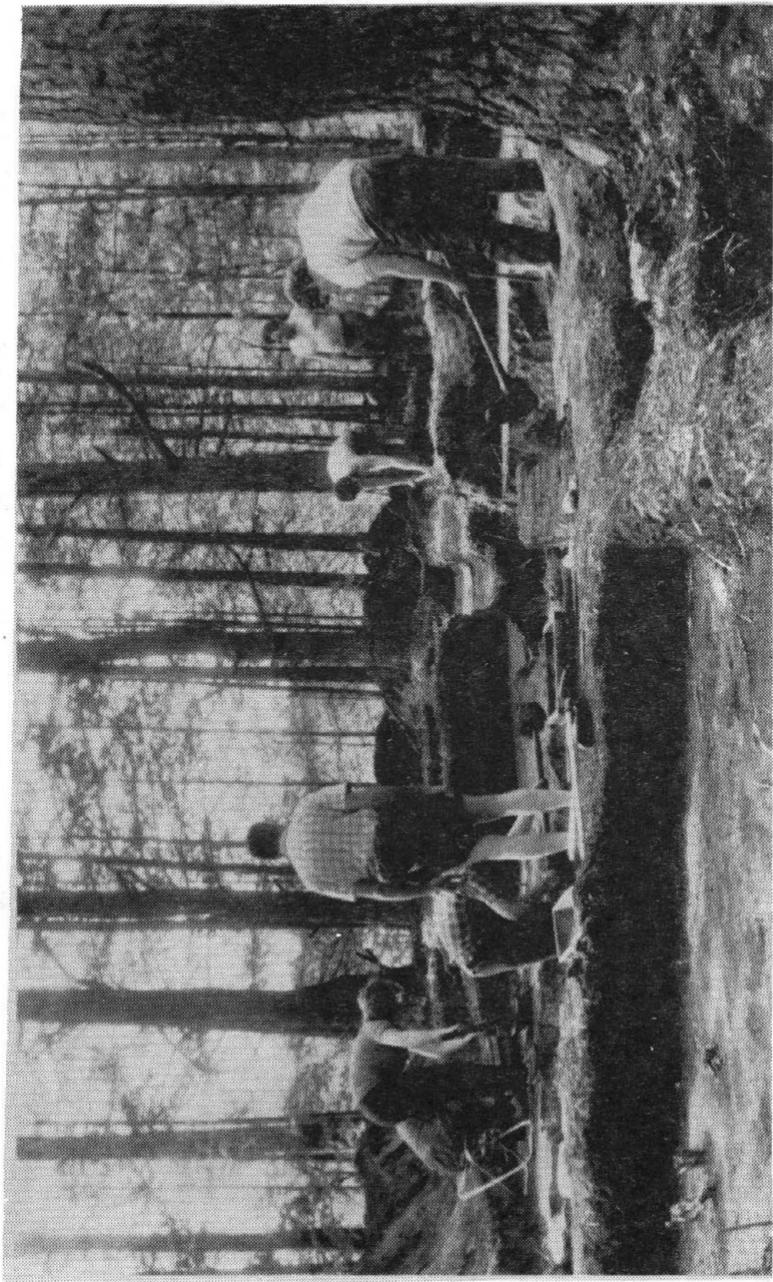

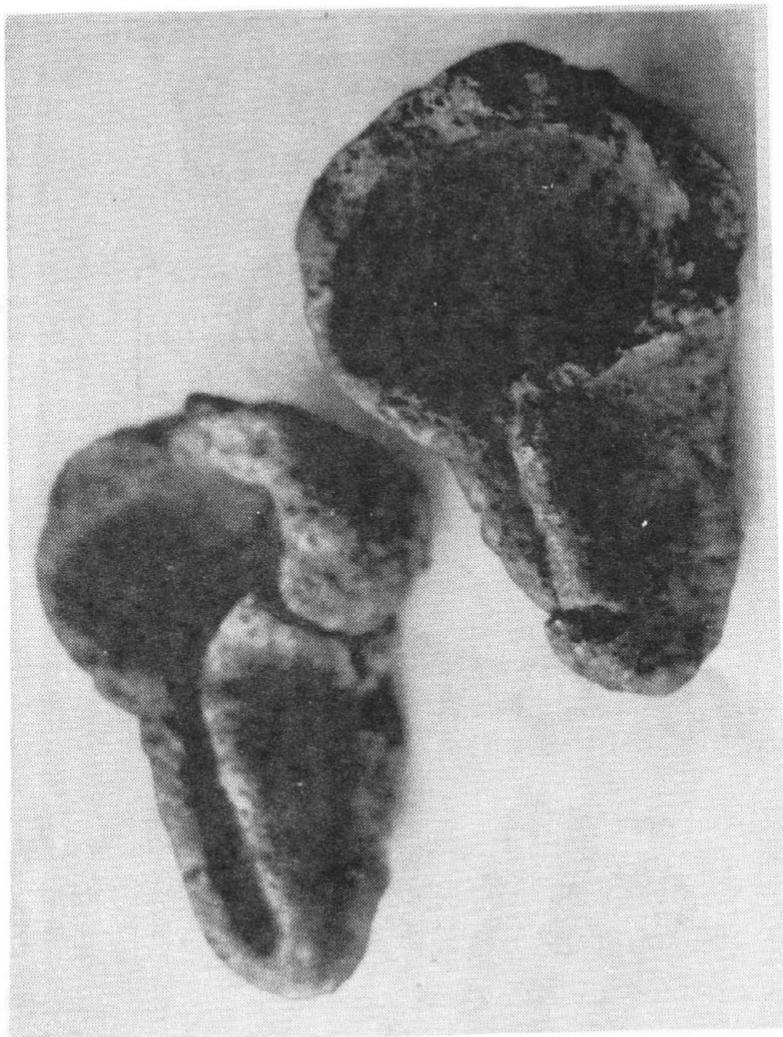
Горпки коня XIII—XIV вв. из курганной насыпи курганно-жальчичного могильника
у д. Поддубье

Погост Жабна. Церкви Нила Столбенского и Никольская.
Снимок 1987 г.

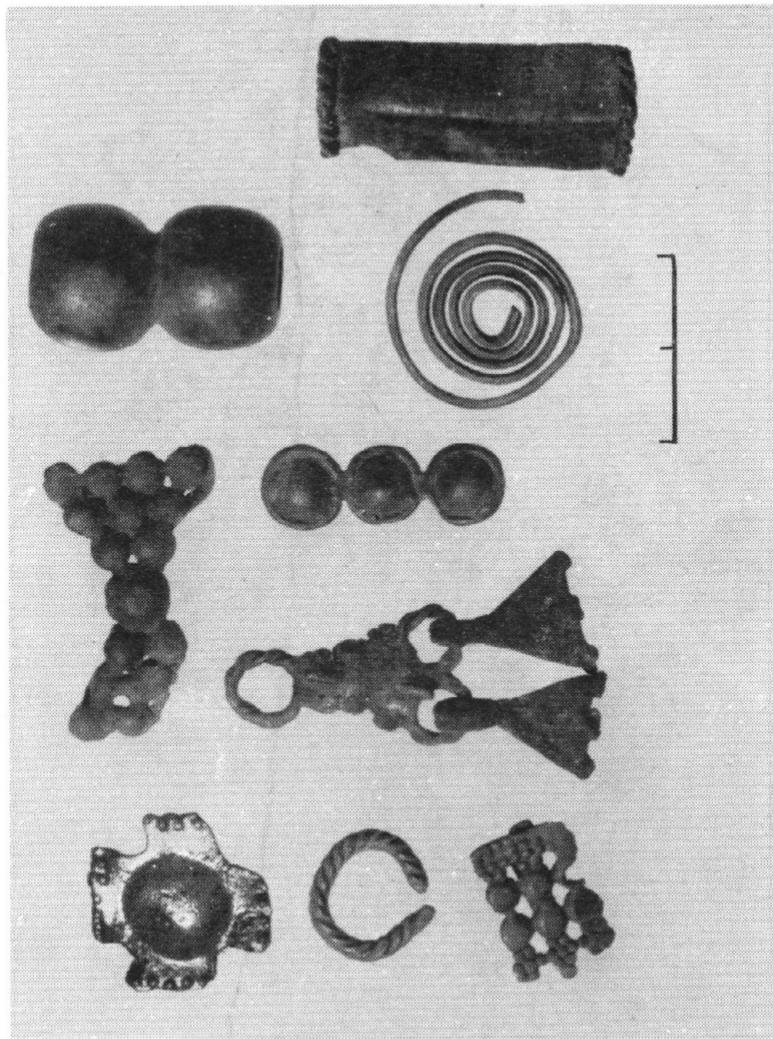
Раскопки на Городище Варварина Гора. Июль 1989 г.

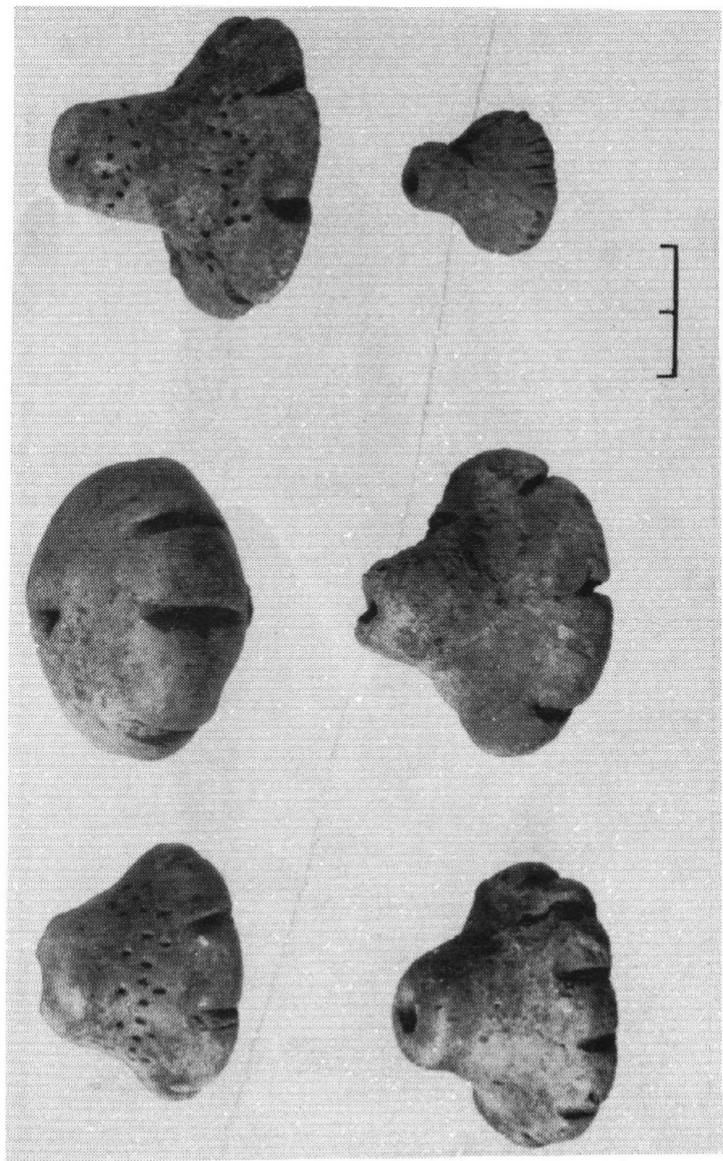

Городище Варварина Гора. Лычаки позднедьяковского времени

Бронзовые украшения позднедьяковского времени с городища Барварина Гора

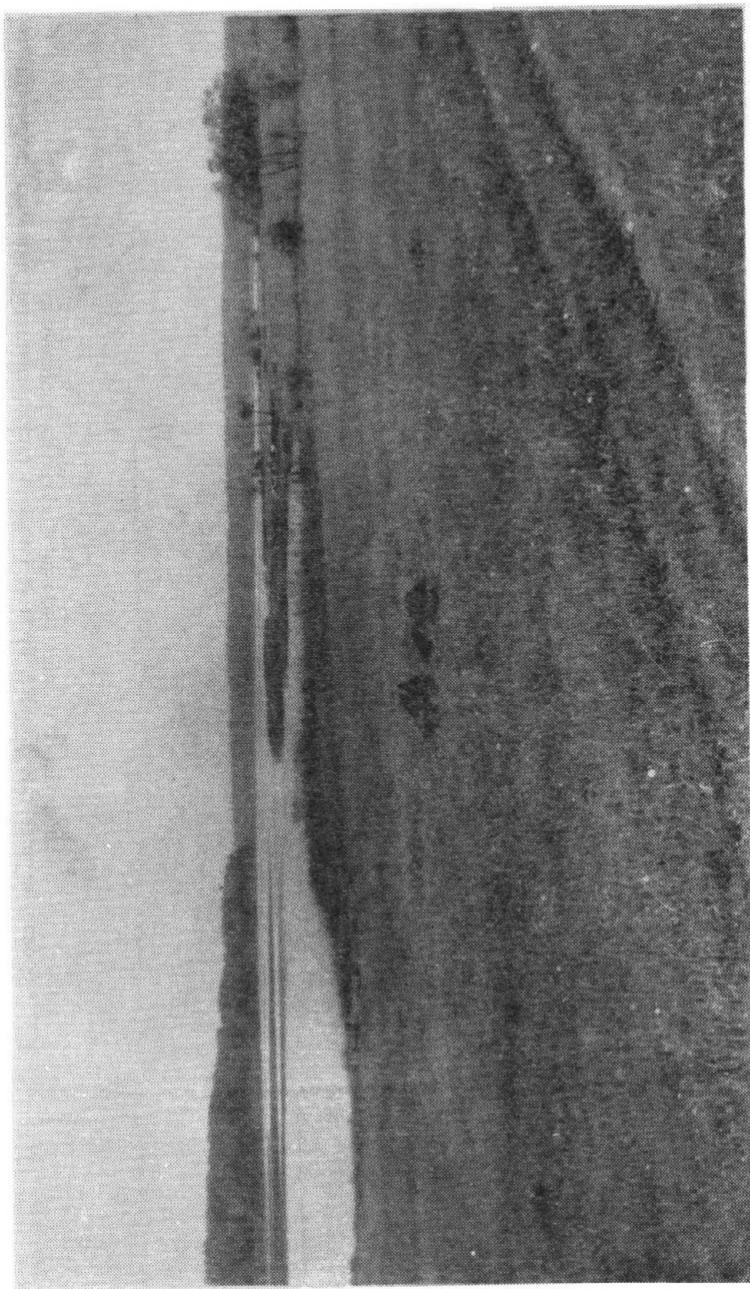
Грузики дьякова типа с городища Варварина Гора

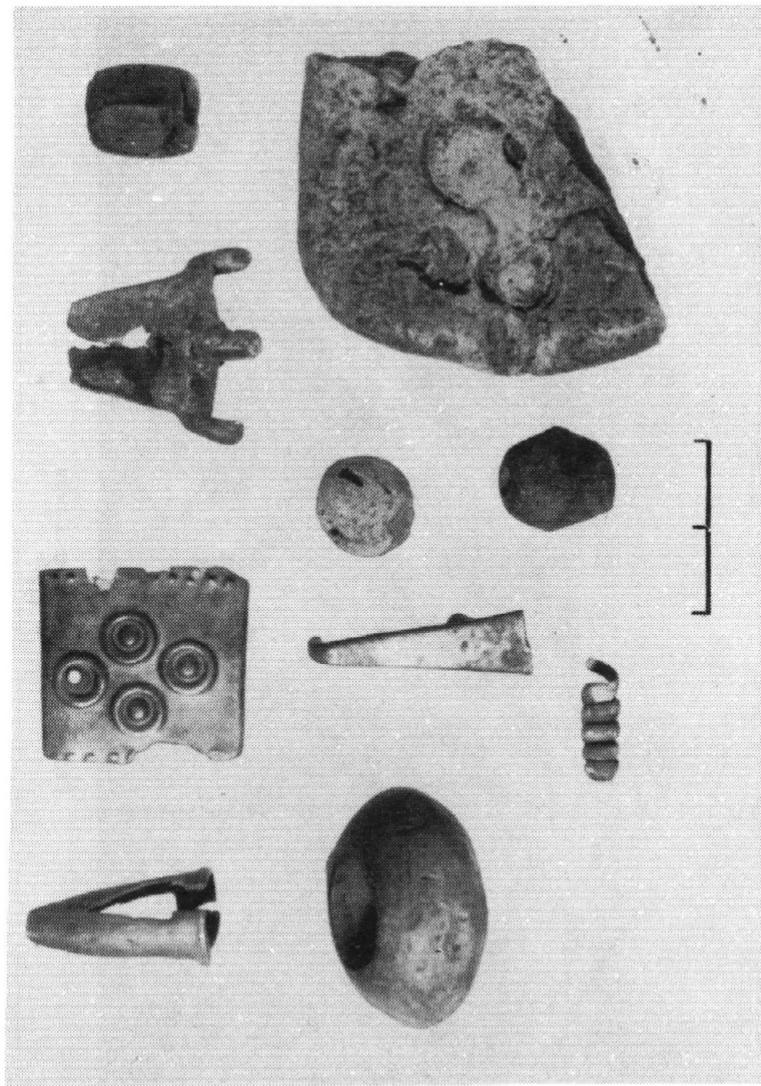

Железные изделия позднедакийского времени с городища Варварина Гора: серп, два ножа, огниво

Селище кривичей на оз. Глыби

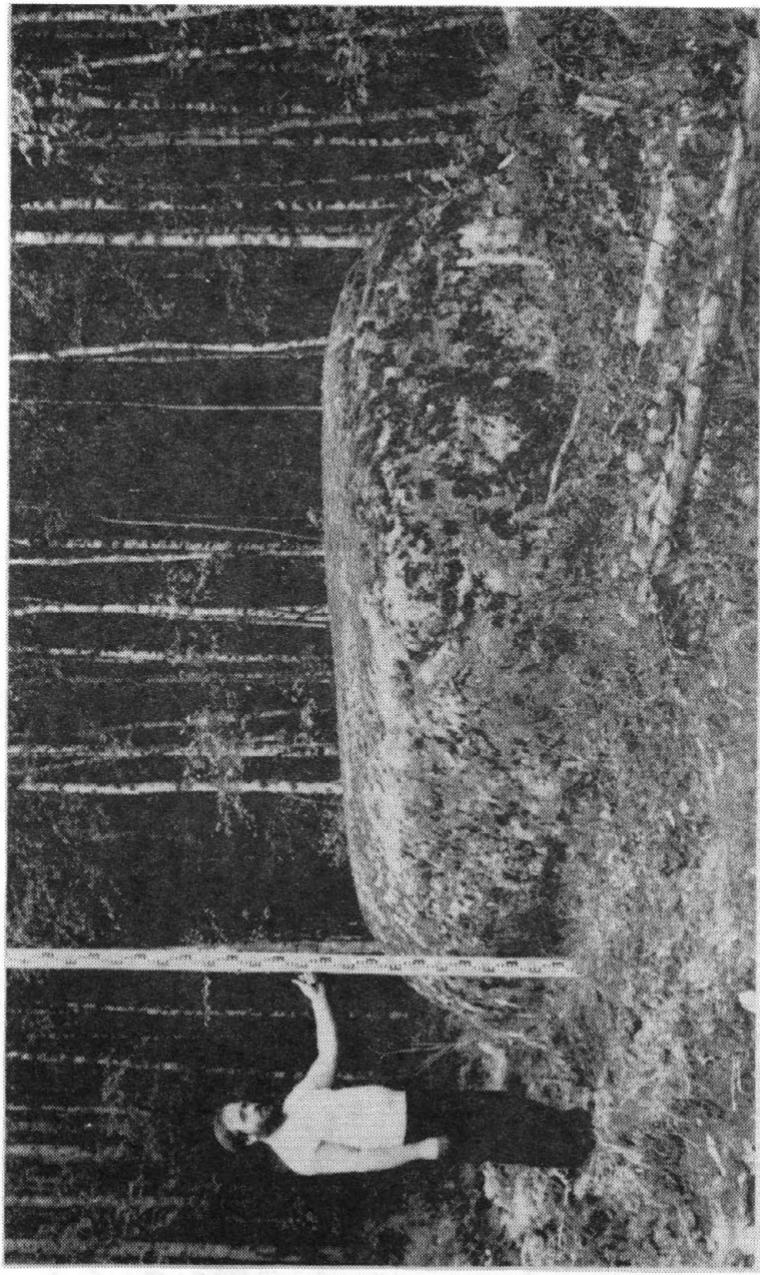

Найдены с селища Городок I культуры длиных курганов:
бронзовы подвески, бляшка, бусы из стекла и глины, приспиле, литейная формочка

Погребальные насыпи культуры длинных курганов

Культовый камень к северу от оз. Глыбн

ЧИТ.ЗАЛ

4757-06

БУРОВ ВЛАДИМИР АНДРОНОВИЧ
А погост Жабна пуст...

Отпечатано в типографии фирмы "Эвтектика"
заказ 525, тираж 980

Подписано к печати 29.12.94
1/16 60x90, уч.изд.л. 8,4, печ.л. 9,625
гарнитура таймс, печать офсетная
бумага офсетная 65 г/м²
Москва, ул. Кржижановского, дом 14, корп. 3
тел.: 332-59-93, 332-59-95